

ДОНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

ВЫПУСК 3

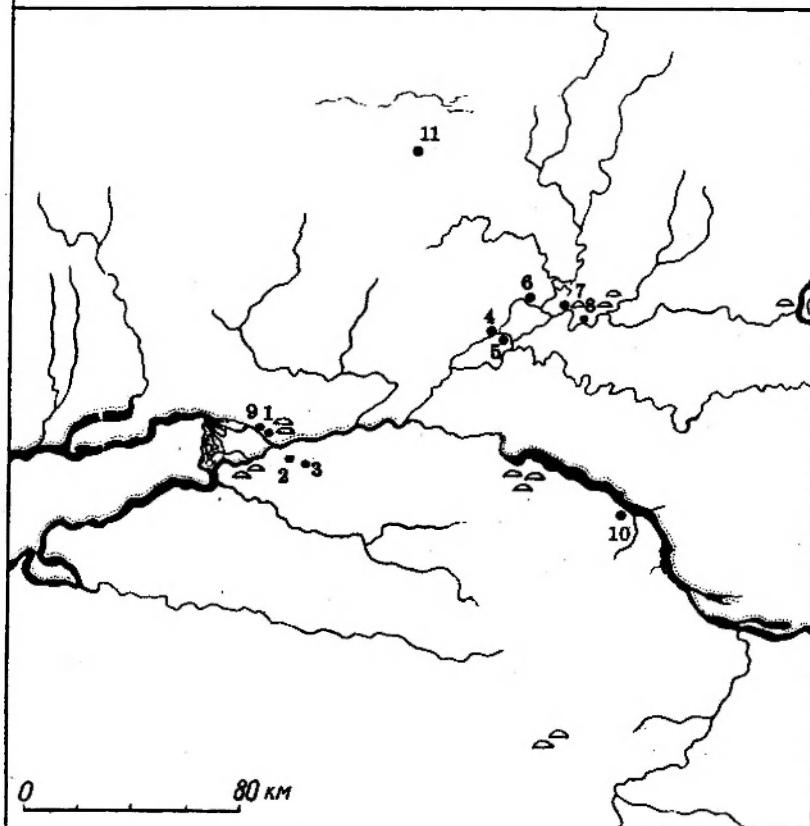

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ДОНА

• - поселения, стоянки, грунтовые могилы

⌒ - курганы с ранними погребениями

1. Ливенцовское	7. Константиновское
2. Батай	8. Ведерники
3. Заливное	9. Каратаево
4. Раздорское-I	10. Южный
5. Ракушечный Яр	11. Лиховский
6. Самсоновское	

АЗОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ДОНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

ВЫПУСК 3

г. Азов, 1994 г.

АЗОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ДОНСКИЕ ДРЕВНОСТИ. ВЫПУСК 3.

В. Я. Кияшко

МЕЖДУ КАМНЕМ И БРОНЗОЙ

(Нижнее Подонье в V—III
тысячелетиях до н. э.)

г. Азов
1994 г.

ББК 63. 4 (2Р37)

Д 67

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО РЕШЕНИЮ РЕДАКЦИОННО-
ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА АЗОВСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

Ответственный редактор: член-корреспондент Российской Академии Естественных Наук, профессор **А. П. Пронштейн**.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

председатель — **А. А. Горбенко**, редактор — **И. П. Кирсанова**, **В. М. Косяненко**, ответственный секретарь кандидат исторических наук — **С. И. Лукьяшко**, доктор исторических наук — **В. Е. Максименко**.

Донские древности. Вып. 3. Азов. Азовский краеведческий музей, 1994 год.

В выпуске печатается исследование к. и. н. В. Я. Кияшко, результаты многолетних раскопок археологических памятников эпохи раннего металла на Нижнем Дону. В работе впервые дана общая характеристика источников по истории нашего края в V—III тыс. до н. э., рассматривается значение этого периода в процессе дальнейшего развития материальной и духовной культур Дона.

ОТ АВТОРА

Оглядываясь на спрессованные историей века, мы неоднозначно воспринимаем прошлое. Как на разрушенных многослойных фресках яркий фрагмент ранней живописи может проглянуть сквозь блеклое письмо поздних ремесленников и, на секунду обманув своим совершенством реставратора, заявить о мнимой хронологической близости, так и былое развитие то удивит несвойственным времени убожеством, а то заставит усомниться в глубокой дате — настолько будет соответствовать современным меркам. Открытые на рубеже XIX—XX веков памятники Майкопа и Триполья, первоначально отнесенные авторитетами археологии к раннему железному веку, в действительности оказались почти на два тысячелетия старше!

Привычные условности деления человеческой истории на те или иные периоды и этапы лишь помогают связно представить процесс, но далеко не объясняют причинно-следственных звеньев его составляющих. Мы выделяем в европейском средневековье Возрождение и Великие географические открытия, Крестовые походы и Реформацию, Абсолютизм и Революции, но последствия этих действительно значительных эпох, процессов и событий сплетены в такой тугой и сложный узел, что, даже располагая фондом письменных источников, трудно согласовать подмеченные закономерности с конкретикой жизни отдельных народов и территорий.

Так в российской современности после долгой стагнации скорый процесс перемен, ломая старые представления, жест-

ко вторгается в быт, меняет не только настоящее, но и заставляет усомниться в прошлом. Казалось, все пришло в движение. Но на фоне громких новаций уже сегодня можно с удовлетворением отметить, что труженик продолжает трудиться, творческая мысль — творить, лентяй — бездельничать, а демагог — болтать. Достижения науки сочетаются с привычными первобытными суевериями и реальный технический прогресс, к счастью, не в силах изменить вечные духовные ценности. Человечество преодолевает трудности перелома и остается собой, опровергая как эсхатологические прогнозы, так и утопии о прекрасном будущем, а жизнь продолжается.

Именно это основное, глубинное развитие, зависящее не столько от громких имен и дат, сколько от этнопсихологии, культурных традиций и экологических процессов изучает археология, реконструирует на основе материальных источников картины древней жизни. Период между камнем и бронзой, формальным признаком которого является возникновение металлургии меди, является для всего человечества началом современности. На базе производящего хозяйства, развивавшегося в финале каменного века, в энеолите возникли первые государства со всеми атрибутами имущественного и социального неравенства, новые технические (колесо, парус) и культурные (письменность, календари) достижения, оформились новые этнические массивы и идеологические системы.

Для рассматриваемой территории Нижнего Дона, которую вместе с прилегающими районами Прикаспия — Причерноморья традиционно связывают с индоевропейской проблемой, эпоха энеолита представляет особый интерес. Если развитие оседлого земледелия в неолите стимулировало общий подъем в местах, благоприятных для этого вида хозяйства, то с увеличением в энеолите роли скотоводства именно Донские и Прикубанские степи стали ареной мощного развития, историческим центром формирования общностей,

ростом культурных и экономических взаимовлияний. В то же время впервые на Дону возникают и длительное время существуют крупные многослойные поселения, археологические материалы и стратиграфия которых свидетельствует не только о смене культур, но и об определенной стабильности и преемственности в жизни древнего населения нашего края.

Донской энеолит мало изучен. Предлагаемая работа является первой попыткой обобщить и опубликовать все собранное за многие десятилетия. В нее вошли как материалы из стационарных многолетних раскопок, так и свидетельства о случайных находках. Выражаю искреннюю признательность соратникам по полевым исследованиям, хранителям археологических коллекций в музеях, коллегам по преподавательской работе, всем тем, чье доброе отношение на протяжении долгого времени способствовало выполнению задачи. Особая благодарность друзьям последних лет, критика которых заставила взяться за перо, и дирекции Азовского краеведческого музея, решившейся в наше тяжелое время на издание труда.

Г Л А В А I

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ МЕДНО-КАМЕННОГО ВЕКА НА НИЖНЕМ ДОНУ

Проблемы археологии степной зоны Причерноморья в эпоху раннего металла рассматриваются в научной литературе на протяжении многих лет. Быстрое накопление нового материала постоянно стимулирует интерес исследователей к этой территории. Тому же способствует и неразработанность важных вопросов: происхождения, взаимоотношения различных групп населения, периодизации и хронологии оставленных ими археологических памятников.

Значение энеолитической эпохи в истории степной зоны трудно переоценить. Именно в то время получают развитие заложенные в пору южного неолита основы культурных и общественно-экономических достижений, так ярко проявившихся в развитом бронзовом веке: расширение роли скотоводства, рост населения, освоение новых пространств и становление дальних межплеменных связей, образование обширных общностей с однородной экономикой, социальной структурой, бытом, а для более южных территорий—зарождение классовых отношений и появление важных технических новшеств (литья, обжигательной печи, гончарного круга и т. д.).

Проблематика, связанная с этими процессами, неоднократно привлекала внимание исследователей. Особенный интерес вызывает финальная стадия периода, когда отдельные свидетельства новых явлений (прослеживаемые на протяжении всей эпохи) сменяются сплошным фоном взаимосвязанных исторических событий, приведших к созданию качественно новых материальных культур, динамичных по форме и синкретичных по содержанию. Эта заключительная часть (ее хронологические рамки в общих чертах могут быть определены III тысячелетием до н. э.) была временем не только экономических и духовных, но, возможно, и значительных этнических изменений.

Отдавая должное трудностям реконструкции исторического процесса только на основе памятников материальной культуры, следует отметить, что разработка имеющихся археологических источников в конечном счете представляет основную, а в некоторых случаях и единственную, возможность для изучения указанной эпохи. При этом успех широких обобщений находится в прямой зависимости от знания фак-

тов и их последовательности в отдельных районах, занимающих ключевые позиции по отношению ко всему ареалу.

Именно такой территорией и является рассматриваемый нами бассейн Нижнего Дона. С одной стороны долина реки в нижнем течении проходит по центру обширной степной области, простирающейся от правобережья Кубани на юге, до границы с лесостепью на севере и, следовательно, характерные для всей степи процессы должны были проявиться здесь особенно ярко. С другой — территория Нижнего Дона занимает промежуточное положение между Кавказом — центром высокоразвитых культур эпохи энеолита—бронзы и всей степной областью Причерноморья, что определило ее роль как проводника многочисленных взаимовлияний, особенно интенсивных в пору раннего металла.

Согласно географическому делению бассейн Дона разбит с учетом особенностей рельефа, почв, климата на три характерные части: верхнюю, среднюю и нижнюю. Нижним течением Дона считается пространство от г. Калач-на-Дону до устья, протяженностью более 610 км (I, с. 28—29).

Рассматривая историю древнего населения на определенной территории, исследователь, естественно, должен отдавать себе отчет в том, что наиболее вероятными рубежами постоянной или временной локализации племен в прошлом были либо стыки различных по условиям природных зон, либо долины крупных рек, но не границы позднейших политико-административных образований (разумеется, исключая те случаи, когда эти границы совпадают с природными рубежами). В этом отношении район Нижнего Дона очерчен достаточно характерно. Северным пределом служит граница распространения лесостепи, проходящая в настоящее время несколько южнее 50° северной широты и, судя по всему, существенно не менявшаяся в ближайшие исторические эпохи (2). На западе эта граница опускается языком к югу, следуя за изменением рельефа. Здесь к степи подходят отроги Донецкого кряжа. Начиная от г. Каменска условный рубеж проходит по правобережью Северского Донца и Дона, по долине р. Тузлов, огибая Донбасс, и теряется в Приазовской низменности. На востоке естественной границей служит излучина Дона (в настоящее время частично перекрытая Цимлянским водохранилищем) и подступающая с левого берега Приволжская возвышенность. Далее граница следует вдоль левобережья Дона, включая нижнее течение рек Сал, Западный

Маныч и бассейн реки Кагальник, вплоть до Азовского моря, на уровне 47° северной широты. Включение в рассматриваемую зону левобережной полосы вызвано с одной стороны близким сходством почв (среднепредкавказские черноземы) и растительного покрова (типчакowo-ковыльная растительность) с правобережной степью, а с другой — резким отличием ее от лежащих юго-восточнее Сало-Манычских степей с обилием солонцов и растительностью полупустынного типа (1).

В целом для выделенного района характерна степь как географическая зона с мощными черноземами и сплошным травянистым покровом. Однако, имеется немало микрорайонов с иными условиями, например, значительные участки леса и песчаные массивы в устье Дона или заболоченные, так называемые займищные луговые почвы левобережья и дельты Дона. Относительное разнообразие, вполне вероятное и в прошлом, предоставляло древнему населению возможность выбора наиболее благоприятных мест и обусловило его неравномерную плотность, выразившуюся в наши дни в резком количественном преобладании памятников в долине Дона над находками в других местах.

Надо учесть и неравномерную изученность Нижнего Дона. Наиболее интенсивно исследовались в археологическом отношении берега реки ниже впадения Северского Донца и Сала и особенно район дельты. Значительные работы проведены в связи с новостройками в Цимлянском, Семикаракорском, Мартыновском и Константиновском районах и по берегам Западного Маныча. Слабее, а порой и вовсе не исследована северная часть очерченной территории, хотя ряд случайных находок, хранящихся в местных музеях (особенно в Новочеркасском музее донского казачества), свидетельствуют об обилии энеолитических памятников и там.

Первые исследования памятников эпохи энеолита и ранней бронзы на территории Нижнего Дона относятся к середине XIX столетия. Раскапывая курганы в низовьях Дона, профессор Московского университета П. М. Леонтьев обнаружил в некоторых из них ранние погребения, подробных сведений о которых не сохранилось (3. с. 520—522).

В 1864—1866 гг. раскопки курганов «со скорченными и окрашенными костяками» близ городов Новочеркасск и Ростов проводит В. Г. Тизенгаузен (4). Несколько позднее

аналогичные погребения обнаруживали в курганах на р. Сал А. Н. Крылов (5), у станицы Константиновской и у села Царедар на р. Ея Н. Е. Бранденбург (6), а в низовьях Дона—В. Н. Ястребов, И. М. Сулин, В. А. Харламов, В. И. Перцев и А. М. Ильин (7).

Начиная с 70-х годов прошлого века в стенах Донского музея, в г. Новочеркасске, росла коллекция древностей (в основном за счет случайных находок), среди которых немалое количество относилось к рассматриваемому периоду (8).

Очень интересно случайное открытие в 1888 году у хутора Ярский, по правому берегу р. Чир, грунтового могильника эпохи неолита-энеолита. К сожалению, работы были проделаны наспех, найденные вещи утеряны и о результатах можно судить только на основании небольших заметок проводившего раскопки А. Яковлева (9).

На рубеже XIX и XX веков на прилегающих к Нижнему Дону территориях были исследованы многочисленные памятники эпохи раннего металла, из них особенно важными для дальнейшего изучения медного века можно считать работы Н. И. Веселовского (10) в Кубанской области и раскопки В. А. Городцова на Северском Донце (11).

Первыми исследованными объектами эпохи раннего металла на Дону были преимущественно курганные погребения. Невыразительность добытого материала и сравнительно низкий уровень методики работ тех лет мало способствовали теоретическим обобщениям, поэтому в течение длительного времени эти памятники были лишь загадочными «скорченными и окрашенными костяками», а теория подвергала сомнению или вовсе отрицала существование палеометаллической эпохи на территории южных степей (12).

Тем не менее, быстрое накопление фактов поставило перед исследователями уже в то время задачу выработать основы для хронологической классификации. Первые попытки, предпринятые в этом направлении, нельзя считать удачными (13, с. 45—47). Однако, к концу XIX века в работе Г. Л. Скадовского (14, с. 75—107) уже появилось научно обоснованное деление подкурганных погребений бронзового века на отдельные группы. Вопрос о характере погребений в южных степях служил предметом оживленных дискуссий среди русских археологов на IX, XI, XII и XIII археологических съездах, где выступали Д. Анучин, В. Б. Антонович, Н. Е.

Бранденбург, Д. И. Самоквасов, В. В. Хвойко и др. (15). На рубеже нового века появляется известная работа А. А. Спицина, в которой была предложена система классификации древних погребений 9 территориальных групп (16). Завершением этого процесса явились упомянутые выше работы В. А. Городцова. В них, на основе изучения значительного количества курганных погребений, раскопанных на ограниченной территории, выделялись четыре хронологические группы: погребения в ямах, погребения в катакомбах, погребения в срубах и погребения в насыпях курганов.

По типам погребальных сооружений, с учетом изменений обряда и инвентаря, В. А. Городцовым в 1916 г. были выделены три археологические культуры: ямная, катакомбная и срубная, относящиеся соответственно к трем периодам бронзового века: раннему, среднему и позднему. Раскопки В. А. Городцова положили конец спорам о бронзовом веке и надолго стали эталоном и ориентиром для последующих работ. Однако нельзя не признать, что даже после ряда дополнений, внесенных как самим автором, так и другими исследователями, классификация была относительно верной лишь для памятников бассейна Северского Донца и некоторых прилегающих территорий. Некритическое распространение схемы В. А. Городцова на памятники других районов привело к ошибочным выводам, в частности, к непомерному расширению ареалов так называемых катакомбной и ямной культур, к сведению в одну группу чужеродных и разновременных памятников, к выделению многочисленных территориальных и хронологических вариантов огромных абстрактных общностей.

Строго говоря, почти все материалы В. А. Городцова относятся к развитому и позднему бронзовому веку, но их своевременное тщательное изучение в дальнейшем способствовало выделению среди курганных древностей ранних энеолитических погребений, лучшему пониманию механизмов становления и развития культуры древнего населения Восточноевропейской степи.

К рубежу XIX—XX вв. относятся и другие достижения в области изучения медного века. На Украине были открыты первые трипольские поселения, в Прикубанье раскопаны пышные комплексы так называемых «больших» курганов. Богатые находки надолго приковали внимание исследователей, а многие теоретические моменты, связанные с этими ис-

точниками, до сих пор находятся в стадии решения.

Повсеместное расширение археологических раскопок охватило и территорию Нижнего Подонья (17, с. 14—22). Большое влияние на развитие местных исследований оказали многолетние работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК под руководством А. А. Миллера (18, с. 63—67) и разведывательные работы в связи с новостройками 30-х годов (19). В это время членами Северо-Кавказского общества археологии были раскопаны на Дону и Северском Донце новые курганы, содержащие погребения эпохи раннего металла (20).

Важное значение для степного энеолита имели работы в Приазове Н. Е. Макаренко в 1930 году (21).

Начиная с 50-х годов, на Нижнем Дону развернулись широкие археологические исследования, связанные вначале с Волго-Донской и Кобяковской экспедициями АН СССР. За два десятилетия в числе прочих памятников на Дону было исследовано несколько десятков курганных насыпей с погребениями эпохи раннего металла. Среди них следует отметить раскопки Г. А. Иноземцева у г. Аксай в 1951, 1956 годах (22), исследование курганов в зоне строительства Волго-Донского судоходного канала (23), доисследование кургана Гиреева могила близ г. Аксай в 1959 году, раскопки Кобяковской археологической экспедиции на левобережье Дона, в зоне строительства Новочеркасской ГРЭС (24) и у Новочеркасского института виноградарства (25). Ценные результаты были получены после раскопок памятников левобережья С. Н. Братченко на Лысом кургане (26) и В. П. Шилова у хуторов Алитуб и Усьман (27).

Ряд курганов с ранними погребениями был раскопан сотрудниками Ростовского областного музея краеведения (28).

В последующие годы в связи с усилившимся строительством раскопки курганов на Нижнем Дону приобрели массовый характер. В 1964—1965 гг. курганы, содержащие энеолитические погребения, были раскопаны Ливенцовской археологической экспедицией (29). В 1966 году экспедиция РГУ во главе с Ю. П. Ефановым начала исследование Койсугского курганного могильника, расположенного по левому берегу Дона, в дельте. В последующие, 1967—1970 годы, раскопки этого могильника были продолжены В. Е. Максименко и дали большую серию ранних погребений (30). В 1967—1971 годах В. Я. Кияшко, В. Е. Максименко и Е. И. Сав-

ченко раскопали ранние курганы в Константиновском районе Ростовской области (31). В течение двух сезонов 1967—1968 гг. большой курганный могильник на западной окраине г. Ростова исследовала экспедиция ЛОИА АН СССР во главе с И. Б. Брашинским (32).

Начиная с 70-х годов и вплоть до наших дней, раскопки курганов на Дону ведутся с таким широким размахом различными экспедициями и отрядами, что даже простое перечисление заняло бы слишком много места. Краткие сведения можно почерпнуть в выходявших регулярно сборниках «Археологические открытия» (33) и в местных периодических изданиях. Важно лишь отметить, что в большинстве случаев эти раскопки памятников бронзового века давали и находки эпохи энеолита.

В отличие от предшествующих лет, когда памятники медного века на Дону были представлены только погребениями, в последние десятилетия здесь открыты и частично исследованы энеолитические поселения. О наличии таких поселений свидетельствовали случайные находки, еще в прошлом веке в изобилии поступавшие в Донской музей в г. Новочеркасске (34). Некоторые местонахождения, не содержащие, однако, культурного слоя, были разведаны в 30-х—40-х годах нашего века в связи с работами на Волгодоне. Здесь следует отметить заслугу Г. И. Горецкого, собравшего обширную коллекцию древностей на терассах Нижнего Дона, среди которых значительная часть относится к эпохе энеолита (35).

В 1959 году на одном из островов Дона, против станицы Раздорской, местными краеведами было обнаружено древнее поселение Ракушечный Яр. В результате работ, проведенных Т. Д. Белановской, выявлена сложная стратиграфия памятника и установлена принадлежность некоторых слоев к эпохе энеолита. По-видимому близким временем датируется и обнаруженный рядом грунтовый могильник (36).

В 1961 году была открыта целая цепочка древних поселений по правому берегу Мертвого Донца — одной из протоков донского устья. Исследования в 1962—1964 гг. крупнейшего из них — Ливенцовка I, проведенные С. Н. Братченко, доказали принадлежность самого нижнего из пяти культурных слоев к энеолиту, а лежащего непосредственно над ним — к ранней поре бронзового века (37).

Рядом с поселением расположен большой курганный мо-

гильник. Спорадические раскопки курганов и случайные вскрытия отдельных грунтовых погребений неизменно давали ранний материал. В 1991 году на одной из усадеб хутора Каратаев, расположенного на западной окраине Ливенцовского поселения, при рытье погреба были обнаружены остатки мощного грунтового могильника. Доисследование памятника, проведенное В. Я. Княшко и Н. И. Ромащенко, выявило два яруса погребений, относящихся к раннему энеолиту (рис. 36).

В 1961 году автором были разведаны местонахождения по берегам р. Аксай в районе станицы Бессергеновская. Собранный материал в значительной части тоже относится к энеолиту. Материалы Каратаевского могильника и поселения у Бессергеновки пока не опубликованы.

В 1966 году автором обнаружено, а в 1967—1979 гг. исследовано энеолитическое поселение на правом берегу Дона у г. Константиновск (38).

Летом 1976 года археологами Украины были проведены новые работы на стоянке Ракушечный Яр, уточнившие стратиграфию памятника, по которой к энеолиту отнесены средние слои (39).

В 1978 году И. В. Белинский и С. А. Яценко обнаружили первое энеолитическое местонахождение на левом берегу Дона. Расположенное на низкой пойме р. Койсуг, на берегу ерика Заливного, у северо-западной окраины г. Батайск, оно скорее всего представляло собой переотложенный материал разрушенного водой памятника (40). Тем не менее, прекрасная коллекция патинированных кремневых орудий не оставляет сомнений в хронологической принадлежности находок,

Второе левобережное энеолитическое местонахождение—двуслойное поселение и остатки грунтового могильника, расположенное на северо-восточной окраине поселка Койсуг, было исследовано в 1986 году (41).

Еще одно многослойное поселение — Самсоновское, — размещенное в черте хутора Крымский на донском правобережье, копал в 1976—1978 гг. А. Н. Гей (42, 43). Начиная с 1981 года, экспедиция Ростовского университета (Княшко В. Я.) изучает в Усть-Донецком районе многослойный памятник Раздорское I (44). Расположенное на северной окраине одноименной станицы поселение видимо в древности было тесно связано с упомянутым Ракушечным Яром, размещенным на

противолежащем острове Поречный. Стратиграфия обоих памятников и материал из слоев имеют много общего.

Помимо стационарных работ можно отметить много выразительных случайных находок, относящихся к интересующей нас эпохе.

В последние годы на Нижнем Дону разведками обнаружен еще ряд пунктов с находками энеолитического времени, например, размытые стоянки на правом берегу Дона, у поселка Багаевский, местонахождение у хутора Усть-Койсуг, в дельте Дона, поселение на берегу Таганрогского залива, у поселка Вареновка и другие. Материал разведок этих памятников хранится в фондах Ростовского областного музея краеведения и кабинета археологии РГУ.

Для характеристики древних памятников на донской земле очень важно их сопоставление с территориально и хронологически близкими местонахождениями других районов. В этом отношении интерес представляют поселения Предкавказья на юге, находки в степных районах Прикаспия и Нижней Волги на востоке и междуречье Северского Донца и Днепра на западе. Определенный, хотя и меньший интерес, представляют районы Среднего Дона и Среднего Днепра, лежащие севернее, в лесостепной зоне, памятники Западной Украины и Молдовы, Армении, Грузии и Азербайджана. Здесь нет нужды приводить обширный список литературы, посвященной энеолиту указанных регионов, однако, в дальнейшем процессе анализа материалов нам придется неоднократно прибегать к сравнительным характеристикам и конкретным ссылкам на древности удаленных земель.

Оживление археологических работ после победы в Великой Отечественной войне не сразу отразилось на разработке проблем степного энеолита. Внимание исследователей больше привлекали неизведанные археологические богатства Сибири, Средней Азии, Закавказья, памятники древней Руси. Однако, хлынувший поток новой информации позволил сделать интересные наблюдения, заставил пересмотреть прежние представления и составить связную картину прошлого, в том числе и по эпохе энеолита на Дону.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самохин А. Ф. Река Дон и ее притоки. Издательство РГУ, 1958.

2. М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.

3. П. М. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Сб. «Пропилеи», к. IV. М., 1854.

4. Архив ЛОИА. ф. 1, № 1864/7, л. 13, 19, 52. См. также ОАК 1864, стр. XX; 1865, стр. XI; 1866, стр. XIV.

5. Крылов А. Л. О старине Донской области. Труды VI АС в Одессе в 1884 году. Одесса, 1889 г., т. IV, стр. 26 — 73. Крылов А. Л. Раскопки вблизи слободы Ильинки на Салу. Антропологическая выставка 1879 г. т. II. Известия Императорского Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, т. XXXI, Труды Антропологического отделения, т. IV, М., 1878—79 гг. стр. 299.

6. ОАК, 1891, стр. 79—82. См. также Архив ЛОИА, ф. 1. № 1891/17.

7. Большинство работ носили любительский характер. Отдельные публикации: Харламов В. Раскопки по реке Донцу. Тр. XII АС, т. 1, стр. 168—173. О работах Перцева В. И. см. Архив ЛОИА, ф. 1, № 1904/116, Ильин А. М., Археологические раскопки в районе г. Ростова-на-Дону. Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древности и природы, т. 1, 1912.

8. Попов Х. И. Сведения о древних памятниках, находящихся в земле Войска Донского. Труды I АС, т. I, М., 1871, стр. 166—183. Попов Х. И. Находки древности в юрту станицы Мигулинской, на Дону. Донские областные ведомости 1864, № 44. Архив ЛОИА, ф. 1. № 1866/9—1866/10. См. также гранки каталога музея Войска Донского, готовившиеся к печати около 1914 г.

9. Яковлев А. Плоские могилы каменного века на р. Чир в Донской области. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. т. 1, 1902, стр. 145.

10. ОАК, 1897, стр. 2—17; ОАК, 1898, стр. 33—38; ОАК, 1899, стр. 47—51; ОАК, 1902, стр. 69—84—91; ОАК, 1909—1910 гг., стр. 152—160 и др.

11. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Тр. XII. АС, т. 1, стр. 174 — 225, его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. Тр. XIII, АС, т. 1, стр. 211 — 285.

12. Самоквасов Д. Н. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава. 1982 г.

13. Антонович В. Б. О похоронных типах юго-западного края. Тр. IV АС, 1877 г. в Казани, т. 1.

14. Скадовский Г. Л. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьями р. Ингульца и Днепровского лимана. Труды VIII АС 1890 г. в Москве, т. III.

15. Труды археологических съездов IX (Вильна, 1893), XI (Киев, 1899), XII (Харьков, 1902), XIII (Екатеринославль, 1905).

16. Спицын А. А. Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО XI, 1—2. Труды отделения славянской и русской археологии, кн. 4, 1899.

17. Кияшко В. Я. Полвека советской археологии на Дону. Сб. «Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе». Издательство РГУ, 1972 г.

18. Миллер А. А. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, 1932, № 9—10, стр. 63 — 67.

19. Археологические исследования в РСФСР 1934 — 1936 гг. М. — Л., 1941. См. также Артамонов М. И. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА № 4, 1937, стр. 93 — 132. Его же. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 году. СА, 11, 1949, стр. 305 — 336.

20. Стефанов А. Т. Раскопки курганов по Северскому Донцу, в окрестностях хутора Хрящевского, ЗСКОАИЭ книга 1, т. III, вып. 5—6, Ростов-на-Дону 1929, стр. 20 — 25. Иноземцев Г. А. Археологические раскопки у станицы Верхне-Гниловской. Краеведческие записки, вып. 1. Таганрог, 1957, стр. 103 — 114.

21. Макаренко М., Мариупольский могильник, Київ, 1933.

22. Иноземцев Г. А. Отчет о раскопках курганных погребений.

бений в Аксайском районе Ростовской области в 1951 году. Архив ИА АН СССР, № 594.

23. Столяр А. А. Раскопки курганов у хутора Попов в 1950 — 1951 гг. МИА, № 62, 1958, стр. 348 — 416. Иещен А. А. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 61 — 79.

24. Капошина С. И. Отчет о работах Кобяковской археологической экспедиции за 1959 — 1962 гг. Архив ИА АН СССР, №№ 2022, 2226, 2368, 2497.

25. Капошина С. И. Отчет о работах Новочеркасской археологической экспедиции за 1963 — 1964 гг. Архив ИА АН СССР № 3426, 2994.

26. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976 г. Братченко С. Н. Отчет об археологических раскопках у поселка Багаевского Ростовской области. Архив ИА АН СССР № 2246.

27. Шилов В. П. Отчет о работах Южно-Донской археологической экспедиции 1962 г. Архив ИА АН СССР № 2727.

28. Жибура В. М. Отчет об археологических раскопках Мокро-Чалтырского городища и курганов в Ростовской области. Архив ИА АН СССР, № 2276. Использованы также сохранившиеся в музее материалы о доисследовании курганов В. С. Бочкаревым у хут. Большой Мишкин под г. Новочеркасск в 1962 — 1963 гг.

29. Братченко С. Н., Княшко В. Я., Чередниченко Н. Н. Курганы эпохи бронзы у хутора Ливенцовка. Археологические исследования на Украине 1965 — 1966 гг., выпуск 1, Киев, 1967, стр. 99 — 102.

30. Максименко В. Е. Некоторые итоги исследования Койсугского могильника. Археологические открытия на Дону. Издательство РГУ, 1973 г., стр. 43 — 47. Его же. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону. СА. 1973 г. № 1, стр. 249 — 253.

31. Княшко В. Я. Отчет о работах Константиновского отряда археологической экспедиции РГУ в 1967 году. Архив ИА АН СССР № 3607. Савченко Е. Н. Отчет о работах археологической экспедиции Новочеркасского музея истории донского казачества в Константиновском районе Ростовской области. Архив ИА АН СССР № 4150.

32. Раскопки курганов проводил отряд экспедиции во главе с Демченко А. И., см. Демченко А. И. Исследования курганов бронзового века в Ростове-на-Дону, АО 1967 года, 1.,

1968, стр. 73—74. Его же. Исследование курганов в Ростове-на-Дону, АО 1968 года, М., 1969, стр. 103—104.

33. Археологические открытия за 1965 — 1984 гг.

34. Гранки каталога музея Войска Донского, рис. 1, 3 — 5.

35. Горецкий Г. И. Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы. ИВГО, т. 80, 1958, № 5, стр. 535 — 540.

36. Белановская Т. Д. Поселение Ракушечный Яр. АО 1971 года, стр. 117—118. Она же. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области, МИА, 185, Л., 1972, стр. 262 — 270.

37. Братченко С. Н. Багатошарове поселення Лівенцівка 1 на Дону, Археологія. Київ, т. XXII, 1969, стр. 210 — 231.

38. Кияшко В. Я. Новое энеолитическое поселение на Нижнем Дону, АО 1967 года, стр. 72; его же. Раскопки Константиновского поселения, АО 1968 года, стр. 105—106. Его же. Константиновское поселение эпохи энеолита. Археологические раскопки на Дону. Из-во РГУ. 1973, стр. 14 — 17.

39. Телегін Д. Я. Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степового Поволжя. Археологія, вып. 36, Київ, 1981.

40. Белинский И., Саяпин В. Кремневый и каменный инвентарь местонахождения Заливное. Известия РОМК, вып. 6, 1989 г., с. 89—97.

41. Волков И. В., Белинский И. В. Раскопки поселения Батайск-1. Итоги исследований Азово-Донской экспедиции в 1986 г., Азов, 1987. с. 11—12.

42. Гей А. Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону, СА, 1979, № 3.

43. Гей А. Н. Самсоновское поселение в сб.: «Древности Дона». Материалы работ Донской экспедиции. М., 1988.

44. Кияшко В. Я. Многослойное поселение Раздорское-1 на Нижнем Дону. КСИА АН СССР, 192, М., 1987 г.

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА И РАННЕГО ЭНЕОЛИТА НА НИЖНЕМ ДОНУ

Общезвестна условность привычной археологической периодизации. Располагая лишь выборкой памятников, причем выборкой для ранних эпох далеко недостаточной, мы вынуждены порой прибегать к обтекаемым характеристикам, типа: «нео-энеолитическое время», для рубежа между каменным и медно-каменным веками, или использовать преимущественно относительную хронологию, избегая абсолютных оценок. То же самое можно сказать и о верхнем пределе энеолита, ибо переход к бронзовому веку еще менее четок и более дискуссионен. Для Нижнего Дона ситуация усугубляется промежуточным его положением между затяжным развитием лесного неолита и опережающими темпами южных культур. Если учесть динамику, присущую древним племенам в степной зоне, то определенную хронологическую и этнокультурную размытость следует скорее ожидать, чем опасаться.

Если не считать сбора случайных находок, все исследования энеолита на Нижнем Дону можно уложить в последние 3-4 десятилетия. Сорок лет назад, описывая коллекцию воротничковой керамики, собранную геологом Г. И. Горецким при строительстве Волго-Донского канала, А. А. Формозов вынужден был сопоставлять ее с материалами эпохи бронзы из местных курганных погребений, других возможностей просто не существовало.

Завершалась статья характерной фразой: «...самое существенное то, что мы теперь в какой-то мере можем представить облик степной неолитической керамики, до сих пор нам совершенно неизвестной» (I, с. 137).

В конце 50-х годов из станицы Раздорская, расположенной на правом берегу Дона, в 25 км ниже впадения Северского Донца, поступили сведения о найденных местными краеведами на противоположном станице острове Поречном древних изделий из кремня и керамики. С 1960 г. здесь начала работать экспедиция кафедры археологии ЛГУ, возглавляемая доцентом Татьяной Дмитриевной Белановской. За десять полевых сезонов (1960—1966, 1968, 1976—77 гг.) на поселении Ракушечный Яр был добыт огромный материал, значительная часть которого относилась к новой неолитической культуре, названной ракушечной (2, 3). Большой

интерес представляла стратиграфия памятника, суммарная мощность культурных слоев и стерильных прослоек на котором превышала 5 м. Заселенный мыс острова, обращенный к крутой излучине Дона, периодически затапливался паводками, и толщу формировали не только культурные остатки, но и многочисленные намывы песка, гравия, ракушки, сложные напластования привели к первоначальным ошибочным определениям количества археологических слоев, так Т. Д. Белановская насчитывала их более 20. После работ на поселении Д. Я. Телегина (1975-76 гг.) число археологических слоев было сокращено до шести основных и нескольких горизонтов (4). Материалы этого уникального памятника до сих пор не опубликованы. К сожалению, весь интерес исследователей был прикован к неведомым нижним слоям Ракушечного Яра, а находки из верхних горизонтов лишь упоминались. Между тем, раскопки на острове Поречный дали важные результаты для дальнейшего изучения медно-каменного века. Во-первых, был получен своеобразный эталон степной неолитической культуры. Судя по разнообразию керамики нижних слоев (рис. 1), мы имеем дело по меньшей мере с двумя этапами развития материала. Часть керамики характерного «ракушечного» стиля имела плотное, тонкоотмученное тесто с примесью волокон органики, густой черный цвет внутри и светлоохристый на поверхности. Характеристику можно дополнить упомянув ленточную формовку, хороший обжиг и слегка пачкающуюся «мылкую» поверхность. Морфологически это высокие, слабопрофилированные горшки, с прямосрезанным, реже овальным краем и сужением к небольшому плоскому дну. Орнамент либо отсутствует, либо занимает верхнюю часть несколькими рядами скупых ногтевых вдавлений, лунок и небрежных линий-прочесов.

Вторая группа неолитической посуды, судя по стратиграфии, частично сосуществующая с первой, но лучше представленная во 2 и 3 слоях, более разнообразна по размерам, технологическим признакам и орнаментам (рис. 1, 2—8). В ней наряду с растительной представлена песчаная и мелкая ракушечная примесь. Изделия более тонкостенны, черепок ломкий, шелушащийся. Наряду с плоскими распространены острые днища, однако прямая профилировка стенок и прямосрезанная закраина устья по-прежнему преобладают. В орнаменте доминирует треугольный одиночный и строчечный накол, встречаются неглубокие ямки, прямоугольный штамп. Можно отметить относительно бедность композиций, часто

просто ряды, зональное заполнение, пояса или сплошное покрытие. В отличие от первой группы, не имеющей прямых аналогий, эту керамику можно сопоставлять по ряду признаков с материалами местонахождений в Прикаспии и на Украине, что и сделано в обобщающих работах прежних исследователей (4, 5).

Второе следствие раскопок Ракушечного Яра — доказательство существования на Нижнем Дону на рубеже каменного и бронзового веков долговременных центров. До работ Т. Д. Белановской стоянки и поселения, имеющие 2—3 слоя, считались редкостью, при этом слои обычно относились к различным эпохам. Так Кобыково городище под г. Аксаем включало культурные остатки эпохи поздней бронзы, поздней античности (сарматы) и средневековья. На острове Поречном впервые для Дона было прослежено последовательное существование культур одной эпохи, и стратиграфические наблюдения помогли разобраться в относительной хронологии и культурной принадлежности многих случайных находок, накопленных за долгие годы в запасниках музеев области. Так стало ясно, что упомянутая выше керамика из сборов Г. И. Горецкого, в значительной части относится не к неолиту, как считал А. А. Формозов, а к ранним этапам медно-каменного века. Эта светлосерая с характерным «графитным» блеском (по определению А. А. Формозова) керамика содержит в тесте так много толченой ракушки, что шелушится и расслаивается. Она представлена остро и круглодонными горшками крупных (до 0,4 м в диаметре) и средних размеров. Закраина устья обычно оформлена характерным воротничком, по верхнему торцу которого нередко нанесены насечки, гофрировка, оттиски гребенки. Характерной особенностью разнообразного и сложного орнамента является употребление прорисованных линий, разделяющих зоны, или образующих ряды зигзага. Пространство между ними часто заполняется насечками, оттисками гребешкового штампа, наколом.

Д. Я. Телегин рассматривает этот материал как генетическое продолжение ракушечной культуры (4, с. 12) и поэтому вслед за А. А. Формозовым использует термин «неолитический», однако в хронологическом отношении помещает его непосредственно перед среднебронзовской культурой, вводя тем самым в зону ранних памятников энеолита.

В третьих, на территории памятника был обнаружен могильник, что позволило в какой-то степени связать опреде-

ленные слои Ракушечного Яра с конкретным погребальным обрядом (6).

Раскопки Т. Д. Белановской стали первым звеном в целой цепочке открытий донских многослойных местонахождений. В 1961 г. автором этих строк было обнаружено большое многослойное поселение у станицы Бессергеновская на правом берегу донской протоки Аксай. К сожалению памятник был уже полностью разрушен большими мелиоративными работами, связанными с сооружением Новочеркасской ГРЭС, однако собранный богатый материал свидетельствует о существовавших слоях неолита, энеолита, бронзы и железного века.

В 1962 — 1964 гг. С. Н. Братченко ведет работы на многослойном памятнике Ливенцовка-1, расположенном на западной окраине г. Ростова. Нижний горизонт поселения толщиной 0,2—0,3 м относится к энеолиту (7). Этот слой представляет собой слабогумусированный суглинок с вкраплением известковых камней. Он отделен от вышележащих более поздних горизонтов стерильной прослойкой. К сожалению, слой исследовался на крохотных участках на дне стратиграфических шурфов, к тому же был еще и испорчен строительной деятельностью в более поздние эпохи, поэтому собранный материал минимален, хотя и очень интересен.

Керамика представлена тонкостенными хорошего обжига сосудами с толченой ракушкой (реже растительной примесью) в тесте. Цвет изделий от светлоохристого (поверхности) до серого и густочерного (излом). Часть посуды покрыта характерными заглаживающими расчесами мелкозубчатого гребня, у других поверхность затерта, а у некоторых даже залощена. Автор раскопок на фрагментарном материале выделил 5 морфологических групп и отметил простоту горизонтальных орнаментальных композиций, расположенных в верхней трети изделий. Основные способы нанесения орнаментов—мелкозубчатая гребенка, прочерчивание, реже — оттиски шнура и «личиночного» штампа.

Кремневый и каменный материал представлен скребками, ножами, наконечниками стрел и дротиков (как с прямыми, так и с выемчатыми основаниями), отжимниками-ретушерами, комбинированными формами, шлифованными изделиями из сланца.

Автор отмечает сочетание техники пластин с техникой отщепов, указывает на относительную насыщенность слоя кремнем (около 400 находок на 12 м²).

Теперь, более 30 лет спустя, ясно, что добытый материал можно разделить на два смежных комплекса финала энеолита и перехода к ранней бронзе. Очень интересным является присутствие стерильной прослойки, отделившей горизонт константиновской культуры от вышележащего ямного.

В 1976 г. А. Н. Гей открыл и исследовал многослойную Самсоновскую стоянку в хуторе Крымский Усть-Донецкого района на донском правобережье (8). Памятник расположен на узком мысу между двумя балками. Мыс имеет крутые склоны высотой более 25 м, ограничивающие небольшую, почти горизонтальную площадку. Два нижние слоя поселения (по А. Н. Гею I и II этапы) отнесены автором раскопок к концу неолита — началу энеолита соответственно и обоснованно сопоставлены с соответствующими слоями Ракушечного Яра, находящегося всего в 18 км от х. Крымский. Добытый материал маловыразителен, дробленая керамика не позволяет реконструировать формы, но, тем не менее, присущие ей признаки позволяют дать суммарную характеристику. А. Н. Гей отмечает для I этапа преобладание органической примеси, ленточную технику лепки, лощение и реже заглаживание поверхности. Орнамент есть только на редких фрагментах с примесью ракушки и представлен оттиском отступающей лопаточки, шагающего гладкого штампа, гребенки, а также ямками, насечкой и прочерченными линиями. Заслуживают внимания, по мнению А. Н. Гея, композиции в виде зигзага, меандра и фестонов. Коллекцию из I слоя дополняют кремневые и кварцитовые изделия и отходы, демонстрирующие технику пластин, кости диких и домашних животных, скопления створок речных раковин.

В керамике II этапа преобладает ракушечная примесь, есть речиды органики и песок, лощение заметно уступает место полосчатому заглаживанию обеих поверхностей сосудов. Среди мелких обломков есть фрагменты тонкостенных слабопрофилированных венчиков с горизонтальным срезом края, встречен один воротничковый венчик и одно плоское донце. Сосуды украшены горизонтальными зонами оттисков гребчатого штампа, насечками, прочерченно-проглаженными линиями, личиночным штампом. Кремневый и кварцитовый инвентарь представлен пластинками с ретушью, отбойником-ретушером, ножом, сверлом. Возможно к этому слою относятся найденная в поздних пластах низкая трапеция, шлифованное сланцевое долото и обломок костяного долота, изготовленный из трубчатой кости животного.

Фауна II этапа тоже представлена как дикими (зубр, олень, заяц), так и домашними (корова, овца, свинья, собака, лошадь?) видами.

Самым большим из исследованных на Дону ранних многослойных памятников можно считать поселение Раздорское I, расположенное прямо против описанного Ракушечного Яра (9).

Весной 1981 г. высокий и продолжительный паводок размыл правый берег Дона и обнажил на северной окраине станицы Раздорская мощную свиту культурных слоев. Впервые это местонахождение было обнаружено местными краеведами еще в середине 50-х годов. Однако, полную оценку памятника можно сделать только теперь, после спасательных работ, проведенных автором во главе экспедиции Ростовского университета за последнее десятилетие.

Поселение возникло в устье небольшой балки, образованной руслом родникового ручья, вытекавшего из-под коренной террасы в Дон. В последующие эпохи площадь памятника разрасталась вдоль Дона, но первоначальный центр неизменно был заселен, и в итоге весь котлован балки заполнился культурными отложениями. Росту напластований способствовал постоянный вынос песка и гравия из балки и периодические паводковые намывы песка и створок ракушки. Практически начальные слои поселения формировал конус выноса балки.

Исследованию подвергалась узкая, до пяти метров, полоса берегового обрыва на протяжении наиболее уязвимых для разрушения 28 м, а также участок мыса между урезом Дона и ручьем (рис. 3). В результате был изучен удивительный по мощности (около 6 м) стратиграфический разрез 15 культурных слоев различных эпох: от неолита до представляющего этнографический интерес слоя казачьей станицы конца XIX в. Коллекция находок, полученная с площади более 420 кв. м, позволяет достаточно уверенно характеризовать каждый из слоев (рис. 3).

Самый нижний слой I, отличающийся серо-коричневой окраской от более светлого материка, сравнительно беден. В его толще пока не зафиксированы следы хозяйственных или жилых объектов, лишь мелкие древесные угольки и обломки раковин иногда сопутствуют керамике и кремню. Плотная керамика черного или охристого цвета имеет специфический обжиг. В ее тесте — следы выгоревшей растительной примеси, реже — мелкий песок и дробленые раковины. У сосудов пря-

мой срез венчика, ровные, слабо расходящиеся стенки и массивное плоское дно (рис. 4, 2). На поверхности видны следы заглаживания, реже — орнамент из нанесенных под венчиком скупых овальных вдавлений либо рядов треугольных ямок-наколов (рис. 4, 3). В коллекции Раздорского музея находится крупный фрагмент шинодонного сосуда, орнаментированного в верхней части косой сеткой из проглаженных линий. Судя по растительной примеси в тесте и по сообщению местных краеведов («вымыт ручьем из самого низа»), его можно отнести к рассматриваемому горизонту (рис. 4, 1).

Каменный инвентарь представлен серией клиновидных широкообушных топориков из сланца. Кремень микролитичен, округлые и овальные скребки, призматические нуклеусы, острия, трапеции с острогнанной спинкой. Некоторые изделия ретушированы с брюшка. Сырьем служили местные кремневые гальки, есть находки миниатюрных пластин из кварцита (рис. 8).

Слой II отделен от первого четкой суглинистой стерильной прослойкой. Он имеет темно-серый цвет и хорошо прослеживается благодаря скоплению створок раковин в нижней своей части. К горизонту раковин тяготеет основная масса находок и пятна обожженного грунта — следы костров.

Материал второго слоя резко отличен от нижележащего. Особенно наглядна разница в технологии керамического производства. Сосуды этого периода изготовлены из глины без примеси растительных волокон, зато с обильной добавкой дробленой ракушки. Керамика лучше обожжена, ее формы более развиты и разнообразны, намного богаче орнамент. Преобладают крупные, до 0,4 м в диаметре, сосуды с плавным переходом от широкого устья к маленькому плоскому дну (рис. 4, 5—8).

Венчики многих сосудов имеют характерный наплыв. Сложный орнамент покрывает обычно верхнюю половину изделия, иногда спускается до дна и даже переходит на дно. Способы нанесения: накол, овальная отступающая лопаточка, проглаженные прямые и зигзаг, реже оттиск гребенчатого штампа и мелкозубчатая качалка. В орнаментальных композициях обычны горизонтальные пояса в сочетании со свисающими шевронами и лентами.

Различие кремневых изделий из первого и второго слоев также значительно. Новые поселенцы сохранили технику пластин, но освоили новые источники сырья. Вместо мелких прибрежных галек они используют крупные желваки высоко-

сортного коричневого кремня, вероятно совершая за ним многокилометровые рейды на берега Северского Донца, где зафиксированы мощные выходы древнего руслового отложения аналогичных галек (рис. 9).

Сходство орудий из двух слоев можно увидеть лишь в клиновидных топорах, а также в манере использовать в качестве сырья местные сорта мелкозернистого кварцита. Впрочем, последняя особенность характерна и для всех вышележащих слоев вплоть до эпохи бронзы.

Из кости и рога изготовляли острия, проколки, крупные мотыгообразные орудия.

Важными для характеристики слоя являются обнаруженные украшения: вытянутая прямоугольная пластина перламутра и изделия из кабаньего клыка (рис. 43).

Следующий, третий слой, выделяется прежде всего на основании стратиграфических данных. Он отделен от второго солидным стерильным горизонтом, верхняя часть которого состоит из речных отложений песка и гравия. Последнее обстоятельство свидетельствует в пользу предположения о сравнительно быстром образовании мощной стерильной прослойки в результате катастрофических разливов реки. Предположение вызвано сходством материала из второго и третьего слоев. Общее впечатление близости не исключает и различий. В керамике получает развитие воротничковый венчик, а остродонность доминирует над плоским дном. Орнамент все чаще занимает только верхнюю часть сосуда, но композиции усложнены. Особенностью данной керамики является мотив прочерченного или проглаженного зигзага обычно комбинированного с густым наколом, отступающей гребенкой и другими штампами (рис. 5). Начинает появляться гофрированный срез венчика. В общей массе керамика этого слоя имеет светло-серый цвет, шелушащуюся от обилия ракушки в тесте поверхность, хотя встречаются и фрагменты бурого цвета с примесью песка и грубыми расчесами по внутренней поверхности.

В кремневой индустрии наряду с орудиями на пластинах появляются изделия с двусторонней обработкой. Характерны наконечники с зауженным и фигурным основаниями, двусторонние концевые скребки и др. Вновь меняется источник сырья: коричневый кремень уступает место более светлому, медово-желтому, появляется матовый кремень розоватого и бесцветного оттенков (рис. 9).

Переход между третьим и четвертым слоями прослежи-

вается не очень четко, заметны лишь большая комковатость грунта и резкое сокращение находок. Кроме того, в толще четвертого слоя встречены кострища и участки скопления охры.

Немногочисленные фрагменты керамики из этого слоя принадлежат массивным слабопрофилированным сероглиняным сосудам с утолщенным венчиком и, вероятно, круглым либо слабо заостренным дном. В тяжелом и плотном тесте наряду с обильной ракушкой значительна примесь песка (рис. 6, 1). Поверхность сосудов покрыта следами расчесов, орнамент — густые оттиски многозубчатого штампа, сетчатые и паркетные прочерчивания, часты насечки по прямому или наклонному срезу венчика.

Среди скудного кремневого материала еще встречаются орудия на пластинах, но преобладают двустороннеобработанные изделия, в том числе наконечники с вытянутым либо зауженным основаниями и грубые скребки на высоких отщепках (рис. 10). Лишь эти отличия позволяют отделить материал слоя от предшествующего горизонта.

Пятый слой отличается более песчаной структурой и, как следствие, более светлым оттенком. Он тонок, а местами и вовсе не прослежен. Содержит еще меньше находок, чем четвертый.

Керамика этого горизонта представлена мелкими единичными фрагментами, и уверенно судить о ее форме трудно. Примесь — мелкотертая ракушка и песок, часто в тесто включены крупницы красящего минерала — кровавика. Возможно, с использованием охры связан и красный цвет поверхности у некоторых фрагментов. Преобладают относительно небольшие, тонкостенные, хорошего обжига сосуды. Предполагаемая форма — горшки со стянутым верхом и относительно плавным переходом к округлому или слабостроганному тулову. Встречены фрагменты сосудов с хорошим лощением. Из этого слоя происходит уникальный плоскодонный сосуд с серым лощением и проглаженным орнаментом в виде вертикальных змей по всему тулову. Украшено и дно горшка (рис. 6, 4).

Орнамент на остальных сравнительно редок, он нанесен прочерчиванием или проглаживанием в верхней части сосуда. Обычны сетчатые и паркетные мотивы. В одном случае под венчиком — ряд ложных жемчужин.

Сильно меняется облик кремневых изделий. Исчезают пластины, орудия изготовлены путем двусторонней обработки массивных отщепов. Произошла очередная смена сырья,

на этот раз в ходу серый матовый кремнь. Из форм преобладают наконечники стрел, дротиков, копий с прямыми и слабо-вогнутыми основаниями (рис. 10).

В этом слое встречены и изделия из металла — шилья.

Пятый слой на ряде участков памятника словно расщепляется, выделяя более светлые линзы—утолщения. Условно это явление при раскопках было обозначено слоем 5а. Самое интересное, что эти линзы — прослойки бесспорно более позднего времени, содержат совершенно иную керамику — типичные сосуды, среднестоговской культуры (рис. 6, 11—13).

Шестой слой выделяется густосерым, почти черным, цветом. В нем много золы, гари, богат он и находками. Здесь встречены развалы керамики, скопления кремневых отщепов, костей, мелкие камни.

Серая, с характерным графитным блеском, тонкостенная, хорошего обжига керамика изготовлена из глины с примесью тертой ракушки и слюдяного песка. Найдено несколько фрагментов с кирпично-красной поверхностью и принадлежащие одному сосуду тонкостенные черепки высокого качества с черным зеркальным лощением поверхности. К сожалению судить о форме этих изделий невозможно.

Остальные сосуды этого слоя имели относительно высокое прямое или раструбное горло с резким переходом к сфероконическому тулову. На границе пятого и шестого слоев найдена горизонтальная напечная ручка сосуда с двумя отверстиями.

Большинство сосудов орнаментировано. Узор покрывает горло и плечики. Обычно это густые ряды зубчатого штампа, реже прочерченные линии и личиночные вдавления. В орнаменте посуды из этого слоя впервые появляются аккуратные отгибки мелковитого шнура (рис. 7).

В кремневых изделиях можно подметить развитие традиций предшествующего слоя. Массивные орудия на отщепах, овальные скребки, наконечники, у которых наряду с прямым основанием появляется выемчатое, в том числе и асимметричное (рис. 11). Из других изделий можно отметить несколько конических пестов из песчаника и кварцита, костяное желобчатое тесло и фрагмент полированного зеленокаменного клиновидного топорика с зауженным обушком.

Седьмой слой более светлый и глинистый, с вкраплением дробленых раковин, угольков и частиц охры. В нем много находок, впервые встречено большое количество костей животных и рыб.

Керамика с ракушечной и растительной примесью в тесте, формой и орнаментом родственная вышеописанной посуде из шестого слоя. Подчеркнем лишь некоторые отличия: изделия более грубы и толстостенны, нет следов лощения, серый цвет уступает место коричневому, охристому. Формы более разнообразны: появляются миски, горшки с вздутым горлом, миниатюрные сосуды. Преобладает шнуровой орнамент, но шнур более грубый, чем в шестом слое. Найдено несколько фрагментов высококачественной керамики оранжевого цвета с характерной пачкающей поверхностью.

Еще большее сходство с предшествующим слоем наблюдается в кремневом инвентаре. Получают развитие асимметричные наконечники (так называемый флажковидный тип), сверла, скребки, ножи изготовлены из того же серого кремня, в той же технике. Появляются прямоугольные вкладыши с пильчатой ретушью и заполированной поверхностью, есть клиновидные топоры-тесла из сланца, много изделий из кварцита.

Восьмой слой более темный и плотный, содержит много раковин речной улитки, но мало находок.

Встреченная здесь керамика резко отличается от вышеописанной. Сосуды черного цвета изготовлены из глины с примесью шамота, растительности и песка. Толченая ракушка добавлена в незначительном количестве. Относительно небольшие грубоватые и толстостенные сосуды имели округлое дно и невысокое горло с массивным венчиком-воротничком. Орнамент нанесен оттиском грубого крупновиткового шнура, отступающей лопаточкой и гребешком, последний—часто в елочных мотивах. Одна из особенностей—подчеркивание перехода от горла к тулову пояском из обратных либо прямых жемчужин.

В слое мало находок кремня. Кроме нескольких отщепов, встречено только два изделия: выемчатый наконечник стрелы и массивный наконечник дротика.

Строго говоря, последние 3 слоя относятся уже не к энеолиту, а раннему бронзовому веку, однако их описание необходимо для лучшего понимания рубежа двух эпох.

Кроме многослойных памятников на Дону известны и однослойные поселения рассматриваемого периода. Крупнейшее из них, Константиновское, расположено в 50 км выше Раздорского по течению Дона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Формозов А. А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. КСИА, вып. 53, М., 1954, с. 134—138.
2. Белановская Т. Д. К вопросу об орнаменте керамики неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону. — В сб. «Проблемы отечественной и всеобщей истории», Л., 1976, вып. 3.
3. Белановская Т. Д. Хозяйство обитателей неолитического поселения Ракушечный Яр. — В сб. «Археологические раскопки на Дону», Р/Д, 1973, с. 11—14.
4. Телегін Д. Я. Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степового Поволжя. Археологія, вып. 36, к. 1981, с. 3—19.
5. Даниленко В. Н. Неолит. Украины. К. 1969.
6. Белановская Т. Д. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у ст. Раздорской Ростовской области. МИА, № 185, 1972.
7. Братченко С. Н. Багатошарове поселення Лівенцівка 1 на Дону. Археологія, К., т. XXII, 1969, с. 210—231.
8. Гей А. Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону, СА, 1979, № 3, с. 119—131.
9. Княшко В. Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону. КСИА 192, М., 1987.

КОНСТАНТИНОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Памятник был открыт автором в ноябре 1966 года (1). Уже первая разведка показала, что поселение можно отнести к наиболее крупным и богатым местонахождениям эпохи раннего бронзового века в Северном Причерноморье. Дальнейшие работы 1967—1977 и 1979 годов подтвердили это предположение. За 12 полевых сезонов было раскопано около 5000 кв. м культурного слоя, что составило более 90% площади поселения. Годы исследований дали огромное количество находок; коллекцию керамики, кремневых и каменных изделий, добытых на поселении, можно без преувеличения характеризовать как крупнейшую на территории Нижнего Подонья для рассматриваемой эпохи.

Поселение расположено на западной окраине г. Константиновска на правом берегу Дона, в 18 км выше впадения в Дон р. Северский Донец. Оно занимает плоскую вершину отдельного холма в цепи возвышенностей правобережья. В геологическом отношении это продолжение древнейшей третьей надпойменной террасы Дона, описанной Г. И. Горецким (2). В основе террасы залегают сильно дислоцированные песчаники и сланцы среднего карбона с прослойками низкосортных углей (следы кустарных выработок этих углей местными жителями в XIX веке есть рядом с поселением), перекрытые мелкозернистыми серыми горизонтально-слоистыми песками с редким гравием и гальками — остатками аллювия пра — Дона. Выше залегают глины, затем лессовидные суглинки с примесью песка в верхнем горизонте. Терраса сильно сглажена и разрушена многочисленными оврагами и балками. В месте поселения она отстоит от современного берега реки на 0,5 км, однако в прошлом периодически становилась, в результате изменений русла, непосредственно берегом.

Поселение с востока, юга и запада ограничивают крутые, до 45°, склоны холма, с северной напольной стороны холм очерчен древним заплывшим оврагом, возможно искусственного происхождения. Поселение занимает участок в виде неправильного овала, вписывающегося в прямоугольник со сторонами 60 и 100 метров, обращенный узкой частью к реке. Его площадь (около 0,5 га) неоднократно распахивалась и использовалась для посадок (виноград, плодовые), частично нарушивших культурный слой. Самые серьезные разрушения были

следствием сооружения в начале 20-х годов рва вокруг вершины холма для предохранения плантации от эрозии почвы.

Современная глубина рва 0,7 м, ширина 2 м.

Первоначальный сбор подъемного материала не был обильным. Находки дробленной керамики и кремневые отщепы встречались на пахоте между рядами кустов смородины, которыми была засеяна площадь всего памятника. В заплывшем рву, по краям вершины холма, были замечены зольные пятна и найдены более крупные фрагменты керамики. У подошвы холма находки были реже, однако именно здесь собрано несколько десятков мелких кремневых чешуек — свидетельствующих, с одной стороны, о местном производстве орудий, с другой — об интенсивном размыве и сносе вниз по склону периферии культурного слоя.

Два пробных шурфа, заложенных на вершине холма, показали, однако, что разрушения коснулись только некоторых крайних участков, а на остальной площади сохранность памятника хорошая. Культурный слой залегает горизонтально или с легким уклоном, следуя за древним рельефом.

Стратиграфия поселения оказалась простой:

I. Подстилающий материковый слой. Прослежен в контрольных шурфах на глубину до 1,5 м. Плотный песчанистый, переходящий по мере углубления в песчано-суглинистый слой. В верхней части на горизонтальном срезе имеет ярко-желтый цвет с многочисленными вкраплениями черного гумуса в каналах, оставленных растительностью и червями. На глубине 0,6—0,7 м светлеет, появляются редкие кристаллы гипса и комочки извести.

II. Слой погребенной почвы, отличающийся от материка темным коричневым цветом и большой комковатостью. Не имеет четкой границы со слоем I, потому средняя мощность может быть определена приблизительно. Она равна 0,1—0,2 м. Местами слой нарушен норами грызунов, ямами и ямками, связанными с поселением.

III. Культурный слой мощностью до 0,3 м. Цвет темно-серый, структура золотисто-песчаная, исключительной плотности. Густо насыщенные находками, особенно в нижнем горизонте, которые по степени убывания могут быть перечислены так: керамика, кремль, мелкие камни, кости животных. Особенно высокая насыщенность на участках с более темным и мягким грунтом и повышенным содержанием золы.

IV. Современный почвенный слой мощностью в 15—20 см.

Темный, серо-коричневого цвета, комковатый, местами перемешан со слоями II и III, и в таких случаях содержит отдельные находки. Перемешанность больше заметна на плоской вершине холма, на пахоте. На некоторых участках поселения между культурным слоем и современным гумусом прослеживается тонкая, 0,1—0,2 м, стерильная прослойка из серого, плотного песчанистого грунта. Ближе к склонам ее мощность увеличивается, достигая на перепаде 0,4 м. Структура прослойки и особенности ее размещения относительно рельефа холма выдают золотое происхождение. Видимо, уже после гибели поселения, в течение некоторого времени климатические особенности в этом месте способствовали отложению принесенных ветром частиц песчаной пыли.

Исследования культурного слоя велись раскопками широких площадей, разделенных координационной сеткой на квадраты 2х2 м. Работы показали, что поселение имеет один культурный слой, и сделанные в нем находки (за исключением единичных случаев) можно уверенно рассматривать как относительно синхронные.

На некоторых участках насыщенность материальными остатками очень велика. Горизонт находок, как правило, сочетается с прослойками гари, следами кострищ, гнездами от оснований столбов и ямами строительного и хозяйственного назначения, заполненными створками раковин речного моллюска, костями рыб и животных и фрагментами (преимущественно днищ) керамики. Такие участки наиболее вероятно трактовать как остатки наземных жилищ, их прослеженные границы очерчивают вытянутые овалы со средними размерами 10х4 м. Судя по планировке этих участков на вскрытой территории, жизнь на поселении тяготела к краям холма с оставлением по центру свободного пространства.

На исследованной площади очерчиваются десять таких участков. По-видимому, это большинство из существовавших в последний период жизни поселения строений, т. е. раскопано 90% территории памятника. В то же время разрушения по периметру холма и в восточной его половине могли уничтожить следы некоторых сооружений, и общее число одновременно существовавших жилищ на поселении можно предположительно определить как 12—15, не более.

К сожалению, невозможно четко представить конструк-

цию жилых построек Константиновского поселения. Судя по отсутствию котлована и остатков глинобитных частей строений, жилища наземного типа сооружались, видимо, из дерева, на выравненных площадках, без специального фундамента. Основу несущей конструкции составляли опорные столбы, судя по ямкам, диаметром в 15—20 см. Возможно, что обычные ямки меньших диаметров (10—12 см) остались от подпорок, поддерживающих камышовую или соломенную кровлю, о характере которой, впрочем, можно судить лишь умозрительно.

В пределах очерченных скоплений культурных остатков обычно находится некоторое количество округло-уплощенных, окатанных и со следами сильного обжига камней. Иногда можно проследить гнезда и остатки выкладок из таких камней на уровне древнего горизонта, как правило в местах наибольшего скопления гари и культурных остатков. В некоторых случаях кучки окатанных камней (каждый диаметром 8—10 см) встречены в сочетании с развалами крупных кухонных сосудов. Сделанные наблюдения позволяют предположить существование в жилищах очагов с облицовкой пода и периметра мелкими камнями. С открытым типом очага хорошо согласуются глиняные вертельные подставки, обнаруженные во многих жилищах (рис. 23. 6—8) и остродонная форма большинства сосудов. Не исключена возможность использования некоторых окатанных и прокаленных камней для кипячения воды путем помещения их в нагретом состоянии внутри керамических или деревянных емкостей.

Часть цилиндрических в вертикальном сечении и округлых в плане ямок, обычно диаметром до 30 см, глубиной 15—20 см находится в пределах наибольшего скопления культурных остатков и содержит в заполнении фрагменты днищ крупных сосудов, кости рыб, животных. Если учесть, что глубина и диаметр ям даются по замерам в материке, то действительные размеры их были больше, порядка полуметра в глубину. Иногда такие ямки хозяйственного назначения встречаются и за пределами очерченных жилищ, возможно в непрослеженных хозяйственных сооружениях.

Интересны разбросанные по всей площади поселения, но преимущественно во внутренней его части, своеобразные парные ямки. Они стандартного диаметра 10—12 см, примерно на столько же углублены в материк. Их заполнение — зола, дробленая керамика, мелкие камешки — свидетельствуют, что

ямки служили гнездами для жердей диаметром 8—10 см, а своеобразная «щебенка» подсыпалась для плотного крепления жерди в гнезде. Обычно расстояние между смежными ямками 20—40 см, расстояние между смежными парами 2—3 метра. В некоторых случаях 3—4 пары ямок вытягиваются в своеобразную цепочку. Интересно, что в большинстве случаев эти ямки встречены за пределами очерченных скопления материала, между ними. Последнее обстоятельство, а также незначительный диаметр ям и их парность, позволяют предполагать их связь с хозяйственными постройками типа овинов и других помещений для стойлового содержания скота. В донских хуторах до недавнего времени широко практиковались подобные дешевые, но эффективные сооружения для скота. Между рядов врытых в землю попарно легких кольев укладывались вязанки камыша, толщиной в 30—40 см, помещение утеплялось земляной насыпью — завалинкой и перекрывалось камышовой же кровлей. В тяжелые для колхозов послевоенные годы автор наблюдал подобные сооружения для зимовки скота в хуторах дельты Дона: Колузаево, Городище, Усть-Койсуг и других. Общее расположение прослеженных при раскопках парных ямок не позволяет, однако, очертить даже приблизительно площадь таких помещений. Возможно, большинство опорных столбов легких сооружений не крепилось и не вкапывалось глубоко, а мелкие ямки в погребенной почве поселения проследить очень трудно.

Культурный слой за пределами жилищ, как уже отмечалось, сравнительно беден находками, хотя и здесь нередко встречались отдельные гнезда камней, скопления кремневых отщепов и развалы керамики. В большинстве случаев эти остатки можно связывать с непрослеженными производственными и хозяйственными сооружениями, либо с частями невыявленных жилищ. Возможно, что хаотичное расположение таких остатков, также как и некоторых ям хозяйственного назначения, связано с вероятными перестройками и переносами как жилых, так и производственных построек в процессе существования поселения.

Раскопками зафиксированы и некоторые необычные объекты на площади поселения. К таковым следует отнести округлые пятна зеленоватой окраски, обнаруженные при зачистке материка в восточной части поселения. Они имеют размытые границы, хотя местами переход от обычного охристого цвета материковой супеси к зеленоватому достаточно четок. Прослеженные размеры пятен колебались от 1 до 1,6 м

в диаметре, толщина до 0,4 м. Ни одно из них не входило в площадь жилищ, хотя все располагались вблизи участков насыщенного слоя. Близ одного из самых крупных пятен в юго-восточной части поселения была расчищена округлая выкладка диаметром 0,5 м из кусков песчаника. Камни размером в кулак и менее были сильно обожжены. В пределах выкладки было обнаружено мало находок, однако показательно, что среди них находились обломки массивной льячки (рис. 35. 4). Таким образом, одним из возможных решений вопроса происхождения пятен может быть предположение о том, что они образовались в результате прокаливания грунта в ходе производственных операций по обработке металла, изготовлению керамики. Пятна могли образоваться и от длительного пропитывания песчаного слоя растворами, содержащими вещества, влияющие на окраску грунта. В последнем случае границы пятен фиксируют расположение лежащих выше материка, но не прослеженных ям, содержащих растворы.

Подобная окраска грунта на дне хозяйственных ям, содержащих обычно отходы от стойлового содержания скота, прослежена и на других памятниках Дона, вплоть до слоев казачьих поселений XVII—XIX вв. Конечно, нет полной уверенности в синхронности пятен и жизни на поселении, они могли образоваться и позднее. Но характерно, что все выявленные следы зеленой окраски находятся на восточной окраине поселка, там, где часто встречаются парные ямки — предполагаемые остатки хлевов и овинов для скота поселенцев.

Загадочный объект был открыт и в геометрическом центре поселения. Здесь, на обширной площадке, свободной от строительных остатков и находок, расчищен комплекс из двух ям и помещенного между ними каменного алтаря. Круглые ямы расположены на расстоянии 4,2 м одна от другой по линии запад—восток. Западная яма диаметром 1,2 м углублена в материк на 0,1 м, восточная, больших размеров (1,4 м), более глубокая — 0,2 м. Обе ямы заполнены чистой золой, почти без примеси находок. Точно между ямами в материковый грунт врыт и укреплен золистой трамбовкой алтарь из известняковых глыб. В основании лежат параллельно, ориентированные строго по линии север—юг, три продолговатых блока со следами грубой подтески. Их размеры 0,2 x 0,4 м. Блоки были фундаментом для лежащих на них параллельно в направлении запад—восток двух массивных известняковых брусьев размером 0,3x0,7x0,25 м. Верхние грани

блоков были подтесаны. В прошлом все сооружение выглядело как две слегка выступающие над землей горизонтальные площадки камня, разделенные промежутком в 0,2 м и ориентированные осями по линии запад—восток. Приблизительные размеры всего алтаря — квадрат $0,7 \times 0,7$ м. Его расстояние от западной и восточной ям, в которых, очевидно, горели костры, равно 1,5 м. Культовый характер комплекса подчеркивает открытое в 1,5 м к северу от алтаря погребение. Оно совершено на уровне материкового грунта, поэтому следы могильной ямы не прослежены. Малая глубина от современной поверхности сказалась на степени сохранности костяка. Лицевая часть черепа, некоторые позвонки, таз и фрагменты стопы были разрушены, либо отсутствовали. Однако оставшиеся кости передавали позу умершего. Скелет взрослого человека лежал на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на северо—запад. Пятки подкорченных ног прижаты к кончиковой кости. Кисти согнутых в локтях рук находились у подбородка. Характерная поза не оставляет сомнений в преднамеренности погребения, но малая глубина (погребение совершенно фактически в культурном слое) и отсутствие сопровождающих вещей свидетельствует в пользу того, что это не обычное захоронение, а могила жертвы, связанная с расположенным рядом алтарем.

Планировка поселка в виде кольца или полукольца жилищ с оставлением по центру свободного пространства характерна для памятников среднего Триполья, хотя встречается и в более раннее время (3). Особенно близок нашему поселению по топографии и планировке памятник среднестоговской культуры на Украине — Деревка (4).

Малая глубина залегания культурных остатков и песчаная структура почвы не способствовали сохранности материала. Керамика выщелачивалась, из костей сохранились лишь побывавшие в огне, нет даже намека на органику. Тем не менее, получен представительный материал к последовательной характеристике которого и переходим.

Керамика. Обычно керамический комплекс первобытного поселения, кроме присущих ему прямых характеристик (морфология, технология, орнаментация), обладает и совокупной внутренней информативностью. Так, относительно малое количество керамики, однородность технологии и бедность форм могут косвенно свидетельствовать о слабом развитии некоторых видов производящего хозяйства, на-

против, богатая и дифференцированная керамика — как правило — наследие, или следствие традиций развитой земледельческой культуры. Стандартность или специфика форм, то или иное соотношение между тарой, кухонной и декоративной посудой позволяет осторожно судить об экономике и социальной структуре, характерных для изучаемого памятника. Наконец, присутствие керамического импорта и культурного синкретизма в типах изделий помогут нащупать исторические пути и направленность связей общества.

При всей рискованности прямолинейных истолкований этой информацией нельзя пренебречь, особенно в тех случаях, когда ее можно проверить наблюдениями за другими категориями находок того же памятника, или когда керамическая коллекция настолько обильна, что количество прослеженных закономерностей служит дополнительным обоснованием достоверности предположений.

Такие возможности дает исключительно богатая и разнообразная керамика Константиновского поселения, общее количество изученных фрагментов которой превышает сто тысяч. По совокупности технологических и морфологических признаков она делится на три группы.

Проведенная статистическая обработка массового материала была основана на пятипроцентной произвольной выборке от общего количества керамики, которая составила 5812 фрагментов. При подсчетах не принимались во внимание керамические отщепы, а также выкрошившиеся обломки с параметром менее 30 мм в наибольшем из замеров (исключения делались только для частей миниатюрных сосудов).

Однако, процентное соотношение фрагментов разных групп не равнозначно соотношению целых форм из-за различий физических и технологических особенностей последних. Сосуды первой группы, более крупные и хрупкие, давали при бое большее число фрагментов, чем прочная и сравнительно небольшая посуда II—III групп (последняя бьется на крупные части геометрических форм с ровными, прочными гранями, аналогично черепкам амфор раннего железного века). Если принять во внимание это обстоятельство, то процент целых форм первой группы керамики будет несколько меньше, а II—III групп соответственно больше приводимого ниже соотношения фрагментов.

Первой группе принадлежит 70,5% всех керамических фрагментов. Этот основной компонент всей керамической

коллекции поселения может быть в свою очередь разделен на две подгруппы: А и Б. Подгруппа А содержит в тесте крупные включения толченых створок раковин и волокнистую растительную примесь. Поверхность таких изделий во многих случаях имеет обмазку глиной иного состава (с преобладанием органической примеси), чем основная масса. В результате частичного выгорания растительных и вымокания минеральных частиц керамика имеет рябую фактуру и характерные легкие, пористые, хрупкие черепки (комковатые на изломе) с окраской в бурюю гамму тонов. Большинство их принадлежит крупным (до 35 см в диаметре) сосудам без орнамента или со скупymi украшениями верхней части. Характеристику можно дополнить упоминанием следов зубчатого шпателя на внутренней и внешней поверхности сосудов.

Морфологически изделия описываемой подгруппы А представлены одним типом — крупные горшки с относительно высоким, прямым, раструбным или слегка вздутым горлом, несколько стянутым по отношению к сферическому тулову и слабоострое дно, с углом профиля от 120 до 135° (рис. 17, 1—3).

Толщина стенок керамики первой группы колеблется в пределах от 8 до 14 мм.

Закраина устья оформлена прямым срезом, либо слегка оттянута и срезана наискось, под острым углом внутрь сосуда.

Подгруппа Б содержит в тесте большее количество песка, иногда в сочетании с мелкоизмельченной ракушечной примесью, и только в отдельных случаях редкие добавки растительных волокон. Керамика имеет шершавую поверхность, более тяжелый и плотный черепок, относительно тонкий по сравнению с подгруппой А. Цвет варьирует в зависимости от степени обжига, но преобладающим тоном является темно-охристый. Изделия чаще и тщательнее заглаживались зубчатым шпателем, без последующего затирання следов. Иногда «расчесы» использовались как своеобразное украшение.

Изделия представлены сосудами средних и малых размеров (от 10 до 25 см в диаметре устья) с более пышным орнаментом и большим разнообразием форм. Можно выделить и некоторые характерные типы. Первый — ефороконические горшки с острым или слегка уплощенным дном, стянутым верхом и несколько укороченным прямым или вздутым горлом. Имеют овальный или кососрезанный внутрь венчик. Ти-

пологически они близки к горшкам подгруппы А, но отличаются большим изяществом форм и орнамента, размерами, лучшим качеством. Варианты этого типа (рис. 20, 1) имеют слегка раструбное горло и отличаются степенью кривизны стенок тулова и горловины.

Второй тип — горшки с коротким отогнутым горлом, выраженным достаточно резко, но плавно переходящим в удлиненно-округлое тулово, оканчивающееся, по-видимому, небольшим плоским дном. Целых сосудов этого типа не найдено. Иногда эта посуда имеет обедненный орнамент, но встречаются и пышно украшенные фрагменты с вертикально расположенными на горле ручками овального сечения (рис. 18, 4).

Третий тип представлен сосудами с воронковидным горлом и колоколовидным остродонным туловом (рис. 19, 1—4). Вариантом этого типа являются небольшие кубки каплевидной формы с плавным переходом стенок к округлому дну (рис. 19, 5).

Четвертый тип — профилированные высокобортные чаши (рис. 21, 8).

Пятый тип включает два варианта сферических мисок с широким устьем (рис. 21, 1, 7) и со стянутым верхом (рис. 21, 3).

Кроме перечисленных типов к этой группе по ряду признаков можно отнести разнообразные миниатюрные сосуды (рис. 25, 2—3) и некоторые своеобразные формы (рис. 25, 1, 4), однако их классификация ввиду специфики затруднена.

Сопоставляя две подгруппы керамики Константиновского поселения, нельзя не отметить наряду с отличиями и много общих признаков. Таковы техника лепки (ленточная), родство форм и компонентов примеси. Основные различия объясняются, видимо, функциональной принадлежностью посуды. В подгруппе А преобладает тара, хозяйственные емкости, а во второй — кухонные и столовые изделия (что подтверждается следами нагара на многих фрагментах) и, возможно, содержатся парадные и ритуальные сосуды. Близость подгрупп подтверждается и наличием синкретических экземпляров посуды, совмещающих в себе признаки каждой из них. Но особенно наглядно проявление родства в орнаментации, к рассмотрению которой мы и переходим.

По способам нанесения орнамент двух подгрупп керамики может быть сведен к следующим основным элементам: зуб-

чатый штамп, шнуровой оттиск, «личиочный» штамп, узелковый штамп и накол; два последние, впрочем, встречены как исключение на нескольких фрагментах. Каждый из названных приемов имеет по несколько вариаций в зависимости от размеров сосудов и других особенностей.

По мотивам орнаменты могут быть классифицированы на однорядный пояс, многорядный пояс, «елочка», зигзаг, сетка, пояс из геометрических фигур (треугольники, ромбы, квадраты) и зональное заполнение (рис. 20). Кроме того, на некоторых сосудах встречены украшения, не подчиненные определенному мотиву. Из перечисленных элементов орнамента количественно резко преобладает шнуровой оттиск, на втором месте гребенчатый штамп. На их долю приходится 97% всей орнаментированной посуды, причем шнуровая орнаментация — приоритет подгруппы Б. Другие штампы редко использовались самостоятельно и выступают лишь как дополнение сложных шнуровых композиций. Особенно богаты орнаментальные композиции на сосудах подгруппы Б (рис. 20—21). Обычно украшались только горло и переход к тулову изделия, но в отдельных редких случаях орнамент имеется и на внутренней поверхности горла, на срезе венчика и на дне (рис. 20, 5). Оттиски гребенчатого штампа чаще встречаются на изделиях подгруппы А и образуют лишь многорядные или елочные композиции (рис. 20, 1).

Шнуровые узоры обычно составляют пояса из штрихованных треугольников, реже ромбов (иногда двух- и трехрядные композиции) (рис. 25, 4; 20, 3—5), паркетный, сетчатый орнаменты (рис. 20, 2) или простые ряды горизонтальных оттисков (рис. 21, 8). В отдельных случаях три или четыре параллельных прижатых друг к другу оттиска образуют ложную тесьму. Для Константиновского поселения характерен аккуратный мелковитой шнур, изготовленный, судя по микроследам, из тонких шерстяных нитей.

Еще одной особенностью орнаментации керамики подгруппы Б являются солярные мотивы, встреченные в единичных случаях на круглых или уплощенных днищах сосудов (рис. 25, 5).

Вторая группа составляет 21,3% керамики. Она состоит из сосудов преимущественно средних размеров и существенно отличается от первой как технологией, так и морфологически. Эта посуда отличается грубостью формовки и примеси (крупнозернистый песок), бедностью орнамента. Характерные морфологические особенности — круглое дно, относи-

тельно плавный переход от зауженного горла к округлому тулову. Короткий прямой или отогнутый венчик обычно утолщен и не имеет четкой профилировки верхнего среза, он как бы замат, деформирован. Поверхность изделий шершавая, бугристая, но нередко и четкие расчесы — следы заглаживания (рис. 22, 1—5). Преобладающий цвет поверхности этих изделий густо-черный, иногда пятнистый от неравномерного обжига. Орнамент отсутствует или представлен скудными рядами отисков зубчатого штампа под венчиком и по горлу.

Некоторые детали этой группы материала можно в какой-то степени сравнить с керамикой подгруппы Б: обработка поверхности: песчаная примесь, пропорции и формы. Однако, в целом, группа, бесспорно, представляет самостоятельное явление, хотя залегает в жилищах поселения вперемежку с другой керамикой, в единых развалах.

Третья группа. Эта керамика отличается от вышеописанной. Она представлена фрагментами из плотного тонкоотмученного теста с мельчайшими блестками слюды или, в некоторых случаях, вкраплениями комочков красного красящего минерала. Цвет колеблется от светло-охристого до ярко-оранжевого. Характерной особенностью является «пачкающая» поверхность черепков. Большинство фрагментов имеют с внутренней стороны четкие следы от заглаживания зубчатым шпателем, совершенно аналогичные следам на керамике двух первых групп. Черепки имеют ровную линию излома, гладкую поверхность и одинаковый по толщине цвет — свидетельство равномерного обжига.

Керамика этой группы составляет 8,2% общего количества. Можно выделить два ведущих типа. Первый — крупные и средние сосуды бомбовидной формы с узким, прямым или раструбным горлом, круглым или небольшим плоским дном. Горло резко отогнуто от тулова, венчик имеет различные модификации (рис. 23, 1—5).

Второй тип представлен всего несколькими фрагментами тонкостенных мисок со слегка загнутыми внутрь краями (рис. 24, 4).

Возможно существование и других типов. В частности, найдены обломки, позволяющие предполагать наличие у некоторых сосудов этой группы ребра на тулове, фрагменты наlepных ушек, каннелированная вертикальная стенка чашеподобного изделия и др. (рис. 24, 1, 6).

Часть сосудов III группы имеет на внешней поверхности ангоб светло-коричневого или белесого цвета.

Для керамики этой группы орнамент не характерен (украшено около 0,3% от общего количества), в тех случаях, где мы все-таки его имеем, он очень любопытен. В восьми случаях прослежено употребление знакомых по I и II группам способов нанесения орнамента, — зубчатый штамп и оттиск шнура, причем в тех же композициях. По составу теста эти фрагменты ничем не отличаются от общей массы керамики III группы (рис. 24, 3—4). В девяти случаях на керамике нанесен прочерченный орнамент. Лишь в двух из них он имеет аналогии в мотивах украшений первых групп (елочка и сетка), в остальных это совершенно новые мотивы в виде криволинейных лент, пересекающихся линий (рис. 23, 2). Наконец, в трех случаях встречен орнамент в виде узких проложенных полос, расположенных по всей поверхности сосудов в солярных композициях (рис. 23, 1).

Своеобразна техника лепки сосудов III группы. Судя по сохранившимся следам соединений, изделия формовались не ленточным способом (как посуда I—II групп), а путем зонального наращивания стенок отдельными участками.

Кроме рассмотренной керамики, на поселении встречены несколько тонкостенных высококачественных фрагментов, резко отличающихся от остального материала. Они изготовлены из плотного, тяжелого тонкоотмученного теста, окрашены в серый тон и имеют гладкую, иногда залощенную или ангобированную поверхность. В отличие от керамики III группы, эти образцы не оставляют пачкающих следов при прикосновении. Среди образцов этой керамики присутствуют формы, морфологически несопоставимые ни с одним из типов посуды на поселении. Таковы фрагменты высокобортной миски, пластинчатой вертикальной ручки с отверстием (рис. 24, 6—8), резко отогнутого горла (рис. 24, 1), и т. д. Немногочисленность (17 фрагментов, из них 7, принадлежащих одному сосуду) и своеобразие этой керамики заставляют предполагать ее импортное, по-видимому, южное происхождение. Наконец, необходимо отметить встреченные на одном участке поселения в верхнем горизонте, возле южного склона, единичные фрагменты керамики с плотным, тяжелым и комковатым тестом и грубой ракушечной примесью. Толстостенные черепки и массивные прямосрезанные венчики этой посуды украшены грубыми оттисками крупновиткового шнура, «отступающей лопаточкой», гладким штампом и «жемчужинами». Эти особенности позволяют безошибочно отнести материал к кругу так называемых «репинских» па-

мятников, хорошо известных для раннего бронзового века в более северных, лесостепных районах Дона.

Эти находки важны для относительной синхронизации поселения и свидетельствуют о полном и скором прекращении жизни памятника, возможно не без помощи именно лесостепных племен.

Кроме посуды на поселении найдены керамические изделия иного назначения. К ним относятся очажные принадлежности из слабообожженной глины с крупноволокнистой растительной примесью, которая при выгорании способствовала образованию иероглифического узора на поверхности. Комковатое и рыхлое тесто легко крошится, поэтому восстановление целых изделий затруднено. Пока реставрированы только четыре предмета (рис. 23, 6—8). Некоторые из таких предметов орнаментированы отриском зубчатого штампа в знакомых по керамике первых групп сочетаниях. Судя по обломкам, формы изделий и образцы орнамента не исчерпываются восстановленными экземплярами.

К описываемой группе близки массивные керамические плитки, найденные в нескольких обломках. Они изготовлены из грубого тяжелого теста с примесью песка, некоторые имеют слабый изгиб, другие — обработанный край с низким бортиком вдоль него. Толщина плиток 2 см. Возможно, что эти изделия были жаровнями — сковородами, или связаны с ритуальными действиями, были жертвенниками.

Керамические обломки тиглей и литейных форм будут охарактеризованы ниже.

Завершая описание керамики, можно упомянуть о найденных на поселении глиняных кружках. Они изготовлены путем обтачивания фрагментов керамики I—II групп, имеют правильную форму и диаметр от 2,5 до 4,5 см (рис. 25, 7). Всего найдено 4 целых кружка и несколько обломков. Часто встречаются заготовки кружков в виде кусков керамики округлой формы грубо оббитых по краям, но не обточенных. Некоторые имеют отверстия в центре. Подобные изделия широко распространены на энеолитических памятниках, как степи, так и Кавказа. Назначение их неясно.

Кроме того, на поселении найдены изделия, изготовленные не из керамических отходов, а путем специальной формовки. Одно из них — пряслице конусовидной формы с цилиндрическим отверстием. Есть миниатюрные колесики и глиняные пуговицы с отверстием в центре (рис. 25, 6—10), некоторые обломки более сложных форм позволяют предпола-

гать наличие культовых изделий типа лепешек, конусов или схематичной скульптуры.

Изделия из камня, кости и металла. На второе место по количеству, после керамики, следует поставить кремневые изделия, реже встречаются костяные и роговые предметы, что, очевидно, можно объяснить плохой их сохранностью в условиях песчаного грунта, и совсем редки находки металла.

Следует отметить, что именно отдельные изделия из этих материалов или их скопления, часто помогали выявить в сложных планиметрических условиях границы жилищ. Распределение инвентаря внутри помещений проясняло функции тех или иных участков, позволяло лучше представить быт поселенцев. Нет сомнения в том, что орудия труда и оружие изготавливались прямо на поселении. Запасы его пополнялись по мере надобности. Сделанные находки прекрасно иллюстрируют различия в техническом уровне отдельных изготовителей. Наряду с настоящими шедеврами кремнеобрабатывающего и костерезного мастерства встречаются грубые, неумело сделанные, неряшливые изделия новичков. Судя по всему, предметы находились в личной собственности.

Металлические орудия, возможно, представляли исключение. Их производство, по-видимому, было сконцентрировано в руках отдельных мастеров, владевших секретами добычи сырья, обработки его и изготовления изделий. Это подтверждается незначительным количеством находок из металла, а также скоплением остатков медепроизводства только на двух (южных) участках поселения.

Типологический анализ изделий из кости, камня и металла, сопоставление их с предметами, найденными на других памятниках этой эпохи, помогли лучше понять специфическую керамику Константиновского поселения, определить хронологическое и культурное место памятника в ряду других местонахождений.

Культурный слой поселения исключительно насыщен орудиями из кремня и отходами их производства. Добытая на памятнике коллекция из 62 тысяч отщепов и большой серии разнообразных орудий без преувеличения может быть названа самой крупной для степных памятников. Сырьем для изготовления орудий служили мелкие и средние гальки из древних русловых отложений, подобные тем, что и теперь в изобилии встречаются в размывах берегов на пляжах Дона и Северского Донца, в пределах Константиновского района. Не-

прозрачный, светло- и темно-серого цвета с большим количеством вкраплений на изломе, кремьн Константинсвского поселения мало способствовал своим качеством изготовлению хороших орудий. Большинство их имеет на поверхности останцы известковой корки, раковины и заломы. Некоторые вещи сделаны из полупрозрачного дымчатого или матового бурого кремня. Около 2% от общей массы составляют находки из серого и красного кварцита.

На поселении доминирует техника отщепов. Изделия на пластинах встречены в единичных экземплярах (рис. 26, 23). Большинство орудий обработаны с двух сторон крупнофасеточной ретушью, часто покрывающей всю поверхность предмета. Они массивны и несколько грубоваты.

Местное изготовление подтверждается большим количеством заготовок, незавершенных или бракованных орудий, отщепов, нуклеусов и чешуек. В одном случае, при разборке зольного пятна, на площади в 0,05 кв. м было обнаружено 43 чешуйки — отход от обработки одного куска кремня.

В материале Константинсвского поселения, с одной стороны, прослеживаются четкие группы кремневого инвентаря, позволяющие провести его классификацию, с другой — разнообразие форм режущих и скребущих инструментов, как специализированных по назначению, так и универсальных, приспособленных для выполнения нескольких видов работ.

Перейдем к рассмотрению кремневого инвентаря по группам.

Отщепы. Эта часть материала может быть условно разделена на крупные, встречающиеся сравнительно редко, средние составляющие большинство, и мелкие, вплоть до чешуек. Первые в значительной мере можно рассматривать как потенциальные заготовки для орудий или начальные сколы с крупных желваков, вторые и третьи — как простые отходы производства. В то же время на многих отщепах (особенно средней величины) заметны следы их однократного употребления для режущих или скребущих операций. Иногда следы такого использования в виде псевдоретуши, заломов по острому краю или заполированности позволяют предполагать более длительную эксплуатацию отщепа и ставят его по функциональному значению в один ряд с орудиями.

Но отсутствие четких морфологических признаков не позволяет подвергать такие изделия классификации.

На многих отщепах сохранились участки известковой коры, покрывающей поверхность желвака.

Нуклеусы. Представлены грубыми ядрищами округлой формы с хаотичным размещением ударных площадок и негативов неправильной формы. Большинство из них является неработанными экземплярами, так как при такой технике обработанные нуклеусы не имели, по-видимому, определенной формы и представляли подобие массивного многофасеточного отщепа. При всей условности выделения этой группы, на массовом материале Константиновского поселения они вступают достаточно четко. Некоторые из нуклевидных обломков имеют следы использования их в качестве отбойников или грубых скребел.

Отбойники и отжимники. (Ретушеры). К числу отбойников, помимо указанных выше нуклевидных форм, могут быть отнесены округлые кремневые конкреции диаметром 5 — 6 см. с поверхностью, покрытой многочисленными мелкими выщербинами, и частичной заглаженностью выступов. Число их невелико. Возможно к отбойникам следует отнести и некоторые из встреченных на поселении округлых изделий из песчаника.

На поселении найдено несколько предметов, которые с уверенностью могут быть классифицированы как отжимники. Все они имеют следы сильной изношенности рабочей поверхности. Некоторые из них имеют правильную листовидную форму и спинки, обработанные плоской ретушью. У других, изготовленных из удлиненных отщепов треугольного сечения, спинка оформлена долевыми сколами.

Не исключено, что как отжимники использовались отдельные из упомянутых выше отщепов со следами износа на гранях.

Скребки. При сравнении кремневого инвентаря Константиновского поселения с материалом других памятников степного энеолита прослеживается удивительная близость его с изделиями из Михайловского поселения (8). Особенно это относится к скребкам, количество которых на поселении исчисляется сотнями. Для их классификации с некоторыми изменениями могут быть применены четыре типа скребков, выделенные исследователями Михайловки:

а/ скребки на округлых отщепах; б/ скребки на удлиненных отщепах; в/ скребки на высоких отщепах; г/ скребки на пластинчатых отщепах (вместо скребков на миниатюрных отщепах в Михайловке). Так же, как и в материале Михайловского поселения, выделенные типы объединяются между собой переходными формами (рис. 26, 24 — 25).

а/ Скребки этого типа многочисленны (более 200 экз.). Большинство из них оформлено по всему краю округлого и уплощенного отщепа грубой крутой ретушью. Средний диаметр таких скребков 3,5 — 5 см. У некоторых изделий плоская ретушь от краев распространяется на всю спинку. Как и в Михайловке, большинство экземпляров этого типа грубы, частично покрыты известковой корой, имеют неровные рабочие края.

б/ Этот тип самый многочисленный в составе находок (498 экз.). Он представлен несколькими вариантами: скребками удлинненно-овальной, подтреугольной и каплевидной формы. Рабочий край таких изделий обычно расположен в расширенной и утолщенной части отщепа, противолежащей зауженному тонкому концу, где первоначально располагалась ударная площадка. Лезвие могло быть овальным или прямым, но в любом случае оно оформлялось крутой ретушью. Как и в Михайловке, над рабочим краем некоторых скребков, перпендикулярно его плоскости, оставлялся небольшой шип для резанья. Среди этой группы также наблюдаются случаи сплошного покрытия плоской ретушью всей спинки изделия. Отдельные орудия имеют характерную плоскую подтеску брюшка, превращающую один из краев в режущий. Последние настолько специфичны, что при более детальной классификации могут быть выделены в самостоятельный тип. Часть скребков этого типа использовалась с рукоятями и служила длительное время, о чем свидетельствуют следы подправок.

в/ Скребки на высоких отщепах немногочисленны (83 экз.). Они имеют очень крутую ретушь и неправильную округлую форму. Прямое брюшко некоторых из них также имеет подтеску, заостряющую рабочий край. Отдельные экземпляры этого типа сильно сработаны.

г/ Тип представлен несколькими экземплярами. Это овальные и прямые скребки на концах неправильно ограниченных пластинчатых отщепов. Наиболее выразительный из них изготовлен из кварцита и имеет ретушь на боковых гранях.

Помимо перечисленных типов, на поселении найдено несколько сот бесформенных отщепов с четкой обработкой одного из краев скребушей ретушью. Иногда это выемчатые или угловые рабочие края, иногда—овальные или зауженные клювовидные. Изношенность краев у некоторых из них свидетельствует о многократном использовании.

Режущие орудия. В эту группу входят ножи-скребки, ножи и вкладыши. Первые представлены орудиями оваль-

но-удлиненной, каплевидной и асимметричной форм (рис. 27, 1 — 7, 9 — 10). Вся их поверхность обработана плоской многофасеточной ретушью. Четко различаются плоское «брюшко» и выпуклая «спинка» изделий. Рабочее лезвие достаточно острое и массивное для выполнения скребущих и режущих работ. Количество таких находок — 24 экземпляра. В некоторых случаях дополнительная обработка острого конца превращает изделие в комбинированное орудие с функциями не только ножа-скребка, но и проколки.

Ножи на Константиновском поселении многочисленны и разнообразны. Из общего количества (122 экземпляра) можно выделить три типа: сегментовидные ножи, листовидные ножи и «бритвы». К первым относятся изделия на широких пластинчатых отщепах, оформленные плоской ретушью с подтеской по рабочему краю. Некоторые из них имеют только одно дугообразное лезвие, большинство же двулезвийны. Лезвия в виде выпуклых дуг асимметричны, одно изогнуто заметно круче другого (рис. 27, 1 — 2).

Листовидные ножи изготовлены на тонких и широких пластинчатых отщепах. Они имеют тщательно отретушированные симметричные и дугообразные лезвия. Типологически такие изделия близки к рассматриваемым ниже листовидным наконечникам копий, но отличаются от них большей шириной и намеренно притупленными остриями.

К режущим орудиям можно отнести также овальные изделия с выпуклыми длинными лезвиями, обработанными плоской ретушью и имеющими заполированную поверхность краев.

Нижний конец таких орудий оканчивается характерным выступом — рукоятью. Хотя вопрос о функциональной роли этих предметов остается открытым, морфологические особенности позволяют условно классифицировать их как «бритвы».

Константиновское поселение — первый степной памятник эпохи раннего металла, где встречена группа **вкладышей**. Их можно разделить на три типа: трапцевидные, вытянутые треугольные и овальные. Последние значительно варьируют по величине и форме от округлых до вытянутых. Всю группу объединяют характерные следы заполированности и пильчатость рабочего края. Первые два типа геометрических форм, по-видимому, употреблялись в качестве вкладышей серпа; трапцевидные — как средние, а треугольные — концевые. Употребление овальных орудий проблематично. Некоторые из них также могли быть деталями серпа, другие — вытянутой и округлой форм — возможно служили вкладышами в орудиях

другого назначения. Впрочем, для уверенной характеристики этой группы изделий в дальнейшем необходим трассологический анализ.

В особую категорию выделяются массивные режущие орудия различной формы, имеющие характерную для вкладышей ретушь и полировку на боковых гранях. Условно они могут быть классифицированы как «жатвенные ножи» или «пилы».

Значительную по количеству группу составляют **топоры, тесла и долотовидные орудия**. Топоры и тесла (рис. 30) имеют характерную клиновидную форму, линзовидное сечение и зауженный обух. На поселении найдено 18 топоров (целыми и в обломках) и 8 тесел, последние отличаются асимметричностью профиля рабочего лезвия и менее строгими пропорциями. Среди топоров многие экземпляры имеют следы сильной изношенности, выраженной заполированностью обушной части и выкрошившимся от многократных подправок лезвием. Один топорик резко отличается от остальных коротким, но широким и плоским туловом, а главное — иной работой. Он подшлифован поверх начальных сколов, а лезвие тщательно заполировано. Самый крупный экземпляр сделан из кварцита. Часть миниатюрных топориков имела овальное лезвие и возможно служила не орудием труда, а оружием.

Долота найдены в количестве 16 штук, все изготовлены на массивных отщепах, имеют округлое рабочее лезвие, оформленное двусторонней ретушью, и расширенную тыльную часть со следами забитости и характерными выступами для упора. Кремневые сверла и проколки, используемые на поселении, не имели выработанной определенной формы. Чаще всего крутой перпендикулярной ретушью оформлялась острая закраина подходящего отщепа. Из 72 экземпляров только 16 имеют более или менее приспособленную рукоять и аккуратную противслежащую ретушь. Заполированность всех образцов и частые находки на поселении предметов с конусными отверстиями (керамика, сланцевые плитки) свидетельствуют о большом распространении сверления.

Интересна серия сверл, напоминающих формой наконечники или ножи. Вся их поверхность обработана тщательной ретушью, а одно или оба острия сглажены долгим употреблением. Два таких экземпляра изготовлены не на отщепах, а на миниатюрных пластинах. В пяти случаях зафиксировано вторичное использование одного из типов наконечников стрел в качестве сверл (рис. 26).

Охотничье или боевое оружие представлено наконечниками

стрел, копий, дротиков (рис. 26, 28).

Наконечники стрел (696 экземпляров) — самая многочисленная группа из всех предметов вооружения — четко подразделяются три основных типа. Первый, наиболее многочисленный, тип представлен характерными асимметричными наконечниками с боковым выступом — шипом и слабой выемкой на зауженном основании. Все они обработаны плоской ретушью с тщательной отделкой краев. Внутри типа можно выделить варианты стрел удлинённых и укороченных пропорций (рис. 26).

Местное производство таких «флажковидных» наконечников доказывается сырьем, обилием незавершенных и бракованных экземпляров, а также параллелями в формах наконечников копий и дротиков (рис. 29, 8). Именно этот тип наконечников был вторично использован для сверл.

Второй тип (с обломками более 50 экземпляров) — выемчатые наконечники (рис. 26). Их можно разделить на два подтипа. Первый — «сердцевидный» с выпуклыми боками, симметричными, слегка загнутыми внутрь основания усиками и округлой выемкой. Наконечники этого подтипа изготовлены довольно грубо, из местного матового серого кремня.

Второй, «подтреугольный», подтип объединяет изящные, обработанные струйчатой ретушью наконечники с тонкими расходящимися усиками, длинным треугольным жалом и подтреугольной выемкой. Эти наконечники изготовлены на тонких пластинчатых отщепах полупрозрачного халцедонового кремня. Их технология настолько отличается от выделки большинства кремневых орудий, что можно предполагать принадлежность подобных наконечников к иной этнической среде. Возможно, их появление в материале поселения связано с гибелью памятника или пребыванием в непосредственной близости племен с иными традициями.

Третий тип, черешковый, представлен несколькими изделиями с более или менее подчеркнутыми выступами-шипами и черешком.

Помимо перечисленных типов, на поселении встречены по 1 — 2 экземпляра изделий, морфологически близких наконечникам стрел, но возможно имеющих в действительности другие функции. Таковы овальные и подромбические орудия с острым колющим жалом, иволистой формы, наконечник с прямым основанием и т. д.

Наконечники копий. Этот вид оружия на Константиновском

поселении представлен 46 экземплярами и может быть подразделен на три типа, связанных между собой переходными формами. Первый тип — ромбические наконечники (их найдено 16 штук) разнятся между собой по длине. Она колеблется от 6 до 11,5 см. Все имеют хорошо выраженное копьевидное жало и слегка укороченную нижнюю часть, иногда с притупленным упором. Обработаны плоскими грубыми сколами с подправкой по краям мелкой ретушью. Часть этих изделий можно рассматривать как потенциальные кинжалы.

Второй тип (98 наконечников) характеризует удлиненная листовидная форма с овальным закруглением у основания. Эти орудия обработаны более мелкой и тщательной ретушью, чем изделия первого типа, но также разнятся по величине от малых легких до массивных длинных.

К третьему типу относятся асимметричные наконечники с боковым выступом. По форме они близки к рассмотренным выше наконечникам стрел первого типа, он отличается от них отсутствием выемчатого основания и размерами.

На поселении также найдено несколько листовидных и асимметричных форм, по размерам занимающих промежуточное положение между наконечниками копий и стрел. По традиции их можно считать наконечниками метательных дротиков, хотя окончательной уверенности в их функциональном назначении мы не имеем.

По сравнению с кремневыми орудиями число изделий из камня на поселении невелико. Для поделок использовались преимущественно две породы местного происхождения — сланец и мелкозернистый песчаник. Помимо многочисленных отшлифовок и обитых, но не имеющих определенной формы экземпляров, которые могли использоваться в качестве курантов, метательных камней и т. п., мы имеем ряд орудий, которые можно классифицировать. Однако, в большинстве случаев здесь речь может идти не только и не столько о типологическом анализе, сколько об определении функций предмета по имеющимся признакам.

Все встреченные изделия из камня можно подразделить на орудия труда, абразивные инструменты, оружие, культовые изделия и украшения. Среди орудий труда больше всего сланцевых шлифованных клиновидных топоров (рис. 31, 10 — 12). Судя по характеру заточки лезвий, некоторые из них, сделанные из песчаника, применялись как тесла. Особняком стоит орудие, выточенное из сланца в виде продолговатого плоского клина с параллельными боковыми гранями. Длина орудия

15,5 см, ширина—3,8 см, средняя толщина 1,3 см (рис. 31,1). Овальное лезвие орудия сильно уплощено, но не заточено. Местами на нем заметны выщербины. Предмет мог использоваться как ложило или орудие для рыхления земли. Интересны сланцевые желобчатые долота (рис. 31, 3, 5 — 6). Широко распространенные, начиная с неолита, в лесной зоне и на Кавказе, они редки в степных районах.

К числу орудий труда можно отнести конические песты и овальные терочные камни, изготовленные из песчаника. Рабочая часть их обычно не только сточена, но и имеет оспины от выбоин, свидетельствующие о том, что иногда ими дробили достаточно твердый материал (рис. 35,5).

Встречены также растиральные плиты, некоторые с четкими очертаниями рабочего углубления. Эта особенность, а также их малая толщина (2 — 3 см) отличают изделия от зернотерок, известных на других памятниках эпохи ранней бронзы и энеолита.

В культурном слое поселения найдены также небольшие овальные гальки с поверхностью, залощенной до зеркального блеска. В одном случае конец такой гальки имеет характерную сработанность, свидетельствующую о ее использовании в качестве миниатюрного пестика.

К предметам вооружения или культа можно отнести обломки боевых топоров, изготовленных из твердых кристаллических пород. Первый представляет лезвийную часть с овальным рабочим концом. Насколько можно предполагать по обломку, топор был слегка вислобушным, прекрасно отполирован и, вероятно, имел сверлину. Материал — диабазовый порфирит. О том, что техника цилиндрического сверления была известна поселенцам, свидетельствует обломок булавы или второго топора с частью хорошо выраженной трубчатой сверлины.

Особенно важны для хронологической и культурной интерпретации памятника находки обломков престижных предметов, базальтового скипетра и булавы из молочно-белого кварца (рис. 33, 9 — 10). Обушковая часть скипетра из темного серого минерала изготовлена способом точечного пикетажа. Сохранились следы характерного для таких изделий выступа, частично оббитого в древности. К сожалению, основная часть также отбита. В отличие от обушка, она была заполирована и украшена пояском из ряда продольных оси изделия каннелюр. Обломок принадлежит скипетру схематичного типа.

Часть булавы прекрасной полировки позволяет полностью представить первоначальное изделие — уплощенную булаву с четырьмя симметричными округлыми выступами.

На поселении найдены многочисленные абразивные инструменты: обломки шлифовальных плит, куски сланца и гальки с четкими следами использования для заточки и калибровки костяных или даже (судя по царапинам) металлических изделий. Очень интересную серию составляют различные по форме сланцевые и песчаниковые изделия с протертой и прошлифованной на одном из боков поперечной ложбинкой, обрамленной перпендикулярными врезными линиями. Это так называемые «утюжки» или «човники», широко известные в памятниках неолита — энеолита на обширной территории евразийской лесостепи. Однако, найденные на Константиновском поселении изделия существенно отличаются от известных образцов. Прежде всего, они схематичны; наряду с несколькими аккуратными экземплярами, много орудий на случайных обломках камня, многие не имеют орнамента. Кроме каменных, есть несколько керамических изделий (специальной формовки или на обломках сосудов), что не позволяет считать весь класс предметов простыми абразивами (мягкая керамика непригодна для этой цели). Один образец «утюжка» найден в синхронном погребении, расположенного рядом курганного могильника (рис. 34, 3).

Последнюю группу предметов, сделанных из камня, — украшения — представляют плоские и выпуклые подвески-амулеты. Большинство их изготовлено из сланца (рис. 33, 3—6). Сверление отверстий на таких изделиях производилось кремневым инструментом. На обломке одной из подвесок прослежен зубчатый край, позволяющий предполагать ее использование в качестве шпателя при обработке керамики. Еще один экземпляр тщательно изготовленной сланцевой подвески имеет, по-видимому, антропоморфный характер. Его края оформлены овальными выступами, а на одной из плоскостей нанесен прочерченный орнамент — ряд параллельных линий (рис. 33, 5).

Как украшения можно рассматривать и каменные бусины и кристалл горного хрусталя, обнаруженный в культурном слое, на одном из участков поселения (рис. 33, 2).

Изделия из кости и металла. Песчаный грунт и малая глубина залегания культурного слоя не способствовали сохранности костей на поселении. Фаунистические остатки сохра-

нились только в зольниках, в заполнении хозяйственных ям, или, частично обугленными, непосредственно в кострищах. Это относится и к изделиям из кости и рога. Несмотря на большую исследованную площадь, можно насчитать не более двух десятков костяных изделий. В подавляющем большинстве это проколки различных размеров, массивное желобчатое орудие из крупной трубчатой кости и полированный крюк копьеметалки (рис. 32, 8).

Изделия из рога также немногочисленны, но более разнообразны: кочедыки и остря, муфты и мотыгообразные орудия из рога благородного оленя, многозубые гарпуны, резные бусины и зубчатые штампы-шпатели для обработки керамики, последние часто изготовлены на краевых пластинах черепашьих панцирей.

Здесь же необходимо сказать и об остеологическом материале памятника. Как указывалось выше, сохранность костей на поселении очень плохая. Большинство собранных фрагментов уцелели только благодаря тому, что в свое время получили обжиг, предохранивший их от распада. Это накладывает определенный отпечаток на выводы, т. к. материалы представлены не обычной выборкой костей, а выборкой костей, попадавших в костры на поселении. Всего исследовано немногим более 2000 фрагментов, более трети их оказались недиагностичными. Исследование костей проводилось В. И. Бибиковой (Киев). Ниже приводится сводная таблица данных,¹ на анализе которых мы остановимся позднее.

Большой интерес представляют встреченные на поселении следы металлургического производства. Особенно много таких находок было сделано в наиболее насыщенной южной части памятника. На одном из квадратов была расчищена компактная кучка камней (величиной с кулак) со следами сильного обжига. Между камнями найдено несколько обломков массивной плавильной чашки. Вблизи были найдены два королька меди и фрагменты керамики с ошлакованной внутренней поверхностью и налипшими каплями металла. В двух метрах западнее, на соседнем квадрате, обнаружен сработанный трехгранный расковочный молот из твердой кристаллической породы и обломки массивной ошлакованной льячки (рис. 35, 3 — 4).

В юго-западном углу поселения сделана находка глиняной фрагментированной литейной формы открытого типа.

¹ Приношу глубокую благодарность В. И. Бибиковой за проделанную работу.

Судя по ней, а также по цилиндрической глиняной вставке, на поселении изготавливали оригинальные втульчатые вислобушные топоры (рис. 35, 1).

Найдены и готовые изделия из металла. Преимущественно это небольшие четырехгранные шилья обычного типа (с утолщением в нижней трети изделия). Исключением являются большое шило-штык (18,3 см. длиной) и массивный четырехгранный пробойник (рис. 35, 6). Часть медных находок была подвергнута спектральным исследованиям в лаборатории ИА АН СССР, давшим интересные результаты, приведенные ниже¹.

Вид животного	К-во костей	Число особей
Крупный рогатый скот	64	8
Мелкий рогатый скот	150	17
Лошадь домашняя ²	58	6
Свинья домашняя	19	4
Собака	60	7
Олень благородный	186	12
Осел дикий	14	3
Кабан дикий	20	7
Волк	8	3
Лисица	7	3
Выдра	1	1
Бобр речной	6	3
Заяц	5	3
Барсук	2	1
Рыбы пресноводные (сом, линь, щука)	44	8
Черепаша	38	7
Волк и собака	64	—
Свинья домашняя и дикая	55	—
Крупные копытные	215	—
Мелкие копытные	175	—
Трубчатые кости животных	260	—
Недиагностичные	600	—
В С Е Г О:	2106	—

¹ Приношу глубокую благодарность Е. Н. Черных за помощь в обработке этого материала.

² По определению В. И. Бибиковой, кости лошади относятся к мелкому виду, принадлежность которого к домашней породе предположительна.

**РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА МЕДНЫХ
ПРЕДМЕТОВ(1—3, 5—8 — КОНСТАНТИЙВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ, 4—МОГИЛЬНИК)**

№ п.п.	Шифр	Си											Примечания		
1.	6880	Осн.	—	0.001	—	—	0.03	—	—	0.35	0.001	—	0.015	—	Коро- лек.
2.	6881	Осн	—	0.001	—	0.0007	0.05	0.003	0.9	0.008	0.006	—	—	0.001	Шило.
3.	12460	Осн.	—	0.03	—	—	0.06	0.0025	0.012	0.05	0.06	—	0.01	—	Про- бойник
4.	12461	Осн.	—	0.015	—	0.0007	0.07	0.005	1,2	0.008	0.5	0.001	0.01	0.001	Долото.
5.	20519	Осн.	0.002	0.003	—	—	0.04	0.003	0.75	0.2	0.1	—	0.01	0.001	Шило
6.	20520	Осн	0.0001	0.003	—	—	0.03	—	—	0.35	0.006	—	0.015	—	Шило
7.	20521	Осн	0.0008	0.003	—	—	0.01	—	—	0.3	0.006	—	0.02	—	Слиток.
8.	20522	Осн.	—	0.003	—	—	0.01	0.003	0.55	—	0.003	—	—	0.001	Шило.

Обнаружена и одна серебряная подвеска, которая состоит из двух незамкнутых колец разного диаметра, вложенных одно в одно. Кольца изготовлены из плоской, прямоугольной в сечении проволоки (рис. 35, 13).

Подведем краткий итог найденному материалу. Для его характеристики важно, что за годы, прошедшие после завершения работ на поселении, на Нижнем Дону обнаружены новые местонахождения этого типа, наиболее значительным из которых является вышеописанный многослойный памятник — Раздорское-1, расположенный в 60 км ниже Константиновки. Интересующий нас материал здесь, во-первых, распадается на два последовательных слоя, из которых более ранний перекрывает новоданиловский горизонт, но не наследует ему (5), а демонстрирует в зародыше все то, что характеризует константиновский стиль (морфологию и декор керамики, асимметрию наконечников, южные импорты), во-вторых, вышележащий горизонт полностью эквивалентен Константиновке и четко перекрыт характерным репинским слоем ранней бронзы (6). Раскопаны и курганные могильники с погребениями константиновского типа. Кроме донских раскопок отдельные памятники описанного облика найдены в степях Поднепровья и на Северном Кавказе. Все это позволяет считать, что перед нами не просто случайный археологический объект, а своеобразный эталон нового малоисследованного, но широкого явления, скорее всего, особой археологической культуры (7).

Выше отмечено планиметрическое сходство Константиновки и Дереевки на Днестре. Видимо, это памятники близки по времени и действительно обнаруживают общее во многих признаках, что позволило когда-то Д. Я. Телегину включить Константиновку в сферу позднего этапа среднестоговской культуры (4).

Самым ярким компонентом константиновского материала является дифференцированная богатая керамика. Она различается не только вариациями орнаментов и форм, но и технологией. В свое время в литературе высказывалось во многом умозрительное предположение о соответствии технологии керамического производства тому или иному роду занятий населения: охоте, рыболовству, земледелию, скотоводству. Не принимая безоговорочно такое отождествление, необходимо отметить, что на ранних памятниках с преобладанием присваивающих форм хозяйства и на стоянках, представленных населением с кочевыми традициями, мы имеем,

как правило, одну группу керамики. Для оседлого населения с развитым производящим хозяйством, напротив, деление посуды на группы естественно. Крупные грубоватые сосуды относительно простых форм — необходимая для земледельца тара, средние и малые изделия более тщательной выделки были столовой, ритуальной, парадной и т. д. посудой. Эта разница определяла и различие приемов изготовления.

Большие сосуды нуждались в армировании глиняного теста длиноволокнистой растительной или крупноструктурной минеральной (ракушка, шамот) примесями. Применение песка утяжеляло изделие, делало его при больших габаритах более хрупким. Для мелких и средних форм, напротив, крупная примесь не годилась, она давала пористый, рябой черепок, была слишком грубой, а песок позволял получать плотные тонкостенные сосуды сложных форм. Разумеется, перемены в технологии шли постепенно, в рамках старых представлений и традиций, поэтому границы между такими группами керамики не были четкими.

Первая группа константиновской керамики, подгруппы А и Б, а также вторая группа являются именно таким сочетанием. Осторожность, слабопрофилированные формы и некоторые детали орнамента действительно можно сопоставить с поздним этапом среднестоговской культуры (4). Однако, наряду со сходством имеются и значительные различия, так в керамике Деревки не характерна растительная примесь и косой срез венчика, зато большая заостренность днищ, иные композиции и способы нанесения орнаментов. Своеобразие константиновской керамики в специфике форм (зауженность горла, все виды днищ, ручки, налепы) в пышной шнуровой орнаментации с характерным набором мотивов. Для хронологии памятника показательно почти полное отсутствие на поселении «репинских» черт посуды: жемчужного орнамента и воротничковых венчиков.

Присутствие третьей группы — уникальное явление для памятников степи эпохи позднего энеолита. Правда, на поселениях Поднепровья отмечались находки керамики, резко отличающейся от основной массы (8). Но это находки были всегда единичными и справедливо рассматривались как импорт из более развитых центров. На Константиновском поселении мы встречаемся с иными фактами. С одной стороны, керамика III группы чужеродна, ее высокое качество, морфология и технология несут традиции далеких южных культур. С другой — ее основная масса бесспорно изготовле-

на на месте, потому, что среди материала встречено несколько фрагментов бракованной посуды.

Близкое к Константиновке содержание высококачественной керамики многократно зафиксировано на поселениях позднего энеолита в лесостепной Украине: Городск — 10%, Трояны — 10%, Константиновка — 8,2% (9). Там эта примесь рассматривается как наследие трипольской культуры. В нашем случае она имеет близкое сходство с посудой из погребений Прикубанья (10), селищ Центрального и Северо-Восточного Кавказа (11, 12).

При этом следует отметить, что в раннем слое константиновского облика на Раздорском поселении, наряду с обычной керамикой III группы, встречены морфологически близкие формы с тонкими стенками и черным лощением поверхности. Аналогичная ситуация отражена и в синхронных керамических комплексах в Прикубанье.

С южными районами связаны происхождением и очажные подставки. Широко распространенные на Кавказе, они отличаются разнообразием форм, но в степном Причерноморье встречаются впервые. Константиновские экземпляры имеют конструктивные особенности (боковые выступы-рога, рис. 23, 6—8) и орнамент в некоторых случаях, что сближает их с находками в районе г. Моздок (14), на Галюгаевском поселении (21).

Найденные на поселении фрагменты толстых глиняных плит с выпуклой закраиной тоже могут быть сопоставлены с обломками «крышек» на Долинском поселении (12), глиняными «жаровнями» Лугового и Шенгавитского поселений (13) или «столом», исследованном Б. А. Куфтиным на памятнике у селения Озни (15). В степном энеолите прямые аналоги не известны, если не считать загадочные обломки из плохобожженной глины на поселениях позднего Триполья.

Южные параллели, отмеченные в своеобразной константиновской керамике, можно проследить и на других видах материала. Так, в производстве кремневых изделий не характерна техника пластин, распространенная в памятниках среднестоговской культуры. В степи близкий к константиновскому кремнь встречен на Михайловском поселении, но нижний слой этого памятника большинство исследователей в той или иной степени тоже связывают с Кавказом (8). Тяготеют к югу встреченные на Константиновском поселении единичные находки вкладышей и особенно асимметричные нако-

нечники стрел. Впрочем, находки последних больше характеризуют хронологию, чем географическую связь.

Приведенные параллели не следует гипертрофировать, однако, нельзя не признать, что и здесь мы сталкиваемся со смешанием черт и традиций, часть которых имеет южные корни.

Обилие каменных и кремневых топоров в Константиновке можно сопоставить с аналогичным явлением на поселениях типа Городск (9), но металлопроизводство, используемое им сырье, вновь напоминают о Кавказе.

Своеобразие фауны Константиновского поселения заключается, прежде всего, в высоком (40%) проценте костей диких животных, не характерном ни для памятников среднепалеолитической культуры (Деревка — 17%, Средний Стог — 3,8% (4), ни для поселений Прикубанья (Мешоко — 7%) (18), ни для костей нижнего слоя Михайловки (около 13%) (8). Второй особенностью является преобладание мелкого рогатого скота над другими видами домашних животных (около 42%). Это также отличает Константиновку от среднепалеолитических памятников, где резко доминирует лошадь (68%) и южных поселений, там больше костей свиньи и крупного рогатого скота (в Мешоко соответственно 50% и 36%). Зато близкий состав стада в нижнем слое Михайловского поселения, где мелкий рогатый скот составляет около 69%. До некоторой степени сопоставима фауна Константиновки и с костями поселений усадовского и городского типа, обнаруживая общность с ними в высоком проценте костей мелкого рогатого скота (Усадово) и других животных (Городск) (19).

Реконструируя хозяйство обитателей Константиновского поселения, следует отметить большую роль скотоводства (на базе разведения мелкого рогатого скота), что недавно было подтверждено проведенными на памятнике палеоэкологическими исследованиями (20). При этом велико значение охоты и рыболовства, а находки вкладышей, роговых наконечников мотыг, высокоразвитая керамика и пыльца злаковых в слое — свидетельство земледельческих навыков.

Высокое развитие производства, помимо отмеченных фактов, связанных с керамикой, металлургией и изготовлением оружия и орудий из камня, документируется и разнообразием кремневых инструментов для обработки дерева: топоров, тесел, долот, стамесок, стругов, сверл и т. д. Особенно наглядны в этом отношении сланцевые желобчатые долота. Су-

дя по костям диких животных (олени, кабана, выдры, бобра, барсука) и пылице, поселок был близок к лесу, и дерево, вероятно было основой при строительстве жилищ и изготовлении утвари. Несколько сохранившихся предметов из кости и рога говорят о развитии и этого направления в ремесле, а о широком использовании кож и шкур можно судить по массе сработанных до основы скребков и камням-гладилкам.

Подводя итог, можно высказать следующие положения:

1. Своеобразный материал поселения сопоставим по ряду признаков со степными памятниками и одновременно с южными, кавказскими материалами позднего энеолита — ранней бронзы. Аналогичный «сплав» демонстрируют нерассмотренные здесь материалы из синхронных поселению погребений в расположенных рядом курганных могильниках.

2. Часть степных проявлений можно сравнить с признаками позднего этапа развития среднестоговских племен (4), но, судя по раннему слою константиновского типа на Раздорском поселении (где таких признаков намного меньше, чем в Константиновке), этот компонент вторичен по отношению ко всему комплексу.

3. Южные влияния связаны с территорией Северо-Восточного и Центрального Кавказа (пачкающая керамика, подставки) и в несколько меньшей степени с Прикубаньем.

4. Синкретизм материала Константиновского поселения не механическая смесь разнородных признаков, а свидетельство местного развития в условиях постоянного контакта с указанными районами.

5. На этой основе поселение и синхронные ему близлежащие памятники могут быть представлены как самостоятельная константиновская культура, сложившаяся в первой половине III тысячелетия до н. э. в процессе активного заселения Северного Причерноморья.

6. Культуру, в которой сплелись влияния Запада и Юга, смешалось традиционное и новое, можно сравнивать с аналогичными проявлениями на Украине (Михайловское, Усатово, Городск), но такое сопоставление подразумевает лишь конвергентность явлений, а не генетическую их связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кияшко В. Я. Новое энеолитическое поселение на Нижнем Дону // АО 1967 года. М., 1968.
2. Горецкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в нижнем Подонье // СА, 1952. Т. XVI.
3. Збенович В. Г. Поселение Бернашевка на Днестре. Киев, 1980 г.
4. Телегин Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
5. Телегин Д. Я. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Подонье и степном Левобережье Украины // Археология Украинской ССР, т. 1. Киев, 1985.
6. Кияшко В. Я. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА, 1987 г. Вып. 192.
7. Кияшко В. Я. Константиновское поселение и памятники степного энеолита // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980 г.
8. Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л., Михайлівське поселення. Київ, 1962.
9. Шмаглій М. М. Кераміка поселень городського типу // Археологія. 1961. Т. XIII.
10. Резепкин А. Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам погребальных памятников новосвободненского типа) // Автореферат диссертации на соискание учен. степени канд. ист. наук. Л., 1989 г.
11. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
12. Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение у г. Нальчика // МИА 1941. № 3.
13. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. // МИА 1961, № 100.
14. Миллер М. А. Краткий отчет о работах Моздокской экспедиции ГАИМК в 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934 — 1936 гг. Л., 1941.
15. Куфтин Б. А. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948.
16. Кричевский Е. Ю. О процессе исчезновения трипольской культуры // 1941. МИА. № 2.
17. Бібікова В., Шевченко А.; Фауна Михайлівського поселення // Додаток до кн. «Михайлівське поселення». См. № 8 списка, с. 206—246.

18. Дмитриева Е. Л. Фауна энеолитической стоянки Мешоко // Сборник материалов по археологии Адыгеи т. 2. Майкоп. 1961. Близкое соотношение диких и домашних видов (47% и 53%) было зафиксировано на памятнике под Кисловодском. См. Рунич А. П. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА. 1968 г. № 4, с. 137.

19. Патокова Э. Ф. Усатовское поселение и могильники. Киев, 1979.

20. Кременецкий К. В. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов русской равнины. М., 1991 г.

21. Корневский С. Н. Древнее население среднего Терека. М. 1993.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОДОНЬЯ

В 1888 году близ хутора Ярский, что на правом берегу донского притока реки Чир, при прокладке железной дороги Лихая — Царицын на косом срезе пойменной террасы на глубине более 3 м (1,5 сажени) были обнаружены два овальных пятна, четко выделявшиеся красноватой почвой на желтом фоне материкового суглинки. Наблюдавший за работами А. Яковлев приказал раскопать ямы. Было обнаружено восемь костяков (3 в меньшей яме и 5 в большей), лежащих рядом на спинах в вытянутом положении, головами на запад. Кости и земля были густо окрашены красной краской. При погребении найдены вещи: тщательно обработанные кремневые наконечники стрел, небольшие по размеру, в форме равнобедренного треугольника, кремневые ножи на пластинах длиной в 5—7 см и каменная сверленая булава.

Спустя много лет (в 1901 году) А. Яковлев сделал краткое сообщение о находках на заседании предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове. (1).

К сожалению, за прошедшие годы вещи были утеряны, так же, видимо, были утрачены и некоторые подробности. Изложенными данными исчерпываются сведения об этом интересном памятнике.

Состояние археологических источников в начале века не позволило сопоставить Ярский могильник с другими памятниками и тем более сделать выводы о его датировке и культурной принадлежности. В 1930 году в Приазовье был исследован Мариупольский могильник с тождественными захоронениями и большим количеством инвентаря. (2).

Изучение этого памятника дало возможность в середине 50-х годов сделать вывод о принадлежности плоских могильников степному населению конца неолитической эпохи и о возможной синхронности наиболее поздних из них ранним звеньям древнеямных погребений. (3).

Для Нижнего Дона рассматриваемые погребения пока являются едва ли не наиболее ранними из известных памятников такого рода. Они занимают лауну между возможными и безусловно существующими, но пока не найденными погребениями каменного века (вполне возможно, что отдель-

ные из них были раскопаны, но не идентифицированы с периодами мезолита или раннего неолита из-за невыразительности обряда и инвентаря) с одной стороны и безбрежным количеством и разнообразием курганных погребений эпохи раннего металла — с другой.

Видимо, процесс перехода от коллективных могильников позднего неолита и раннего энеолита (типа Мариупольского и Ярского) к первым курганным захоронениям был значительно растянут во времени, а индивидуальные и групповые гробницы были закономерным этапом такого перехода. Можно допустить также вероятность одновременного существования в течение какого-то времени грунтовых погребений и первых маленьких курганов. Именно поэтому мы отмечаем и широкий обрядовый диапазон погребальных памятников, как бескурганного типа, так и самых ранних могил в насыпях, и достаточно длительное существование архаичных деталей ритуала (вытянутость, особенности конструкции могилы и т. д.) у отдельных групп поселения в глубине курганной традиции. Необходимо, прежде чем давать окончательные суждения об этом интересном переходе, привести некоторые примеры.

26 августа 1990 г. хозяин одного из домов поселка Каратаево, западного пригорода г. Ростова, роя бытовую яму, натолкнулся на плотную кладку из крупных глыб известняка. Некоторые камни лежали плашмя, а другие, торцом, подпирая прямоугольную плиту размером 0,7х0,6 м. На глубине 0,75 м показались кости. Скорченный скелет лежал на спине с наклоном на левый бок. Влево были повернуты и стоящие коленями вверх кости ног, а кости рук простерты вдоль туловища. Между костью правой руки и бедром найден кремневый нож на массивной пластине с тщательной ретушью по всей поверхности выпуклой спинки. На глубине 1,1 м под первым скелетом показались густо окрашенные охрой кости второго. Вперемежку с костями и охрой лежали круглые бусины, которых было собрано «полведра». Испуганный хозяин на две недели прекратил работы и лишь в сентябре место было обследовано сотрудниками Ростовского музея и университета. У разрытой ямы лежали груды камней и плита, обломки костей и несколько бусин. Квадратная яма 1х1 м была так плотно вписана в весь хозяйственный комплекс (дом, сарай, курятник и др.), что даже малейшее ее расширение исключалось. В то же время, торчащие из стенок ямы камни и кости свидетельствовали о том, что затронута лишь часть

памятника. По рассказу хозяина была реконструирована поза и северо-восточная ориентировка верхнего скелета, кости которого не были окрашены (Рис. 36, I). На этом уровне в остатках камней были собраны костяные бусы различной формы (Рис. 36, 5—15). Расчищенный нижний ярус и сделанный максимально возможный в сложной ситуации подбой в юго-западном направлении выявил остатки по меньшей мере еще четырех погребенных, лежащих вытянуто, головами на ССЗ (Рис. 36). На глубине 0,85 м найдены кости бедра и голени скелета, видимо разрушенного впуском каменной конструкции. На глубине 1,15 м две лежащие параллельно бедренные кости подростка (нижняя часть костей ног видимо уничтожена при рытье ямы и подкопа в августе, а верхняя часть скелета осталась недосягаемой). На глубине 1,25 м расчищены остатки костяка с большим количеством бус, расположенных вдоль костей руки в межреберном пространстве. Именно отсюда происходят «полведра» бусин, часть которых была передана археологам, а остальные разошлись по рукам местных детворы. При очистке этого погребения были обнаружены еще 42 круглые костяные бусины со сходящимися под углом сверлинами и более десятка глоточных зубов вырезуба, служившие украшением одежды (Рис. 36). Под костями был мощный (до 6 см) слой охры, перемешанной с грунтом, еще ниже — тонкий слой белесого тлена. Наконец, на глубине 1,3 м в подбое расчищены кости ног еще одного костяка. Его ступни срезаны погребением с бусами, а верхняя часть скелета осталась недосягаемой из-за невозможности продолжить подкоп под строения. (Рис. 36). По свидетельству жителей соседних домов и на их усадьбах в недавнем прошлом, при рытье погребов, встречались человеческие кости и даже был найден каменный топор. Из страха перед возможными раскопками на приусадебных участках о находках не сообщали.

Каратаевский могильник прояснил сразу два вопроса местной археологии. Во-первых, стало ясно, откуда в музейное собрание поступали в конце 60-х годов однотипные беспаспортные вещи. Так в 1968 г. из западного района города был доставлен комплект кремневых и каменных изделий, найденный вместе с обломками человеческих костей в глине и щебне, выгруженных из самосвала. Изделия — ножевидная пластина правильной огранки длиной 16 см, кремневый нож на широкой пластине с крутой односторонней ретушью, кремневый клиновидный топор, обработанный с

двух сторон крупнофасеточным сколом с последующей шлифовкой лезвия и полированный клиновидный топорик из нефритоподобной породы темнозеленого цвета — все были покрыты охрой и налипшим суглинком (Рис. 37, 3). Примерно в это же время безымянный школьник, участвовавший в с/х работах на землях колхоза Ливенцовский (там же, где расположен поселок Каратаево), сдал в музей узкообушный полированный топорик серого сланца (Рис. 37, 5), сообщив, что найдено несколько таких же. К сожалению, информации не придали значения, не взяли и данных о школьнике. Однако, если учесть, что именно в это время шла застройка могильника, можно с большой долей вероятности предполагать принадлежность вещей Каратаевским погребениям. С меньшей уверенностью мы бы отнесли к этому памятнику беспаспортные нож на пластине и кремневый подшлифованный топор из архива покойного зам. директора Ростовского музея краеведения С. М. Маркова (Рис. 15, 1-2). Сохранилось лишь указание, что вещи найдены в Ростове. В фондах Азовского музея краеведения хранится аналогичный нож и клиновидный полированный топорик из сборов бывшего сотрудника В. В. Чалого (Рис. 15, 3-4), который в интересующее нас время (конец 60-х гг.) жил под Ростовом и активно следил за разрушением памятников. Не исключено, что и беспаспортный скипетр из Ростовского музея (Рис. 42, 3) (4) как-то связан с рассматриваемой территорией на западной окраине города.

Вторым следствием открытия памятника у Каратаево можно считать решение вопроса о могильнике Ливенцовского поселения. Описанные погребения находятся на высокой правобережной террасе Дона в 0,8 км западнее раскопок, проведенных С. Н. Братченко.

Из-за грунтового могильника поздней бронзы, курганов и нескольких одиночных энеолитических погребений, расположенных по северо-восточной периферии поселения, считалось, что основной ранний могильник тоже находился в этом направлении. Открытие в поселке Каратаево проясняет ситуацию, но одновременно возникает вопрос о недоисследованности нижних слоев Ливенцовки, потому что Каратаевские погребения с круглыми бусами относятся к более раннему времени, чем материалы из первого слоя поселения.

На Дону есть свидетельства и о других возможных могильниках рассматриваемого времени. Всего в 15 км западнее Каратаево, в хуторе Недвиговка, летом 1978 г. было слу-

чайно вскрыто (доисследовано сотрудником Танаисского музея-заповедника В. В. Чалым) парное погребение. Под закладом из известняковых плит в неглубокой прямоугольной яме лежали вытянуто на спинах головами на север два скелета. В ногах одного из них сохранились следы погребального костра, в пределах которого найдены измельченные кости животных и нож на тонкой пластине коричневатого полупрозрачного кремня. На костях второго найдены два тщательно отполированных клиновидных топорика из плотного привозного минерала и витое в 2,5 оборота бронзовое кольцо из тонкой проволоки (Рис. 37, 1). Под костями прослежены следы охры.

В 1968 г. в Ростовский университет поступило сообщение о том, что в береговом обрыве р. Лихая найдены кости «сидячего» человека и кремневые орудия. Позднее учителем из хутора Лиховский И. Д. Шепелевым в коллекцию университета были переданы кремневые клиновидный топор и подромбический, обработанный по краям пильчатой ретушью наконечник копья (Рис. 37, 2). Остальные вещи утрачены.

В начале 80-х годов жителями совхоза «Южный» Сальского района при рытье погреба были обнаружены на глубине более двух метров два густо окрашенные охрой скорченных скелета с набором вещей. В Сальск были доставлены два клиновидных кремневых топора, обработанных плоским сколом с последующей подшлифовкой, узкообушный полированный каменный топор, точеное каменное кольцо профилированного поперечного сечения и половина кабаньего клыка со следами обработки (Рис. 37, 4).

В 1961 г. несколько грунтовых погребений были случайно обнаружены у хутора Рожок на Азовском побережье. Позднее местонахождение было доисследовано сотрудником Таганрогского музея краеведения Н. Д. Прасловым (5). Здесь на глубине до 1 м в овальных, засыпанных охрой ямах, были расчищены костяки, лежащие на спине, с подкорченными ногами (погребение 2), на левом боку (погребение 1) и в расчлененном состоянии (погребение 3). Ориентировка погребений 1 и 2 на восток, погребения 3 — на север. Из инвентаря найден только каменный курант из зашлифованной гальки (погребение 2).

Хотя последний памятник может относиться к более раннему, чем энеолит времени, в совокупности приведенная сводка вместе с исследованными в прошлом и на сопредельных

территориях аналогичными памятниками (6) позволяет сделать некоторые заключения.

Обнаруженные погребальные комплексы на Нижнем Дону сопоставимы с известными могильниками позднего неолита-энеолита как на запад от Северо-Восточного Приазовья, так и на восток. В последние годы этим памятникам посвящена обширная литература (7—10).

Как и на других территориях, донские погребения этого времени можно свести к двум последовательным группам:

1. Вытянутые бескурганные коллективные захоронения в неглубоких ямах с преобладанием западной и северной ориентировок, использованием охры в обряде и специфическим погребальным инвентарем, в котором отсутствуют керамика и металл, но обильны камень и кость. Эта группа представлена нижними погребениями Каратаевского могильника, она полностью тождественна кругу погребений Мариупольского типа, и встреченные в комплексе круглые костяные бусы со сверлинами по сегменту и зубы вырезуба широко известны в целом ряде могильников Украины (7).

2. Скорченные бескурганные одиночные и групповые (обычно парные) погребения в более глубоких ямах с преобладанием положения на спине или левом боку с ориентировками на ВСВ, большим количеством охры, появлением в могилах следов огня, жертвенной пищи, следами ритуального расчленения умерших и частым использованием в конструкциях могил камня. В достаточно стандартных наборах инвентаря преобладают каменные и кремневые изделия (особенно характерны ножи на крупных пластинах и шлифованные топоры), оружие доминирует над украшениями, но изредка появляются керамика и металл. Особенно хотелось бы подчеркнуть появление в погребениях этой группы зеленокаменных шлифованных топориков с узким обухом и каменных колец (совхоз «Южный»), характерных для ранних памятников Предкавказья.

В предлагаемой градации нет новизны, впервые она предстала еще в 1930 г. в стратиграфии Мариупольского могильника (2), но важно то, что это деление теперь распространено на большую территорию Нижнего Дона, промежуточную между Украиной и Поволжьем, где наблюдается аналогичная ситуация и, главное для Дона, оба погребальных яруса достаточно хорошо связаны со слоями поселений. Благодаря находкам украшений Мариупольского типа во втором слое Раздорского поселения (Рис. 43, 1-2) мы вправе полагать, что

знаем, с одной стороны, как выглядела бы керамика Мариупольских погребений, если бы она там оказалась, с другой — что собой представляют пока не найденные погребения обитателей второго слоя поселения Раздорское. Благодаря хорошей стратиграфии последнего памятника и особенностям находок можно констатировать связь вытянутых погребений и с 3-м слоем Раздор и тем самым подтвердить относительно более позднее время могильников типа Никольского, входящих в единую сферу памятников Мариупольского круга, но отличающихся от эталона как деталями обряда (ямы, скорченность отдельных скелетов) и особенностями инвентаря (металл, воротничковая керамика с накольчатым орнаментом) (7 стр. 51—59). Отмеченное Д. Я. Телегиным продолжительное существование Никольского могильника согласуется со стратиграфией Раздорского поселения, где слои 2 и 3 при определенной преемственности материальной культуры разделены стерильной прослойкой.

Наконец, стратиграфия донских поселений и могильник Ракушечного Яра, исследованный Т. Д. Белановской (11), позволяют с одной стороны связывать с группой ранних скорченных погребений типа верхнего яруса Каратаево, хутор Лиховский и совхоз «Южный», 4 и 5 слои Раздорского, с другой — высказать предположение о том, что идея скорченности возможно предшествовала вытянутым костякам Мариупольского типа и могла соответствовать ранним слоям Ракушечного Яра. Однако, появление каменных гробниц со скорченными костяками было по всем признакам новым явлением, а не возрождением былого, и знаменовало переход к более сложным духовным представлениям, выразившимся вскоре в распространении курганного обряда погребений.

Относительность некоторых терминов археологии общеизвестна, в том числе и таких объемных, как названия периодов (неолит, энеолит, бронзовый век), и их этапов (ранний, средний, поздний). Неизбежный вопрос о границах и критериях такого деления мучил исследователей еще в начале века (12, с. 14). Не вдаваясь в историографию этой проблемы отметим, что вошедшая в практику после работ В. А. Городцова (13) своеобразная триада бронзового века (ямный, катакомбный и срубный периоды) на долгие годы стала основополагающей и сохраняется до наших дней в видоизмененной форме (ранний, средний и поздний бронзовый век), хотя содержание каждого из трех звеньев обновилось. Поскольку классификация В. А. Городцова была проведена на

основе курганных древностей, в сознании последующих исследователей возник стойкий стереотип, связывающий все ранние погребальные комплексы курганов с бронзовым веком и конкретно с ямной культурой. Это со временем привело к включению в ямную культуру разнородных и разновременных элементов к непомерному ее территориальному и хронологическому расширению (14). Предпринятые попытки спасти положение с помощью новых терминов (разделение памятников на древнейшие и просто ямные, введение понятия древнейшая культурно-историческая общность) успеха не принесли, разнообразие материала было слишком явно, а древность отдельных комплексов не вписывалась в рамки бронзового века. Все чаще под курганными насыпями обнаруживали архаичные могилы, которые до поры объяснялись как случайная ситуация — сооружение кургана бронзового века над более древним могильником. Сейчас количество таких «случайностей» настолько возросло, что вполне естественно говорить об энеолитическом возрасте курганной традиции, и исследователи последних лет уверенно выделяют несколько обрядовых групп в среде ранних курганных погребений (15, с. 5-6). И в этом нет новизны. М. Гимбутас давно и последовательно аргументирует свою точку зрения о трех миграционных волнах пастушеского поселения, которые прошли с востока, начиная с середины V тысячелетия до н. э., через доисторическую Европу (16, с. 277—280). Поскольку курганная традиция твердо связывается с пастушеским населением, а последнее — синдо-европейской проблемой, то и дата появления первых курганов, согласно этой теории, отодвигается ко времени Триполья, В I—ВП, или самым ранним звеньям культуры Средний Стог (17).

Сложный вопрос о времени и механизме происхождения курганов в последнее время приобрел неожиданную актуальность (18), поэтому, опираясь на донские материалы, необходимо высказать и свое мнение. Нам импонирует мнение М. Гимбутас о том, что курганная традиция есть коллективное социально-экономическое и идеологическое явление, не связанное с конкретным временем и пространством, а характеризующее экономику и социальную иерархию преимущественно скотоводческого населения (16, с. 279). Однако, как явление конвергентное, курган не может служить индикатором этноса, а его появление лишь свидетельствует (в системе многих связанных явлений) о важной пе-

ремене в идеологии общества. Экспансия населения, равно как и смена языка, этноса при этом могут произойти, а могут и не иметь места — в этом сложность проблемы.

На Дону, где в последнее время раскопаны тысячи погребальных комплексов, ранние курганные захоронения можно объединить в 4 характерные группы, определяющие ситуацию перехода от энеолита к бронзовому веку. Помимо этого есть много вариантов, в свое время выделенных автором в самостоятельные звенья (19), однако именно эти четыре группы можно уверенно связать с слоями изученных поселений.

Первая группа (Рис. 38) представлена преимущественно основными погребениями под начальными небольшими насыпями, иногда облицованными камнем или окруженными крепидой-кромлехом. В отдельных случаях камень присутствует и по краям неглубоких округлых или прямоугольных ям. Погребенные лежат на спине или левом боку в средней степени скорченности и ориентированы на СВ и В. Порошковидная охра в значительных количествах присутствует почти в каждом погребении. Инвентарь скуден и представлен пластинчатым кремнем (ножи с высокой спинкой), бусами из трубчатых костей птиц и мелких животных (в том числе с краевой насечкой), пронизками из створок раковин. Металл крайне редок, обычно это либо короткие, округлого сечения шилья, либо височные кольца из тонкой проволоки.

Общим знаменателем достаточно разнообразной керамики могут служить растрескивание прямого или вздутного горла, остродонность, обилие ракушки в керамическом тесте и прочерченный орнамент в верхней части сосуда с частыми насечками по прямому срезу закраины устья.

Некоторые типобразующие элементы погребального обряда этой группы бытуют видимо долго (поза, ориентировка, охра) и широко, что при частом отсутствии инвентаря ведет к определенной нечеткости, к включению в группу более поздних могил бронзового века.

Вторая группа встречается значительно реже и больше представлена по правому берегу Дона. Это основные и впускные в первые насыпи одиночные и парные захоронения. Вынутые на спинах погребенные ориентированы в северный сектор горизонта и лежат в подпрямоугольных или овальных неглубоких ямах с остатками древесного и камышевого тлена. В отдельных случаях встречены каменные перекрытия и кромлехи. В ритуале значительно реже, по сравнению с первой группой, используется краска, но зато более часты следы

огня. Скупой инвентарь в этих погребениях обычно представлен оригинальной керамикой с коротким раструбным горлом, примесью ракушки или песка в тесте и штампованным орнаментом, занимающим верхнюю половину сосуда, или покрывающим его полностью. Впрочем, встречена посуда и со скудным орнаментом, либо вовсе без него. Привлекают внимание арочные композиции на некоторых сосудах этой группы (Рис. 39, 1—2, 4). Сосуды менее стройных, чем у 1 группы пропорций, с округлым, приостренным либо уплощенным дном. В этих погребениях редки украшения и орудия из кремня, чаще находят лишь аморфные отщепы.

Как и первая, эта группа тоже достаточно растянута во времени. По крайней мере у ряда сосудов из погребений с описанным обрядом отмечается лощение и шнуровой орнамент. Таковы комплексы из Земского кургана (20), из Ливенцовского могильника (21) (Рис. 39, 8).

Третья группа. Погребения в неглубоких продолговатых ямах с посыпкой дна мелом, пятнами охры и следами камышевого тлена. Камень в конструкции могил отсутствует. Погребенный лежит в слабой степени скорченности, на правом боку или спине с ориентировкой в восточный сектор круга горизонта. Погребения отличаются разнообразием инвентаря, среди которого много металлических орудий: ножи с широким черешком, желобчатые долотца с четырехгранным насадом, короткие плоские топоры-тесла, четырехгранные шилья, височные кольца-лунницы, кольца-спирали, наборы круглых колец. Из других украшений можно отметить бисерные пояса, ожерелья из черных и белых бусин, наборы сверленных зубов оленя, из створок раковин, подвесы из полудрагоценных камней: сердолика, гагата. Изредка височные кольца изготовлены из серебра и золота. Из кремневых и каменных находок можно отметить двусторонние обработанные наконечники стрел (в том числе, так называемый флажковидный тип), узкообушные зеленокаменные шлифованные топорики.

Замечательна керамика этих погребений. В большинстве случаев она представлена плоскодонными сосудами красного, серого и черного цветов с хорошо отглаженной пачкающей, или залощенной поверхностями. Тесто не содержит видимых примесей или включает крупницы охры и слюдяные частицы. Сосуды стройных форм с зауженным горлом и подчеркнутым переходом от раструба шейки к тулову не имеют орнамента, кроме редких случаев прочерчивания. Среди керамики встречаются импорты. Таков, например, серолощенный

триединый сосуд из раскопок В. Г. Житникова в Константиновском районе Ростовской области¹ (Рис. 40, 9).

Вместе с описанными сосудами встречена керамика иной традиции. Это кругло и остродонные горшки с примесью ракушки и шамота в тесте и с шнуровым и штампованным орнаментами в верхней трети изделия (рис. 40, 11—13).

Погребения этой группы встречаются комплексно в курганах, стоящих на краях пойменных террас и видимо связаны с находящимися где-либо рядом поселками. В отличие от первых двух эта группа резко очерчена во времени и не контактирует с другими памятниками. Ее погребения почти всегда впущены в насыпи с основными могилами первой, реже второй групп.

Четвертая группа тоже представлена впускными захоронениями и кенотафами в более ранних курганах. Погребальный обряд характеризуют подпрямоугольные ямы с уступами вдоль стен, одиночные и парные захоронения на боку в сравнительно сильной степени скорченности и характерным положением рук — кисти у лица. Преимущественная ориентировка на юг, юго-запад и юго-восток. В могилах мало краски, причем часто ее цвет (яркий, алый) резко отличается от бурых, оранжевых и сиреневых оттенков краски в первых трех группах. Погребения этой группы широко известны под разными названиями в литературе и распространены буквально от Дуная до Волги, включая прикубанские степи. Характерные особенности инвентаря — отсутствие кремня (если есть, то аморфные отщепы), незначительное количество металла, бисерные пояса, цилиндрические пронизи из ископаемых раковин, своеобразные крюки из пластин кабаньего клыка или бронзы, печати-амулеты (Рис. 41, 5—8). Тонкостенную с примесью тертой ракушки и слюдяного песка лощеную керамику легко узнать и отличить от любой другой. Орнамент либо отсутствует, либо ограничен сетчатым и паркетным прочерчиванием и проглаживанием. Среди разнообразных форм можно отметить доминирующую круглодонность, раструбность зауженных горловин, наличие ручек и ушек-налепов (Рис. 41, 1—3, 9—14). Особенно характерны черно- и серолощенные кубки строгих пропорций.

Вполне вероятно, что богатство погребальных ритуалов переходного времени от энеолита к бронзе не исчерпывается

¹. Приношу благодарность автору раскопок за разрешение использовать в работе неопубликованный материал.

названными группами, так встречены оригинальные «сидячие» захоронения в квадратных ямах, подбойные могилы, погребения на горизонте с западной ориентировкой и другие, содержащие оригинальный ранний инвентарь. Однако, малое количество не позволяет выделять их в самостоятельное классификационное звено.

Последующие погребения относятся к ямной культуре, выделенной В. А. Городцовым. Они четко отделены от вышеописанных конструкцией глубоких ям, фиксированными полами и инвентарем развитого бронзового века.

Подведем некоторые итоги. На Нижнем Дону известны памятники мезолита и докерамического неолита: Усть-Быстрый на Северском Донце, Платовский Став близ г. Гуково, Раздорская-II на Дону, комплекс стоянок у г. Матвеев Курган на Миусе (22) и др. Все они, за исключением последних, мало изучены, материалы не опубликованы, однако, даже поверхностное знакомство с накопленными фондами позволяет сделать вывод о солидной подоснове для развития на Дону производящего хозяйства, а некоторые находки (обсидиан, большие серии шлифованных орудий, резная кость, состав фауны) свидетельствуют и об определенных дальних связях, производственных навыках и культурном развитии поселенцев. В какой-то степени (по типам геометрических орудий и сланцевых топоров, по географической близости) можно предполагать даже прямую преемственность между обитателями стоянки Раздорская-II и племенами Ракушечнойярской культуры: слои развитого и позднего неолита с остатками жилищ, богатой коллекцией, керамики и орудий труда, могильники, исследованные на острове Поречный, аналогичные, хотя и более скромные, находки в нижних слоях Самсоновского и Раздорского-I поселений, наконец, непосредственная стратиграфическая преемственность этих слоев культурными напластованиями эпохи раннего энеолита, говорят о стабильности развития жизни в рассматриваемом районе в VIII—V тысячелетиях до н. э.

К концу V тысячелетия сложившаяся в степной и лесостепной зонах Восточной Европы так называемая Мариупольская культурно-историческая область (23) на огромной территории от Днепра до Урала состояла из локальных культур, представленных поселениями и грунтовыми могильниками. Именно к ней можно отнести нижние Каратаевские погребения, 2 и 3 слои Раздорского-I, 2 слой Самсоновского поселения, средние слои Ракушечного Яра, а также, судя по раз-

ведкам, местонахождение Бессергеновское и некоторые пункты по правому берегу Дона между Константиновском и Волгодонском. Судя по материалам Раздорского I, эта культура, недавно выделенная как Нижнедонская (24), делится на 2 периода и достаточно четко отличается от материалов поздненеолитических слоев Ракушечнойярской культуры. Именно эту культуру можно считать переходной от неолита к энеолиту. Возможно второму ее периоду или лежащему выше по стратиграфии Раздорского поселения 4 слою соответствуют погребения верхнего яруса могильников Мариупольского типа. На рубеже 4 и 5 слоев происходят значительные перемены в жизни донских поселенцев. На примере Ракушечного Яра и Раздорского I, расположенных рядом, эти изменения выразились в затухании жизни на острове Поречный и перемещении центра на коренной правый берег Дона. Материально это выразилось в смене кремневого сырья (серый матовый кремнь вместо коричневого полупрозрачного), резких изменениях в технике (отказ от пластин) и морфологии изделий (появление двустороннеобработанных наконечников), но особенно в керамике. Новые формы, новая технология, новые системы и способы нанесения орнамента, распространение лощения, налепных элементов и т. д. Как и следовало ожидать, эпоха перемен рождает временную пестроту. Так на поселении Батай, нижние слои которого относятся к этому времени, в одной хозяйственной яме найдены фрагменты трех оригинальных, но разнотипных сосудов, а четвертый обнаружен в расчищенном рядом грунтовом погребении (рис. 13, 1—4). Именно в этот, во многом пока неизученный период, происходит переход от грунтовых могильников к первым курганам. Некоторые детали (например, костяные пронизи с краевой нарезкой типа погребения у хутора Попов (рис. 38, 1) есть в материалах Хвалынского могильника и поселения Свободное в Краснодарском крае (25) позволяют отнести часть курганных погребений 1-й группы к 4—5 слоям Раздорского I. Пока остается открытым вопрос о том, появились ли курганы в ходе прямой экспансии с востока по Г. И. Гамбутас, либо они явились местным воплощением новых религиозных идей, проникающих с юга, либо, наконец, результатом саморазвития донских племен под влиянием и тех и других импульсов. Возможно пестрота обрядов первых курганных погребений отражает процесс происходящих перемен.

Временная стабилизация наступает к началу III тысячелетия до н. э. Археологически это выражено четкими слоями

6 и 7 на поселении Раздорское I, Константиновским поселением и соответствующими горизонтами Ливенцовского и Самсоновского памятников. Выше уже отмечался синкретический характер Константиновской культуры, но следует еще раз обратить внимание на соединение пришлых южных элементов Майкопских памятников, окончательная характеристика которых пока дискуссионна (26), и Среднестоговских памятников Дереевского этапа. Соединение, которое демонстрируют и материалы погребений 3-й группы (рис. 40), не механическое, а сложное взаимопроникновение и слияние возможно еще на стадии предмайкопских древностей Кавказа и ранних памятников дошнурового Среднего Стога, что подтверждает 5-й слой Раздорского поселения (Рис. 11).

Ситуация с соотношением 3 и 4 групп курганных погребений энеолита Дона зеркальна с ситуацией Майкопских и Новосвободненских памятников Прикубанья. Важно отметить, что IV группа, распространенная почти без изменений в материальной культуре от Молдовы до Прикубанья включительно, проникшая и в Волго-Донское междуречье, не имеет практически отражения в культурных слоях поселений. Поэтому ее скоротечный пришлый характер для Дона несомненен. Не вдаваясь в дискуссию об истоках и путях распространения этих погребений, хотелось бы подчеркнуть большую обособленность в направлении их движения с запада на юго-восток и определенную логику построений, косвенно связывающих это явление с процессом распада трипольской общности (27, 28).

Проблемы финального энеолита смыкаются с процессами раннего бронзового века. Не до конца ясна трансформация характерных памятников Константиновской культуры в репинский тип раннего бронзового века (Рис. 7), четко перекрывающих майкопские влияния в 8 слое Раздорского поселения. Среди курганных древностей тоже нет полного соответствия керамики ямных погребений репинским канонам. Вновь наступает период культурного переоформления с последующей стабилизацией в конце III тысячелетия в памятниках позднемного—раннекатакомбного типа.

* * *

Исследование древностей в нашу беспокойную эпоху может вызвать у читателя улыбку непонимания или осуждающий взгляд. Зажатые в тиски экономических, политических, экологических и прочих проблем мы забываем о вечных цен-

ностях культуры, о роли наследия прошлого, о значении любого познания вообще. И расплачиваемся за это кризисом идей, деградацией интеллекта, политической и духовной нестабильностью общества. Образовавшаяся брешь заполняется спекуляциями, в которых появление курганов рассматривается как свидетельство древних корней той или иной народности наших дней, или индо-европейские связи древности выступают обоснованием современных территориальных притязаний. Невежество вторгается в науку; политика использует лжетеорию.

Далекие от сегодняшнего дня памятники между каменным и бронзовым веками не могут решать насущных проблем, но изучение их оптимистично. Оно свидетельствует о том, что периоды кризиса — упадка всегда сменяются новым подъемом, что самые тяжелые потрясения не могут уничтожить основы общества. Памятники учат нас жить. В завершённом очерке мало конечных решений, научные проблемы решаются неспешно, но новый опубликованный материал даст возможность интересующимся читателям самостоятельно осмыслить ту или иную проблему, пробудит интерес к древности, позовет в экспедиции к новым открытиям.

Значит цель книги будет достигнута.

1. Яковлев А. Несколько слов по поводу случайных археологических находок при постройках железных дорог. Труды Харьковского Предварительного комитета по XII АС, т. I, 1902, стр. 188. Яковлев А. Плоские могилы Каменного века на р. Чир в Донской области. Труды Харьковского Предварительного комитета по XII АС, т. I, 1902, стр. 145.

2. Макаренко М. О. Мариупольский могильник. Киев, 1933.

3. Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник. СА 1955. т. XXIП, стр. 16—37.

4. Кияшко В. Энеолитические скипетры из Ростовского областного музея краеведения. Известия РОМК, вып. 5, 1988, с. 141—146.

5. Плетнева С. А. Отчет об археологических раскопках Северско-Донецкого отряда на территории Ростовской области, 1961 г. Архив ИА, АН СССР № 2242, рис. 18. Праслов Н. Д. Отчет об археологических разведках и раскопках в Сев.-восточном Приазовье. 1961 г. Архив ИА, АН СССР № 2265, с. 26—27, рис. 32.

6. Семенов Г. Кремневые нуклеусы из Берданосовки. Известия РОМК, вып. 5, 1988, с. 147—150.

7. Телегин Д. Я. Неолитические могильники Мариупольского типа. Киев, 1991 г.

8. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на Самаре. СА, 1979, № 4, с. 147—166.

9. Васильев И. Б. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

10. Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.

11. Белановская Т. Д. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области. МИА, 1972, № 185, с. 262—270.

12. Tallgren A. M. La Pontide prescythique apres l'introduction des metaux. ESA II Helsinki 1926.

13. Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи Средней России (Отчет Императорского исторического музея за 1914 г.) М., 1916.

14. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

15. Рассамкин Ю. Я. Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья. Автореферат диссертации. Киев, 1992 г.

16. M. Gimbutas. The firts of Eurasien steppe pastoralists into copper age Europe. The journal of Indo-European studies, V, 4. 1978.

17. Телерін Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. К. 1973.

18. Мизиев И. М. О создателях майкопской культуры. СА, 1990, № 4.

19. Княшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореферат диссертации, 1974.

20. Ильин А. И. Земский курган. Записки СКОАИЭ, книга I (т. III), вып. 3—4, Ростов-Дон, 1928, с. 7—12.

21. Братченко С. Н. Отчет об исследованиях Ливенцовской археологической экспедиции в 1964 г. Архив ИА АН СССР, № 2986.

22. Крижевская Л. Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. С.-Петербург, 1992.

23. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981.

24. Котова Н. С. Культура позднего неолита — раннего энеолита Днепро-Донского междуречья. Автореферат. Киев, 1990.

25. Нехаев А. Энеолитические поселения Закубанья. Древние памятники Кубани, Краснодар, 1990.

26. Сборник: Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.

27. Рассамакин Ю. Я. О соотношении степных и новосвободненских памятников. Сб. Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991, с. 52—55.

28. Дергачев В. А., Манзура И. В. Европейский компонент майкопской культуры в контексте взаимосвязей центрально- и восточно-европейских обществ. Сб. Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы, Л., 1991, с. 55.

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

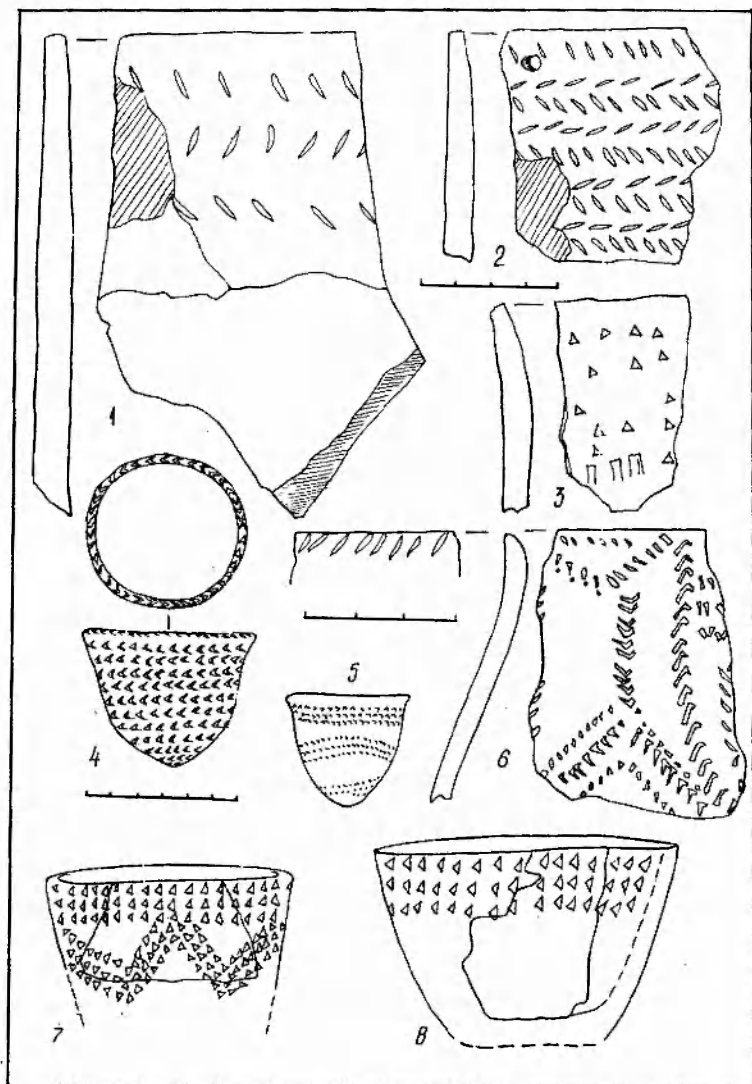

Рис. 1. Ракушечный Яр. Керамика нижнего слоя и мотильника.

1-5, 7-8 — раскопки Т. Д. Белановской, 6 — подъемные сборы А. Р. Смоляк.

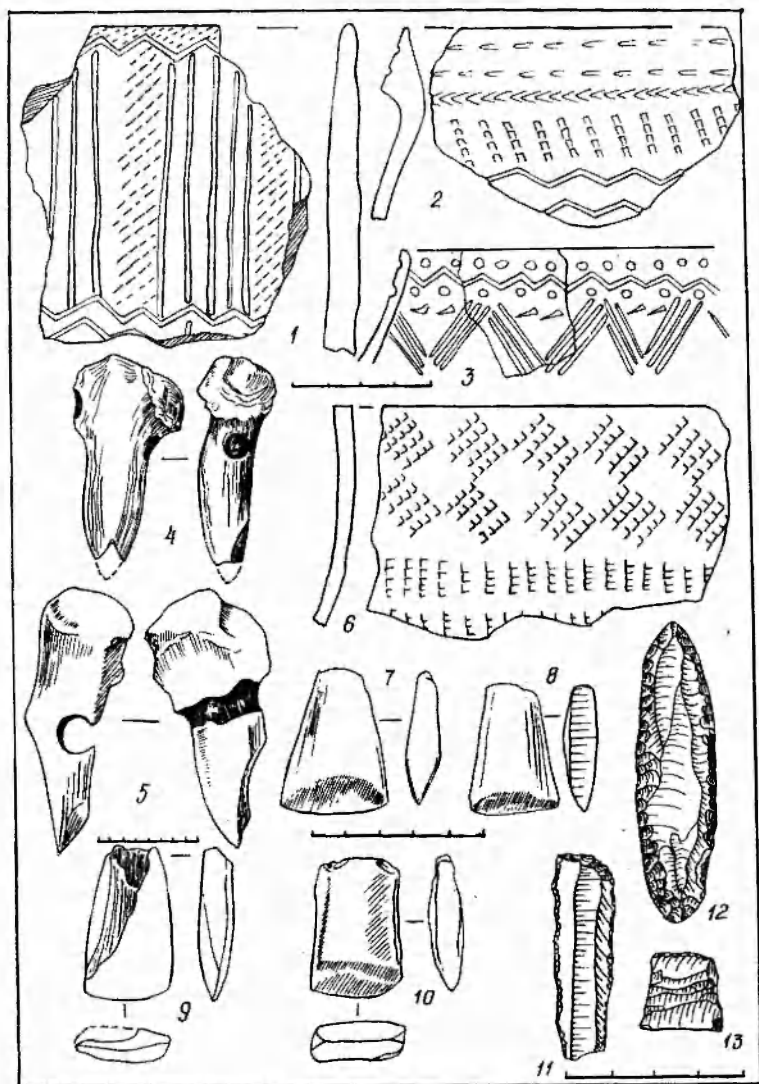

Рис. 2. Ракушечный Яр.

1-3, 6 — керамика нижних слоев с примесью толченой ракушки. 4-5 — роговые мотыги. Подъемный материал сборы А. Р. Смоляк; 7-13 — кремневые и каменные изделия из раскопок Т. Д. Белановской.

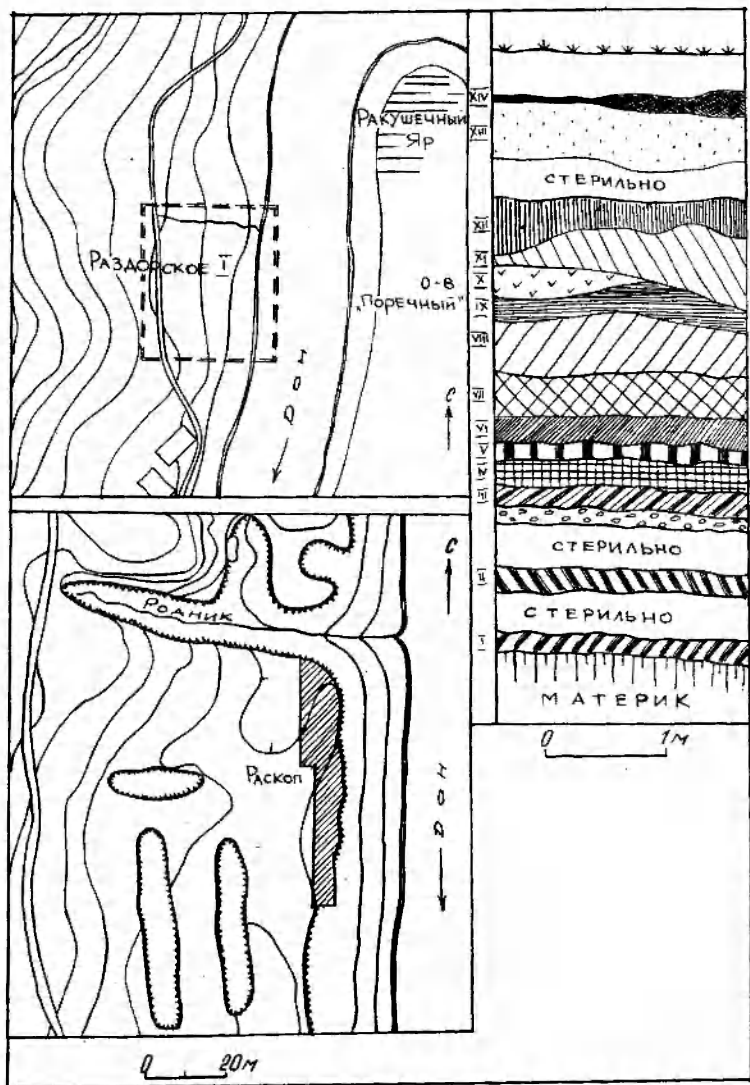

Рис. 3. Раздорское I.

Общий план и участок стратиграфического разреза раскопа 1981 г. с нумерацией слоев.

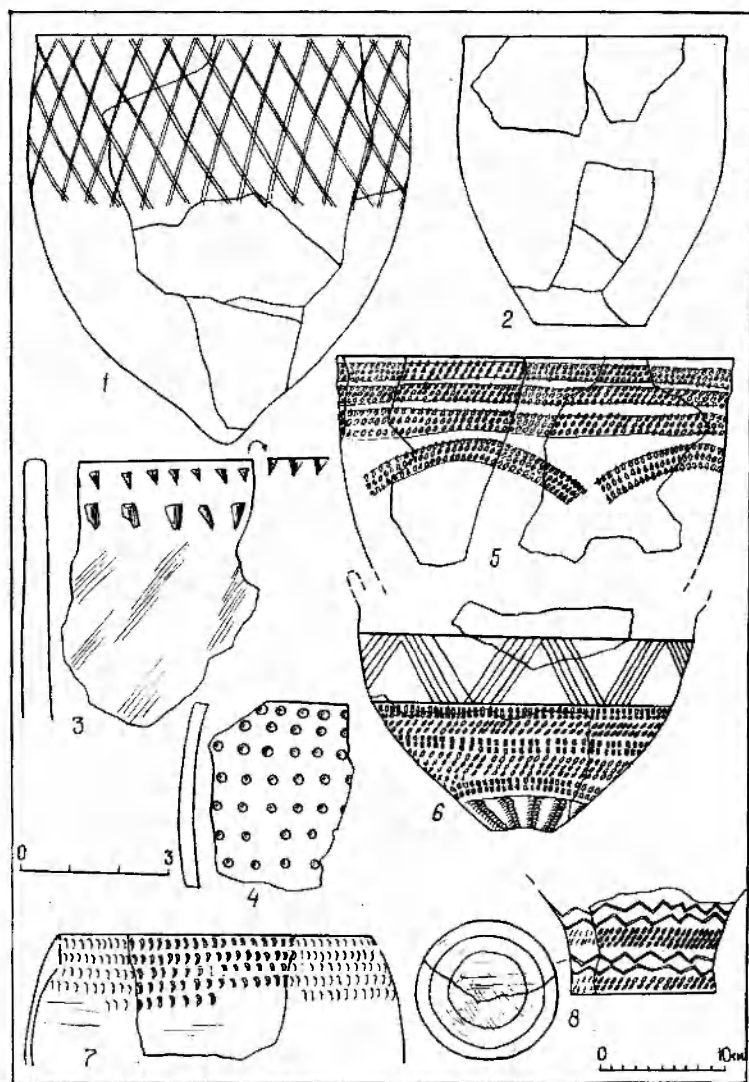

Рис. 4. Раздорское I.

1-4 — керамика слоя 1, 5-8 — керамика слоя 2.
1 — Раздорский исторический музей, 2-8 — кабинет археоло-
гии РГУ.

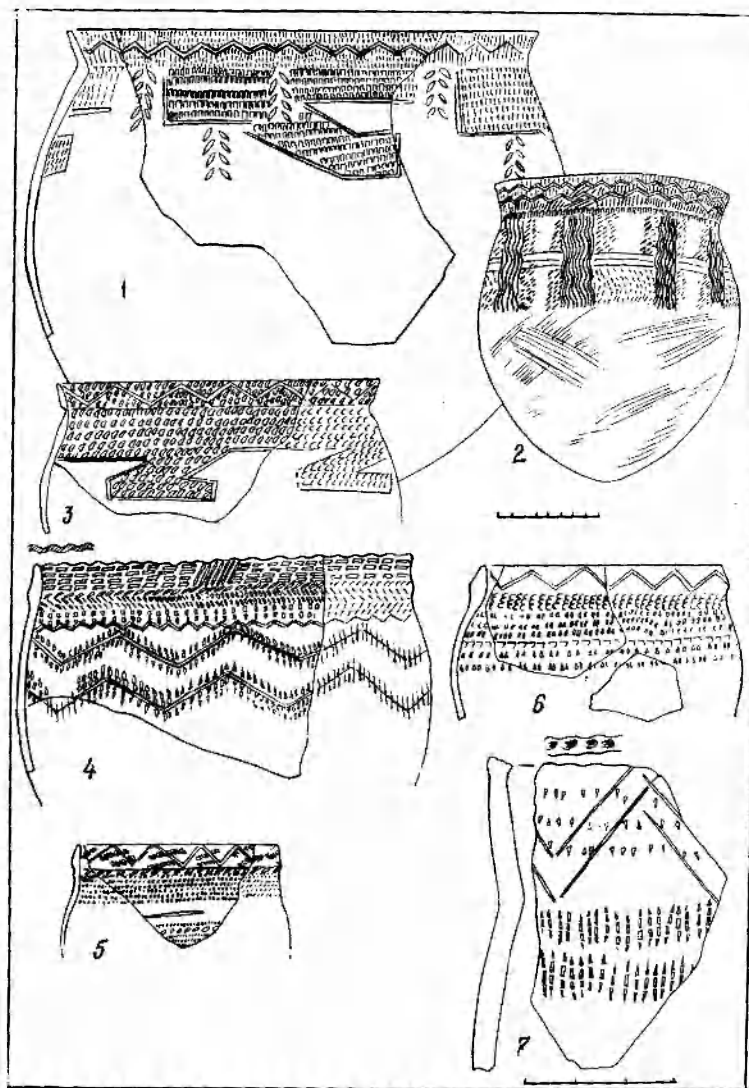

Рис. 5. Раздорское I.

1-3, 4-7 — керамика слоя 3, 2 — сосуд, поднятый со дна Дона против поселения в начале XX в. Новочеркасский музей.

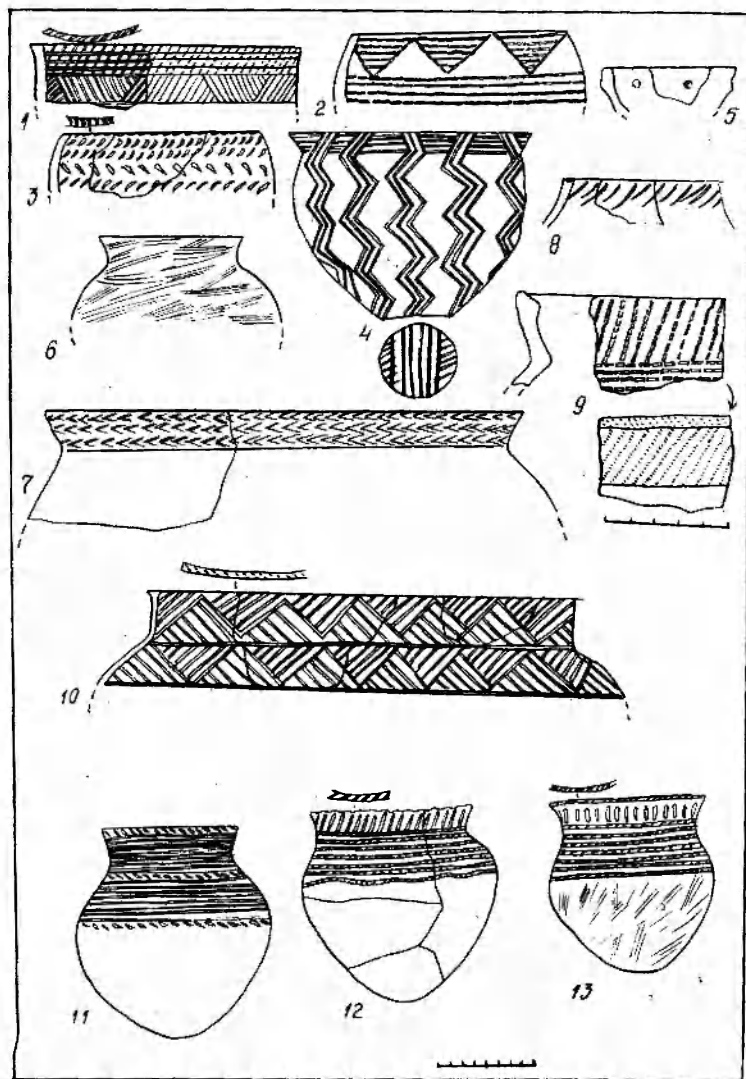

Рис. 6. Раздорское I.

1-3, 8-9 — керамика слоя 4, 4-7, 10 — керамика слоя 5 (нижний горизонт), 11-13 — керамика слоя 5 (верхний горизонт), 1-13 — кабинет археологии РГУ.

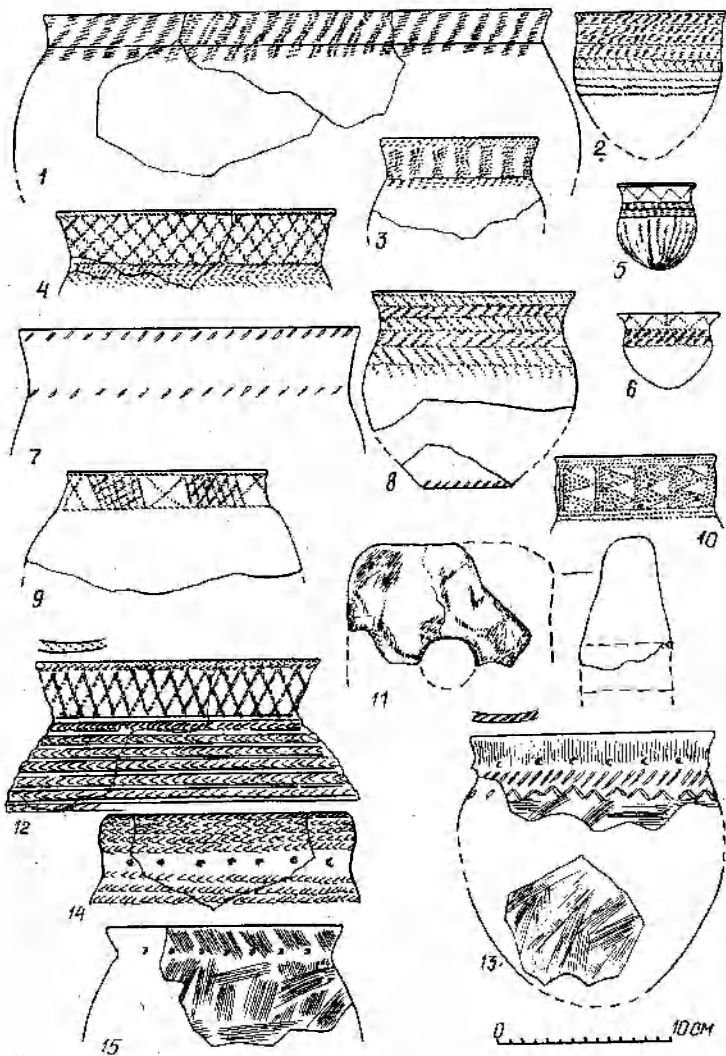

Рис. 7. Раздорское I.

1-3, 11 — керамика слоя 6, 4-10 — керамика слоя 7, 12-15 — керамика слоя 8. 1-15 — кабинет археологии РГУ.

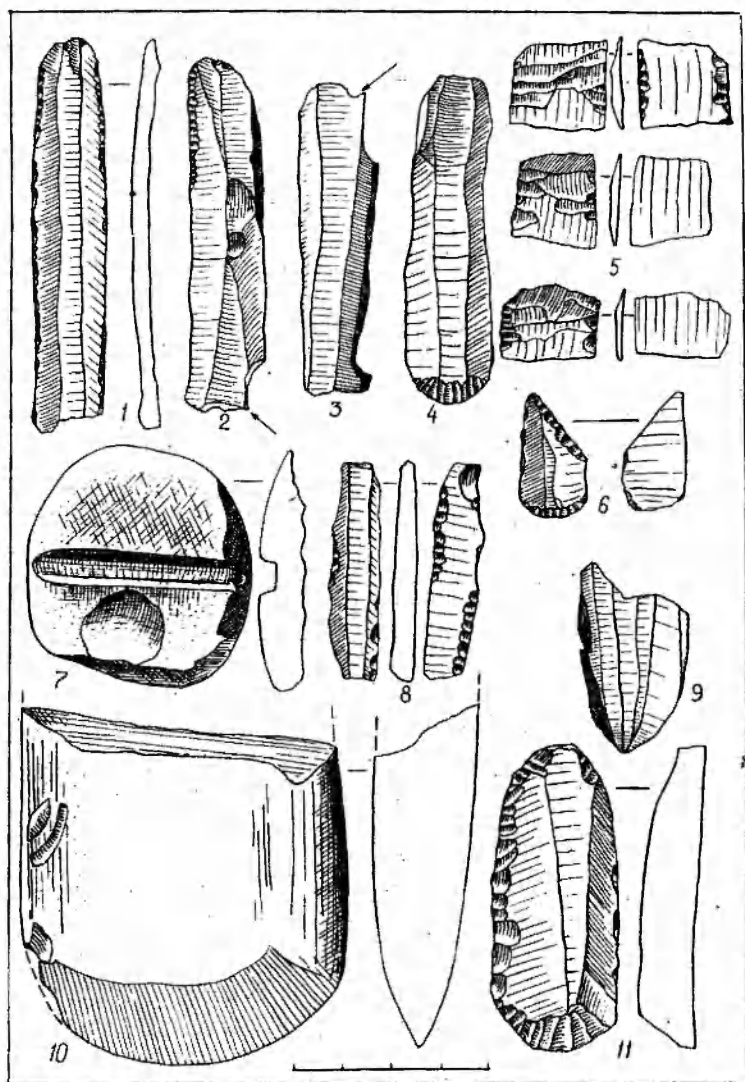

Рис. 8. Раздорское I.

1-11 — кремневые и каменные изделия из слоя 1.

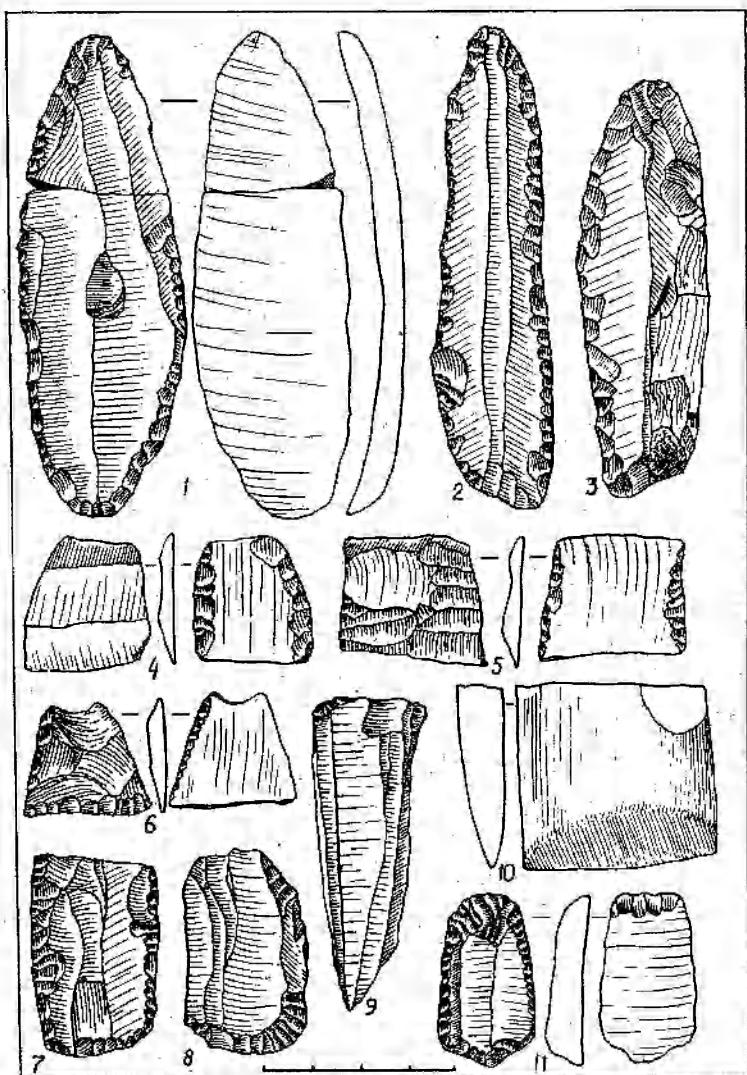

Рис. 9. Раздорское I.

1-11 — кремневые изделия из слоев 2-3.

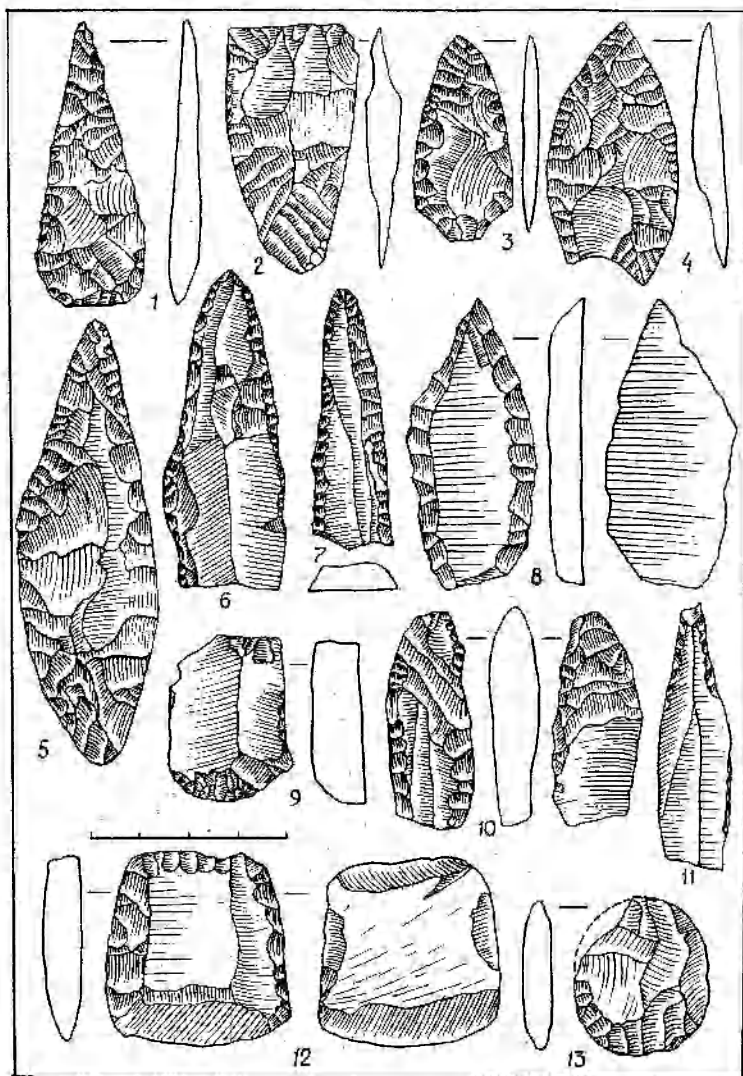

Рис. 10. Раздорское I.

1-3 — кремневые изделия из слоя 3, 4-13 — кремневые изделия из слоя 4.

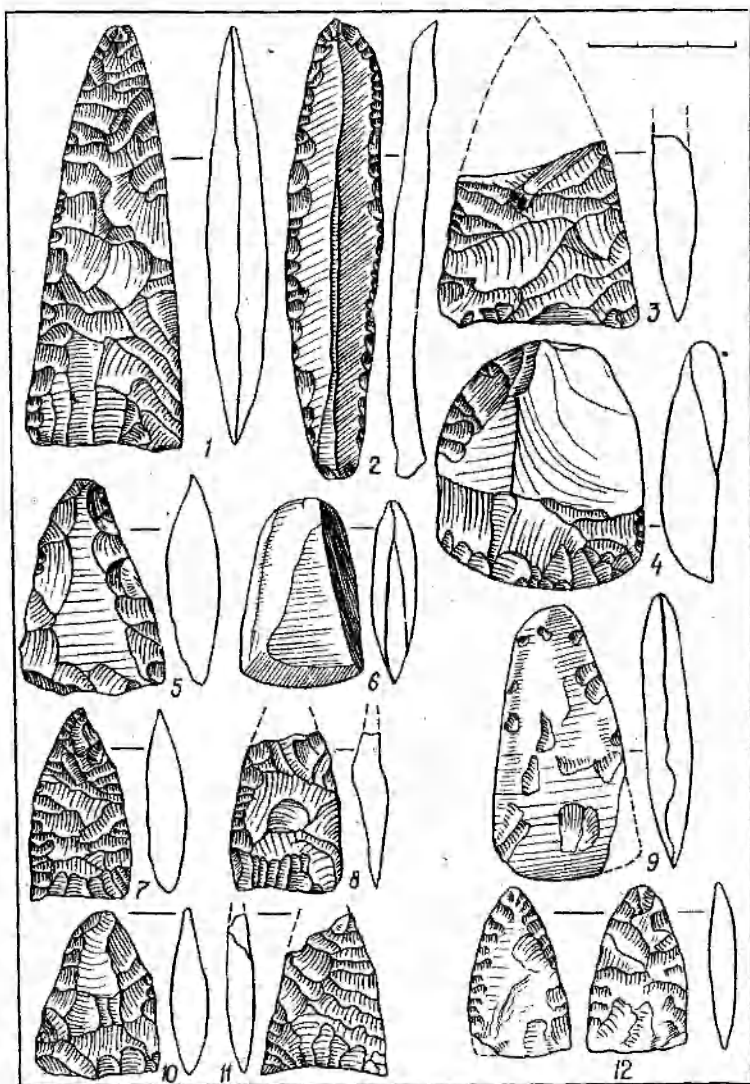

Рис. 11. Раздорское I.

1-12 — кремневые и каменные орудия из слоя 5.

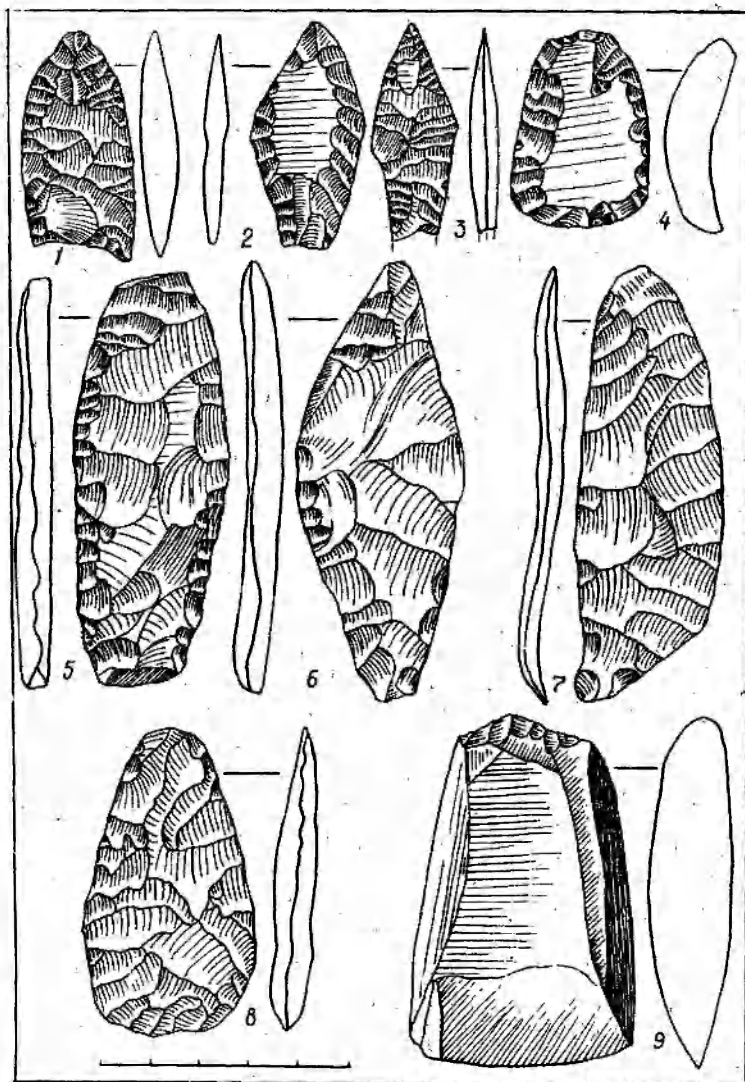

Рис. 12. Раздорское I.

1-9 — кремневые и каменные орудия из 6-7 слоев.

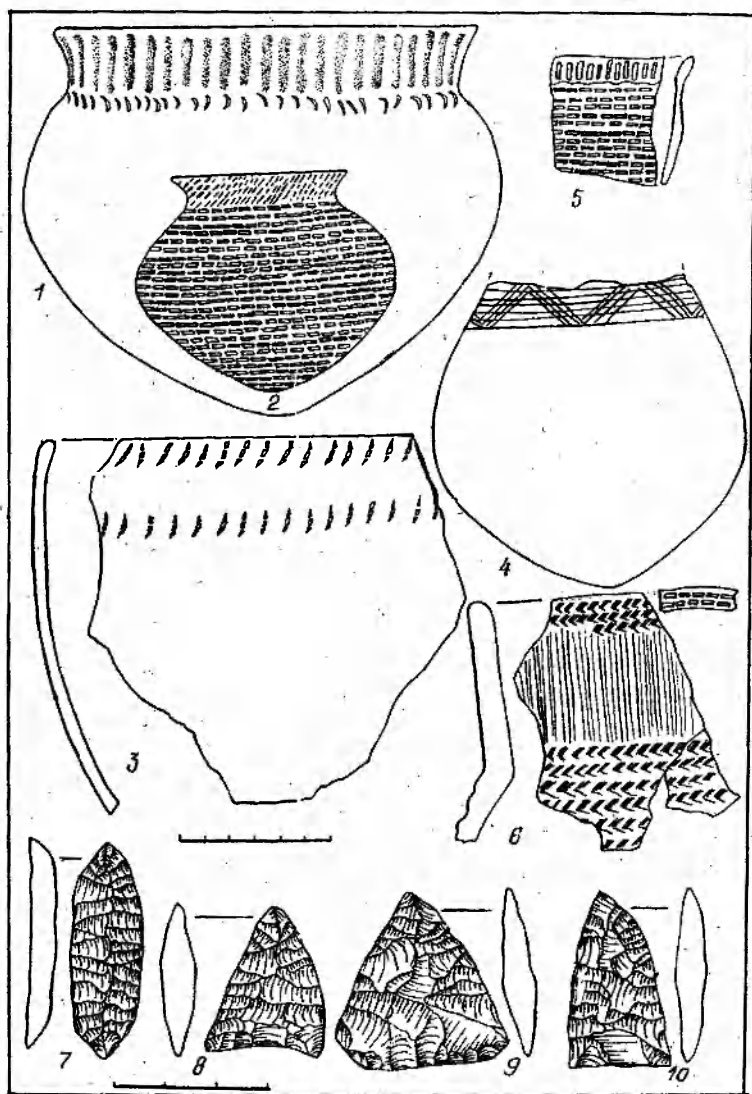

Рис. 13. Поселение «Батай» Азовского района Ростовской области
 1-3 — сосуды из хозяйственной ямы, 4 — сосуд из погребения в слое 5, 6-10 — керамика и кремнь из нижних слоев.

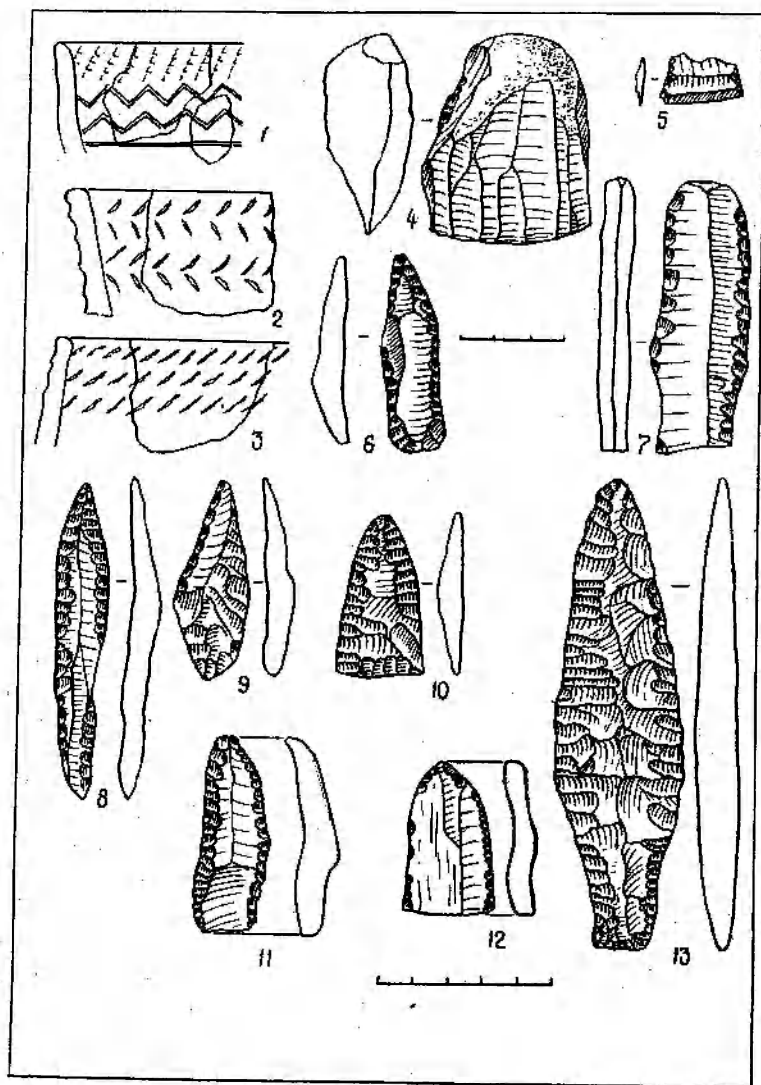

Рис. 14. Материалы из неолитических поселений Нижнего Дона.
1-5 — Самсоновское, 6-11 — Заливное.

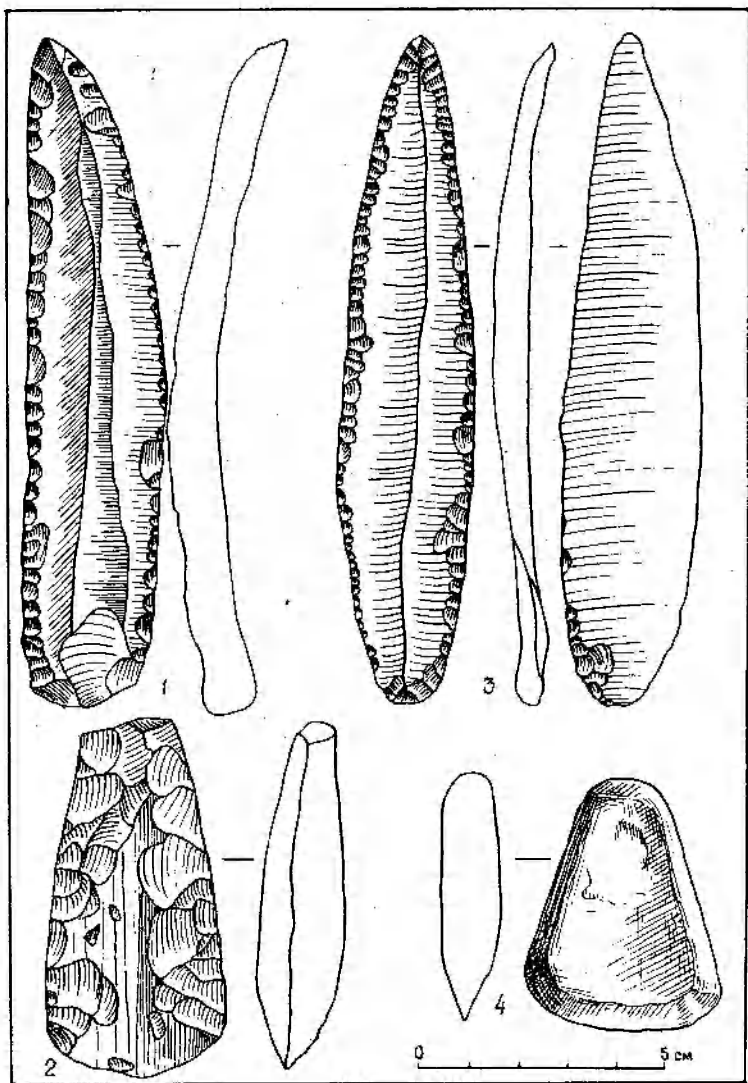

Рис. 15. Случайные находки энеолитических кремневых и каменных орудий на Нижнем Дону.

1-2 — западная окраина г. Ростова, Ростовский музей, 3-4 — место находки неизвестно, Азовский музей, сборы В. П. Чалого.

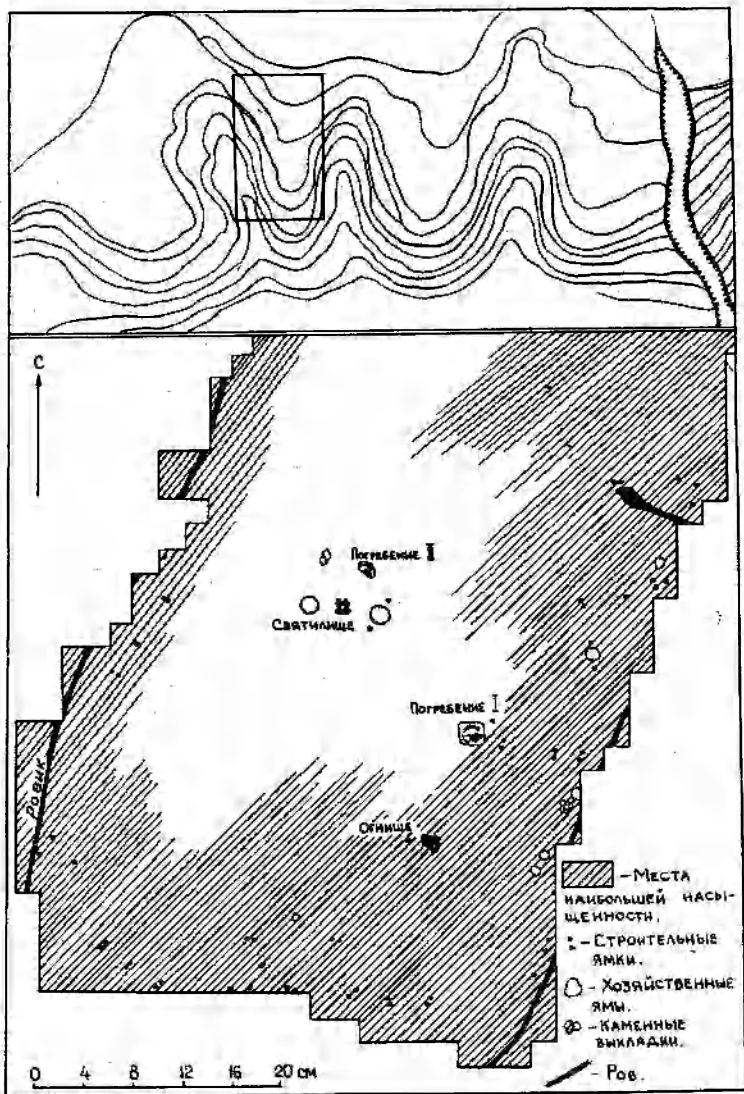

Рис. 16. Константиновское поселение.
Общий план.

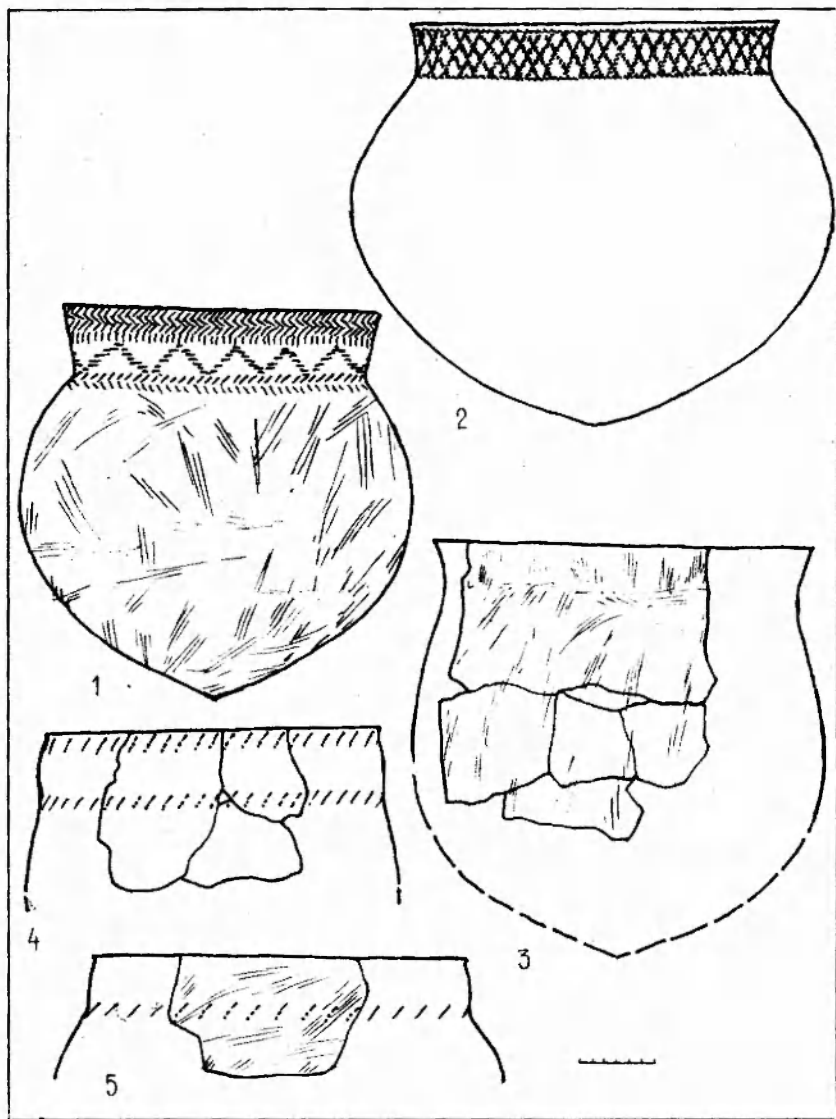

Рис. 17. Константиновское поселение.
1-5 — керамика 1-й группы. Подгруппа А.

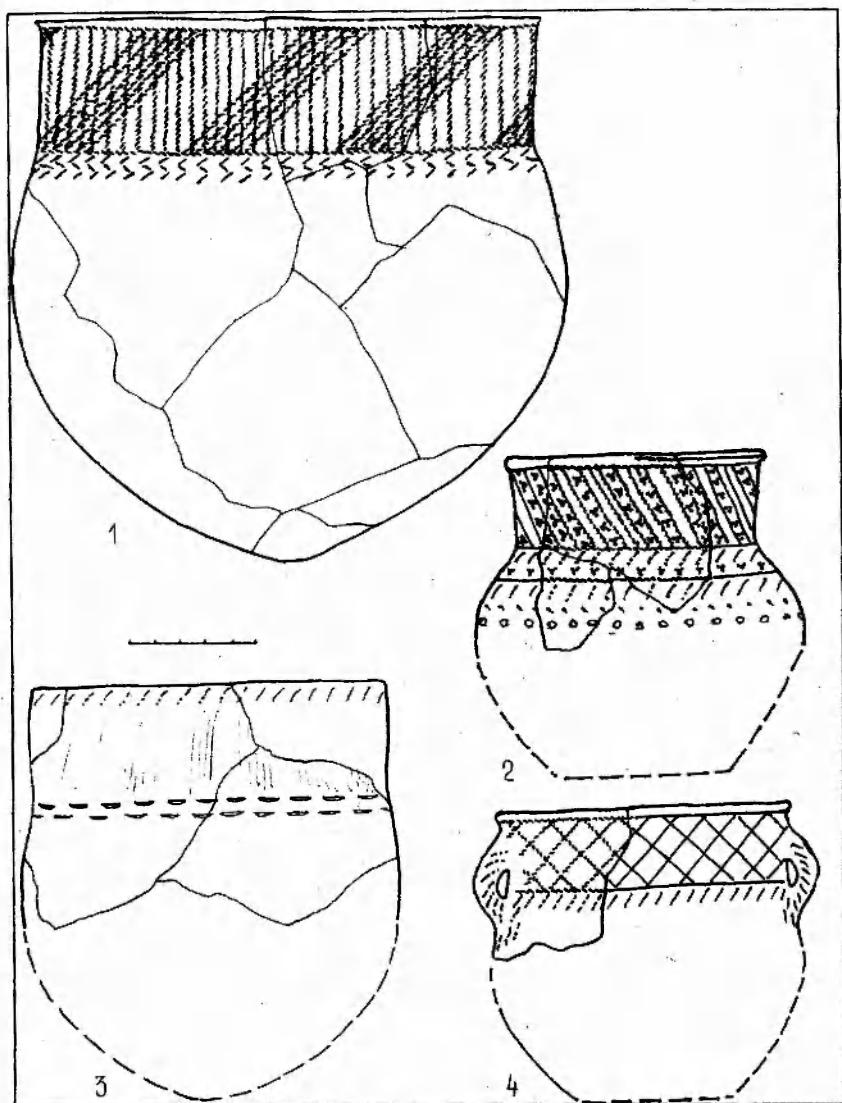

Рис. 18. Константиновское поселение.

1-4 — керамика 1-й группы, подгруппа Б.

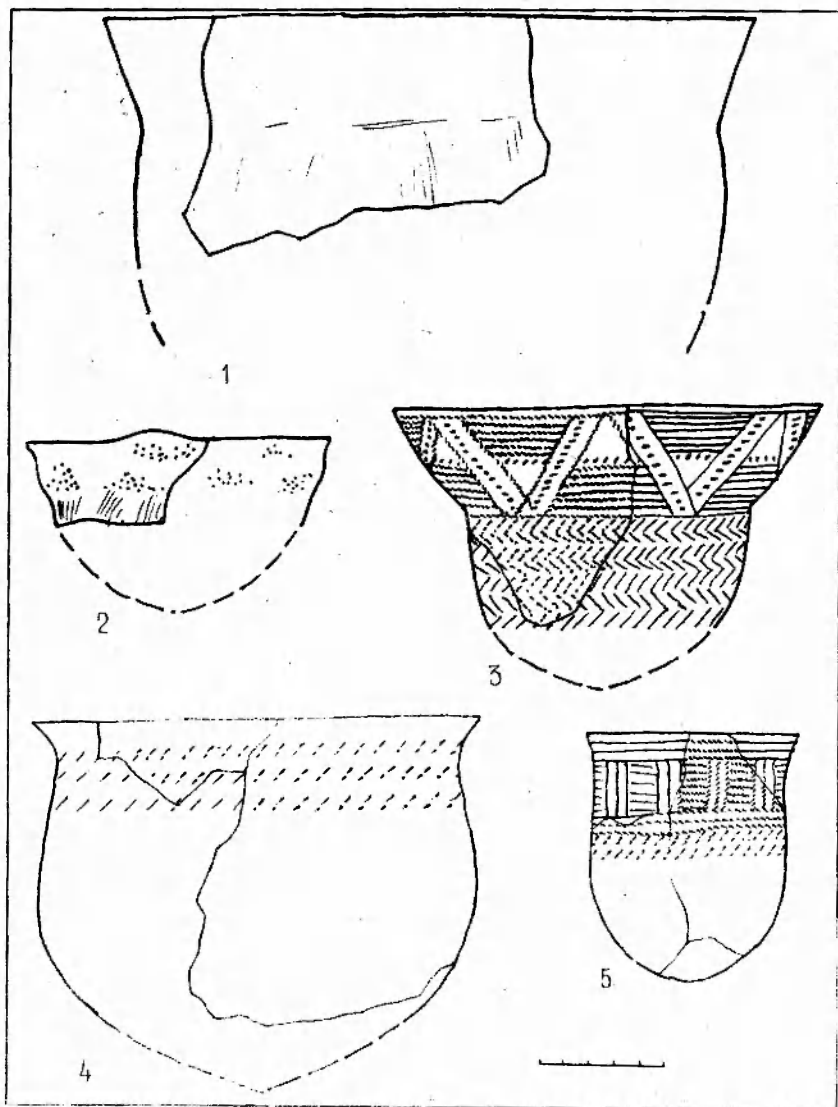

Рис. 19. Константиновское поселение.
1-5 — керамика 1-й группы, подгруппа В.

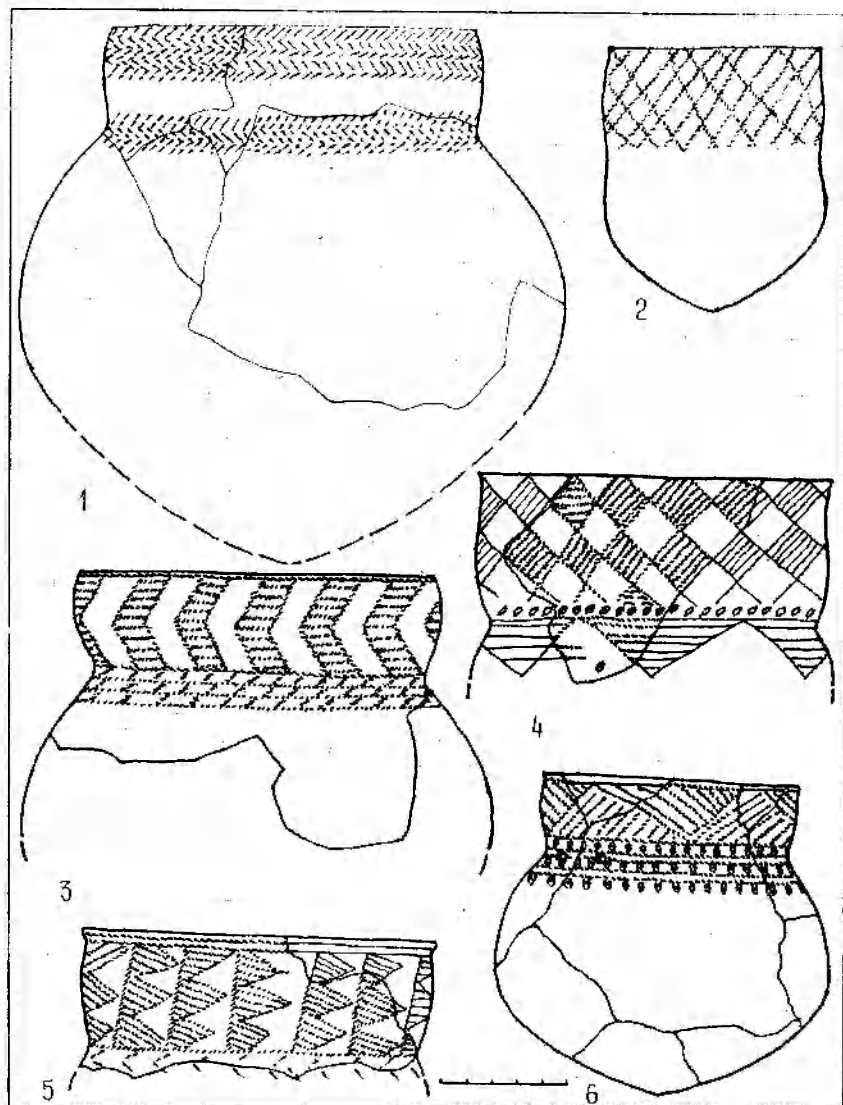

Рис. 20. Константиновское поселение.

1-6 — керамика 1-й группы, подгруппа Б.

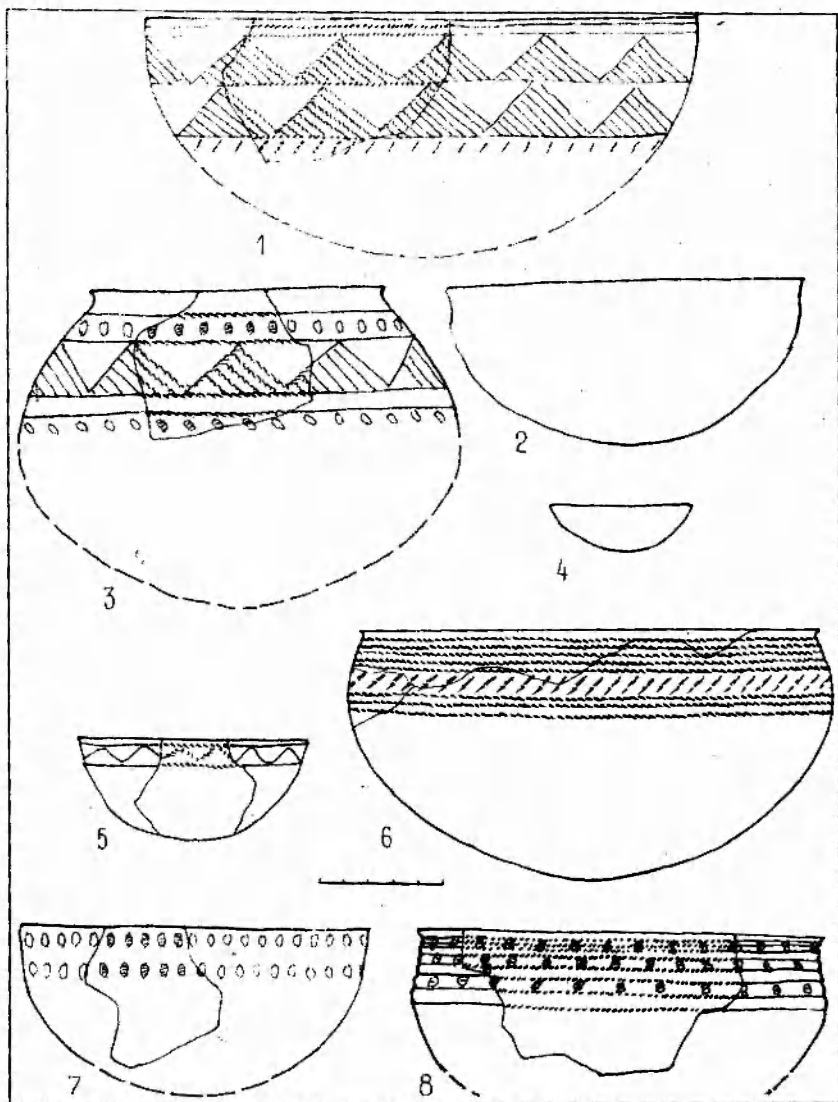

Рис. 21. Константиновское поселение.

1-8 — керамика 1-й группы, подгруппа Б.

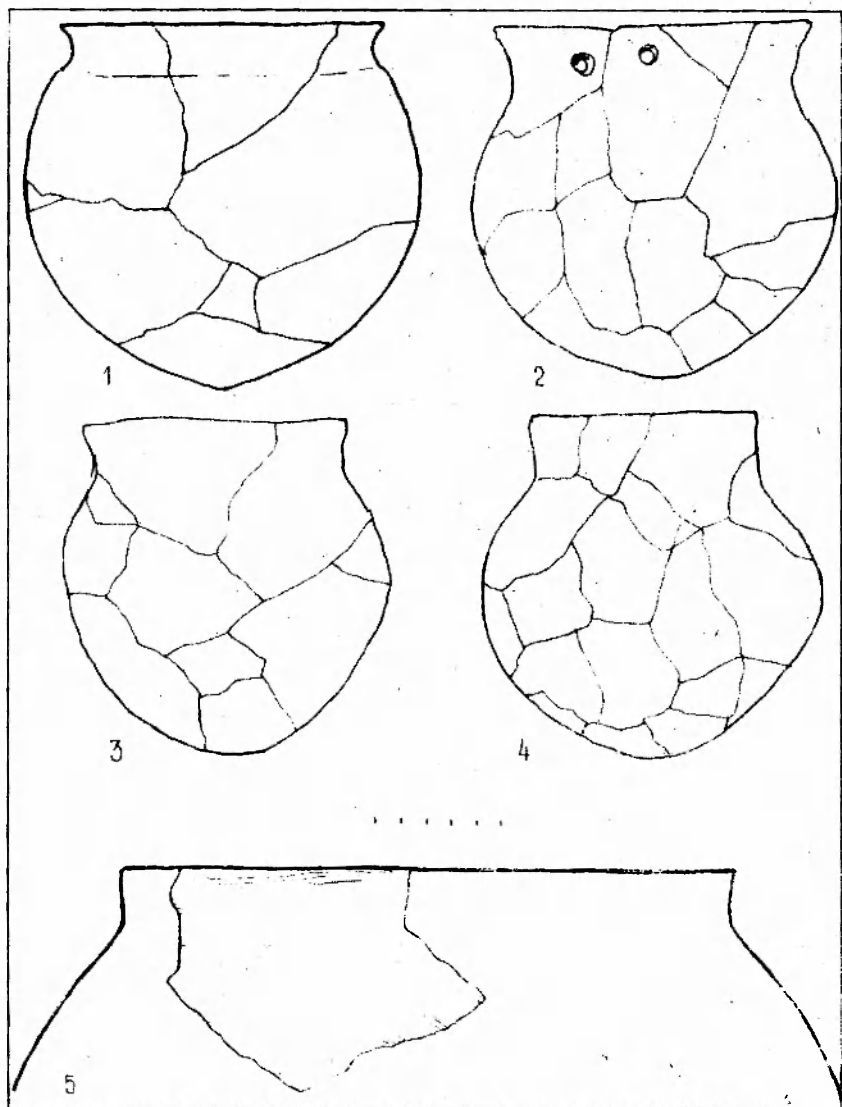

Рис. 22. Константиновское поселение
1-5 — керамика с примесью песка, 2-я группа.

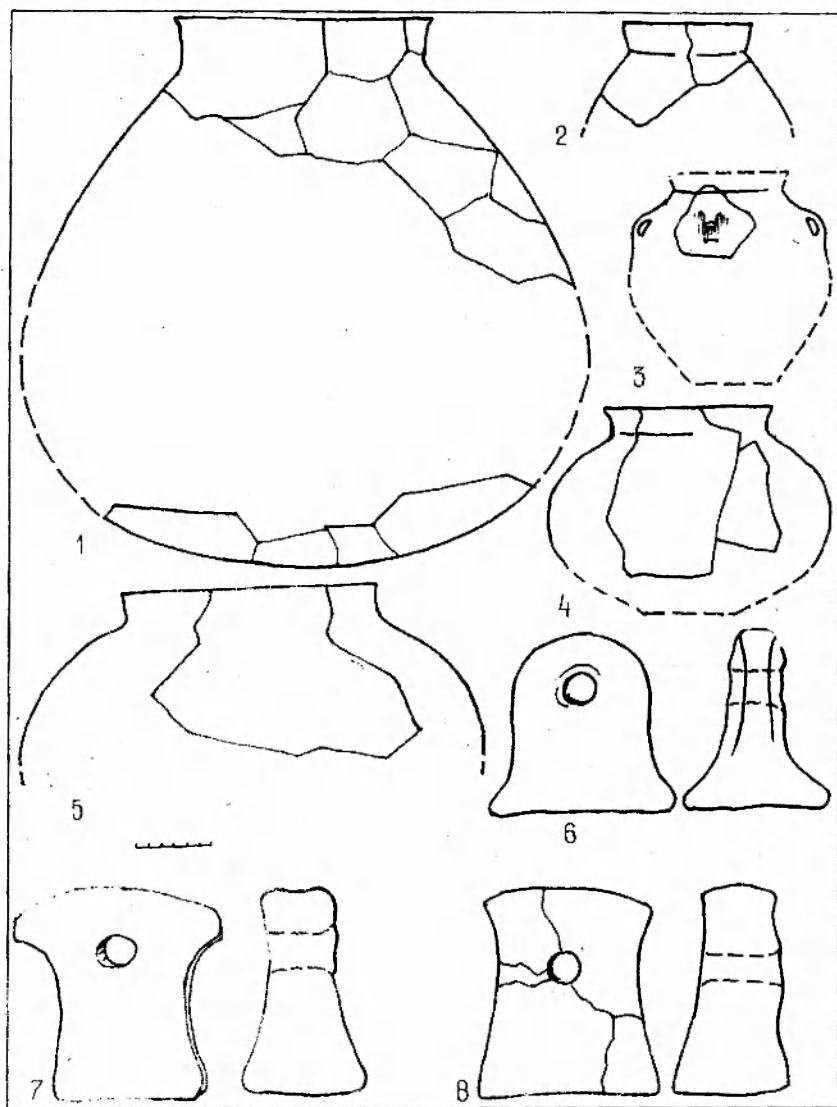

Рис. 23. Константиновское поселение.

1-5 — керамика 3-й группы, 6-8 — очажные подставки.

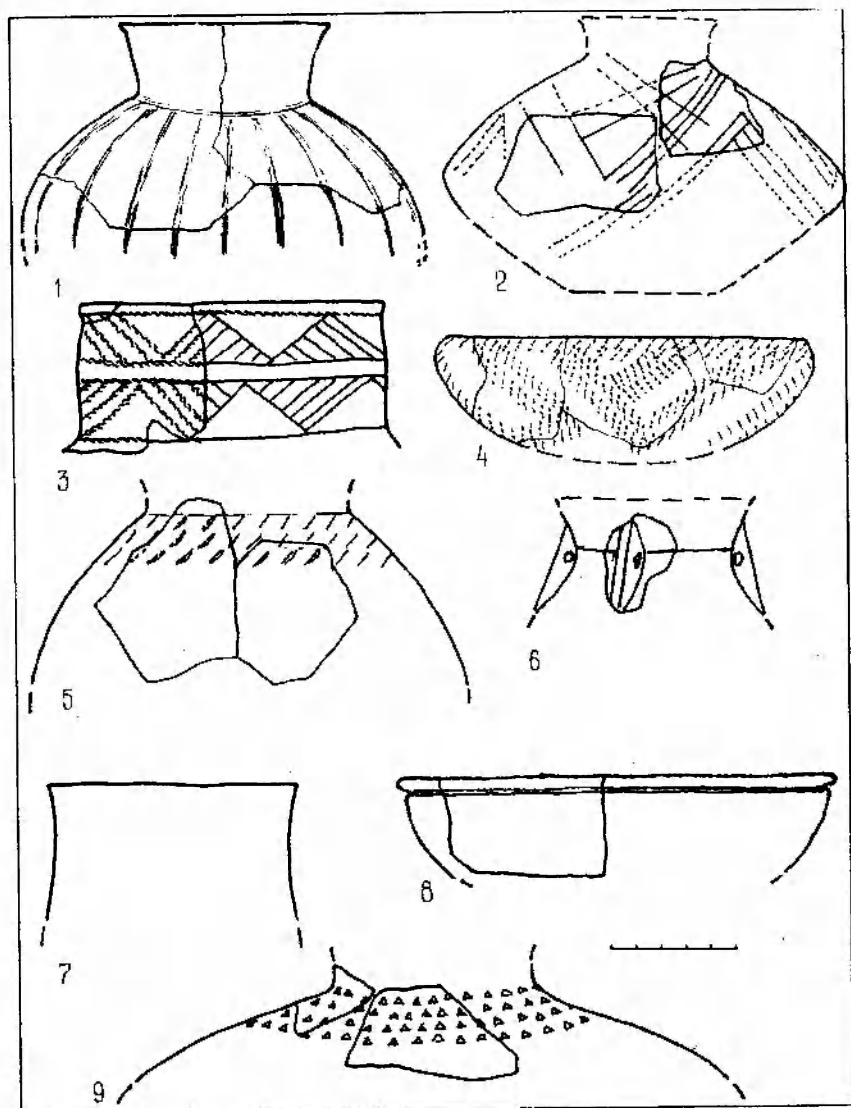

Рис. 24. Константиновское поселение
1-8 — керамика 3-й группы.

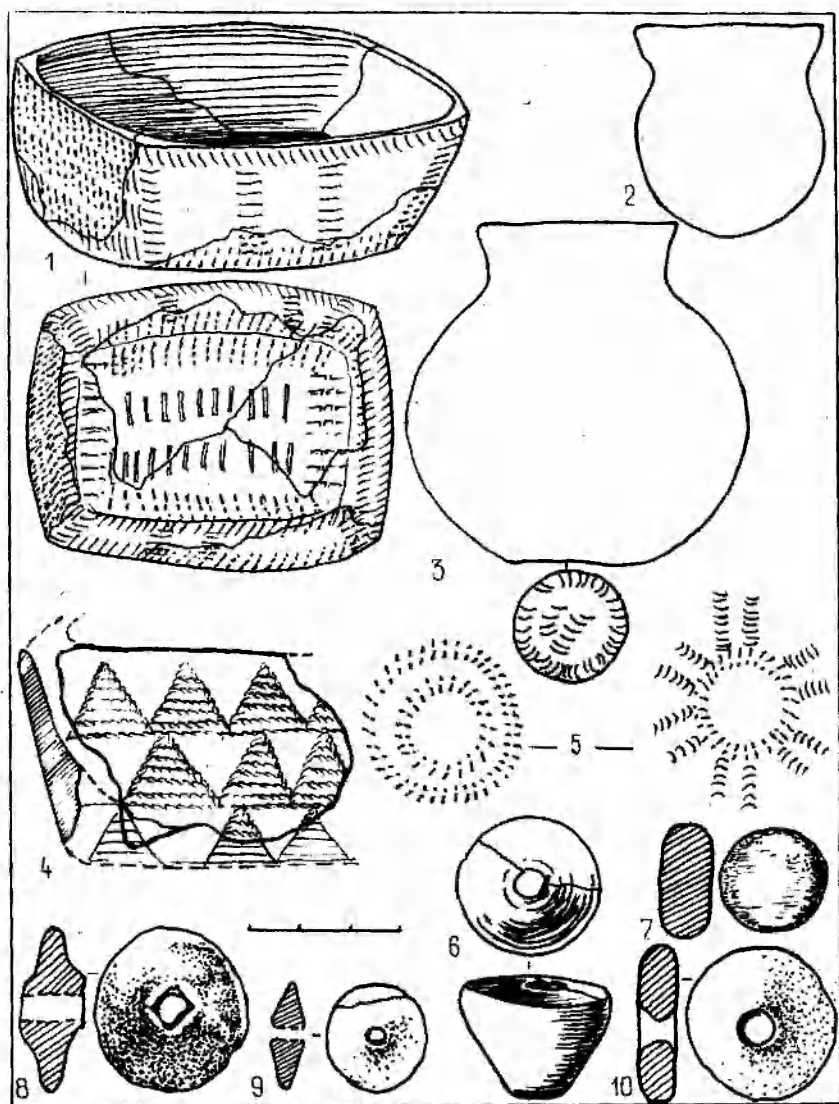

Рис. 25. Константиновское поселение.
Культовые сосуды и мелкие керамические изделия.

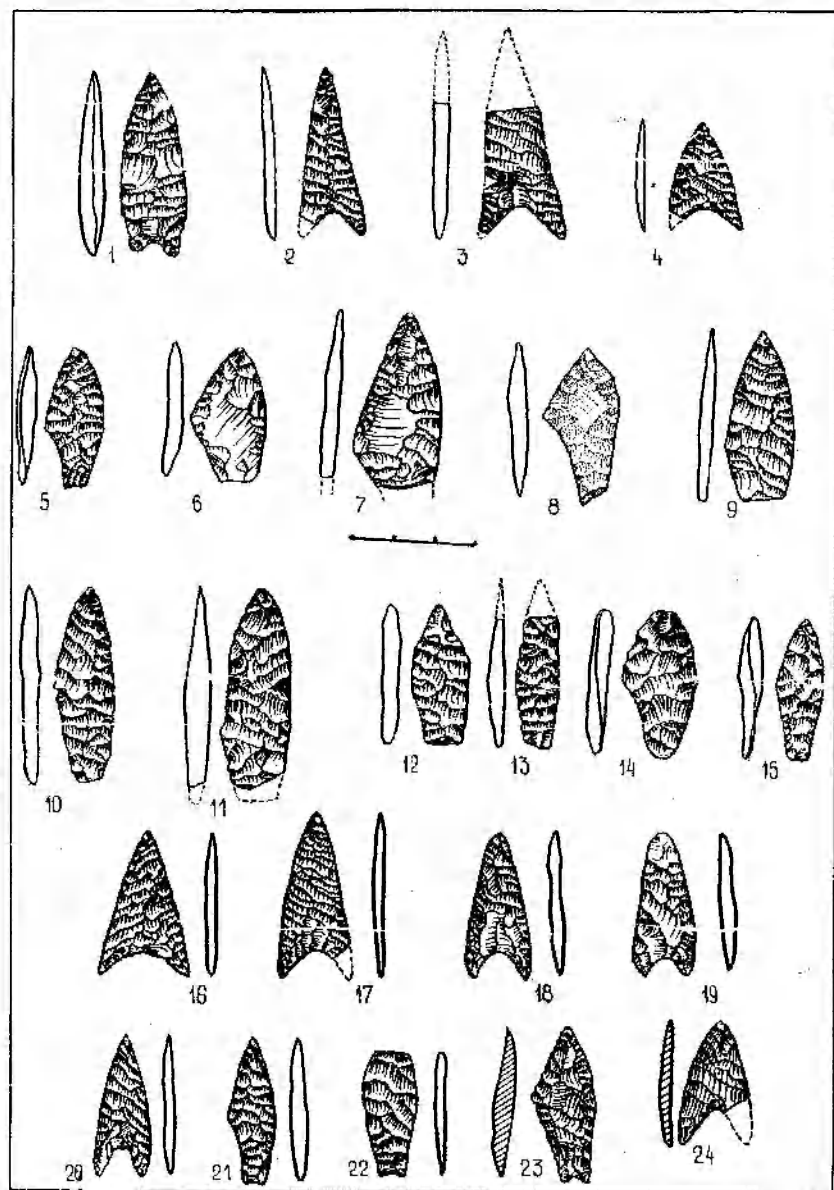

Рис. 26. Константиновское поселение.
Наконечники стрел.

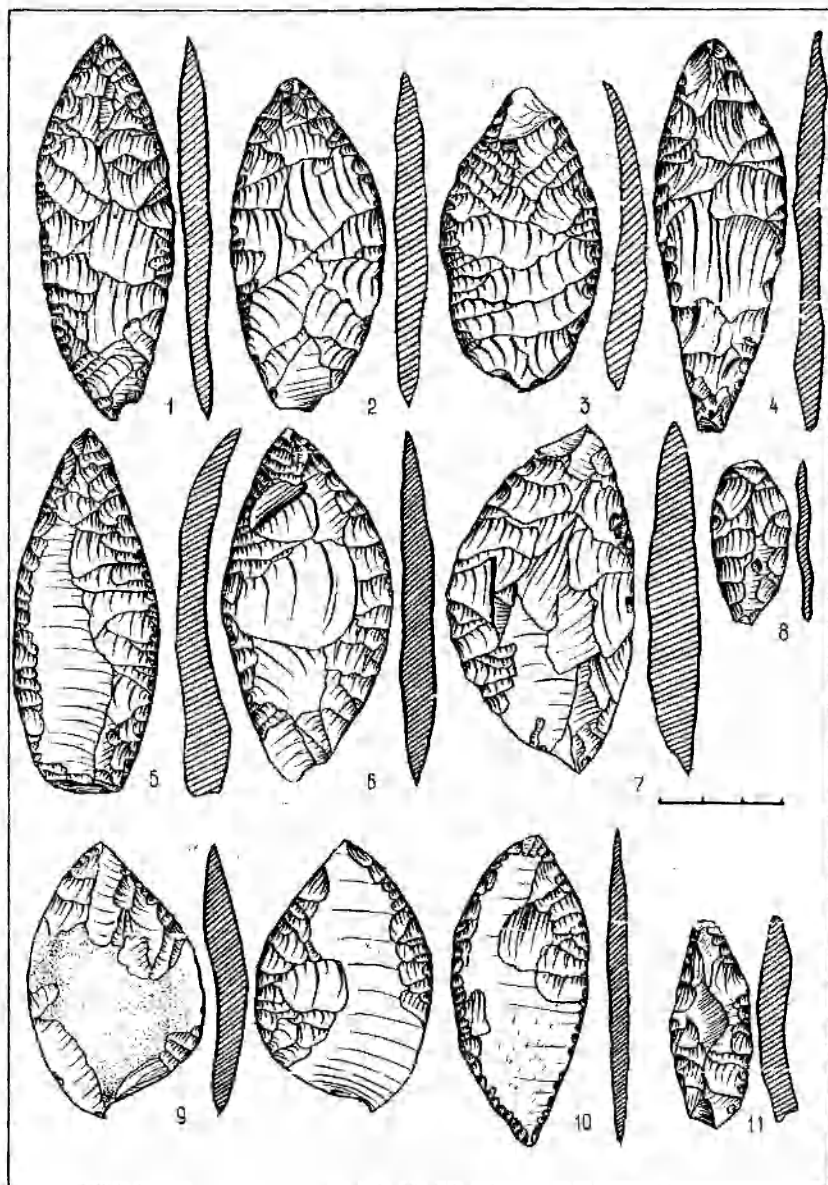

Рис. 27. Константиновское поселение.
Кремневые ножи.

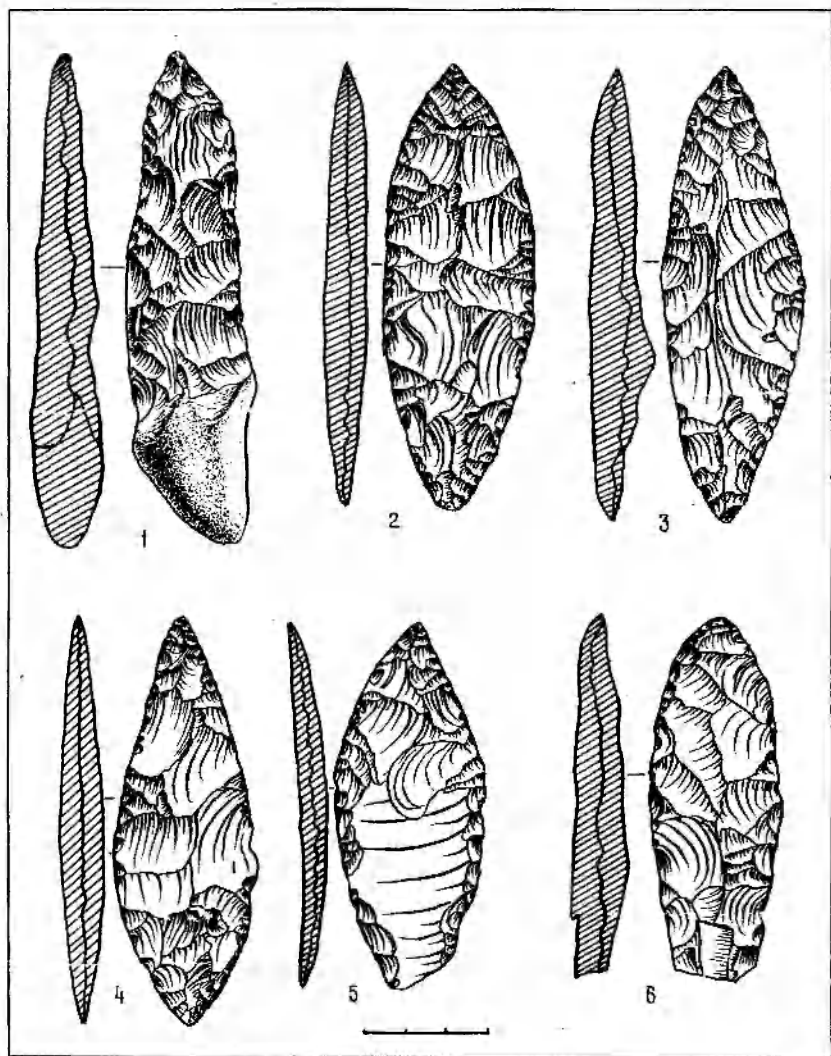

Рис. 28. Константиновское поселение.
Кремневые ножи-кинжалы.

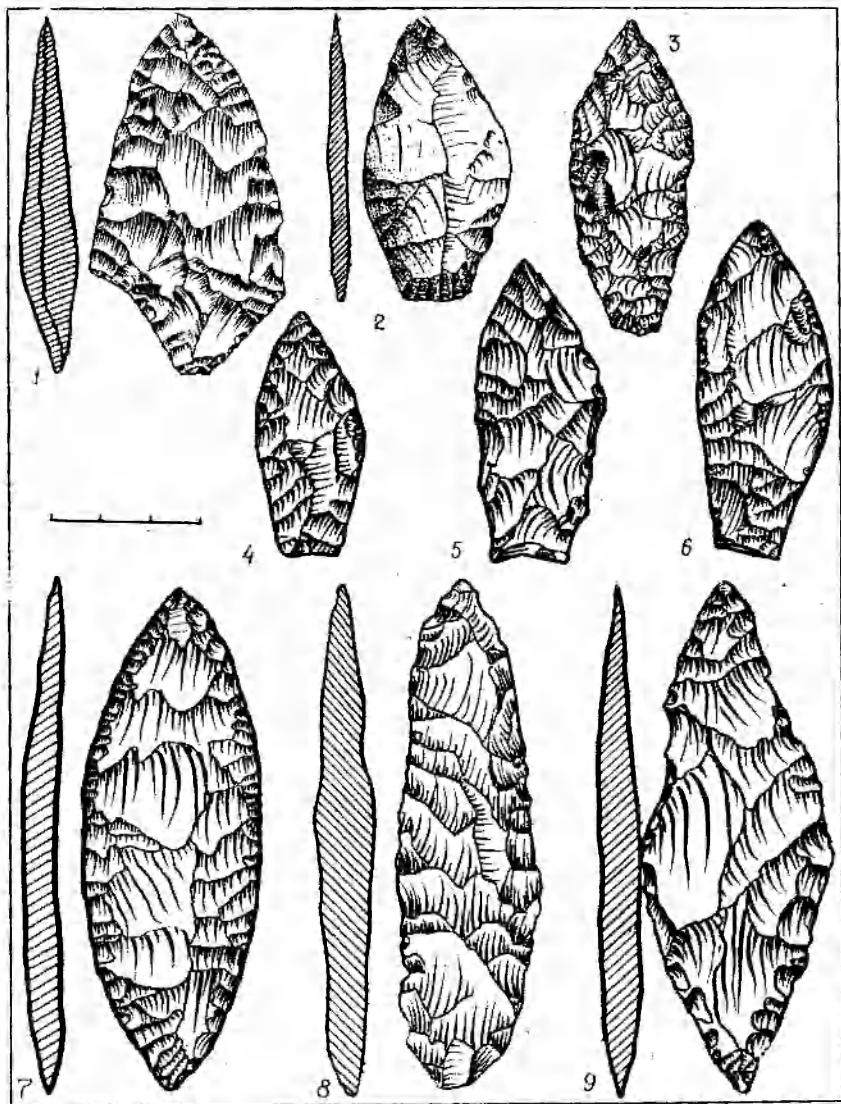

Рис. 29. Константиновское поселение.
Наконечники копий и дротиков.

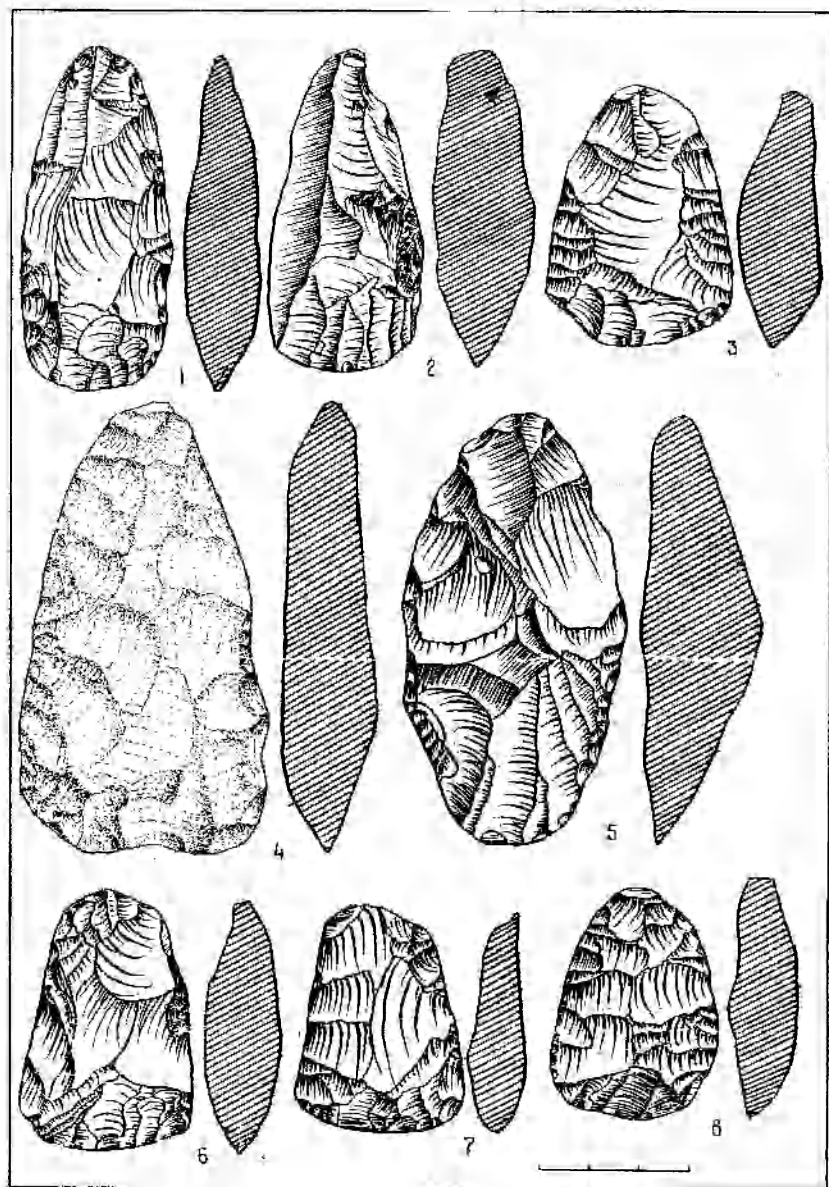

Рис. 30. Константиновское поселение.
Кремневые и кварцевые топоры.

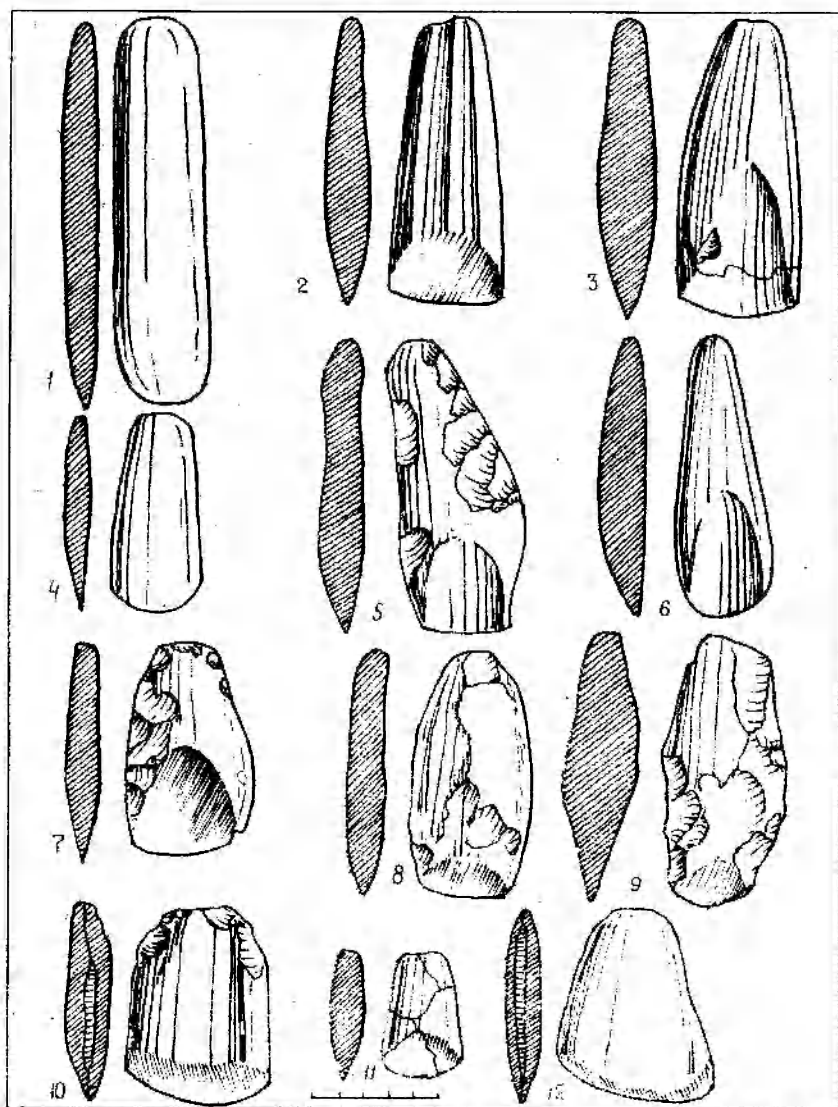

Рис. 31. Константиновское поселение.
Сланцевые тесла и долота.

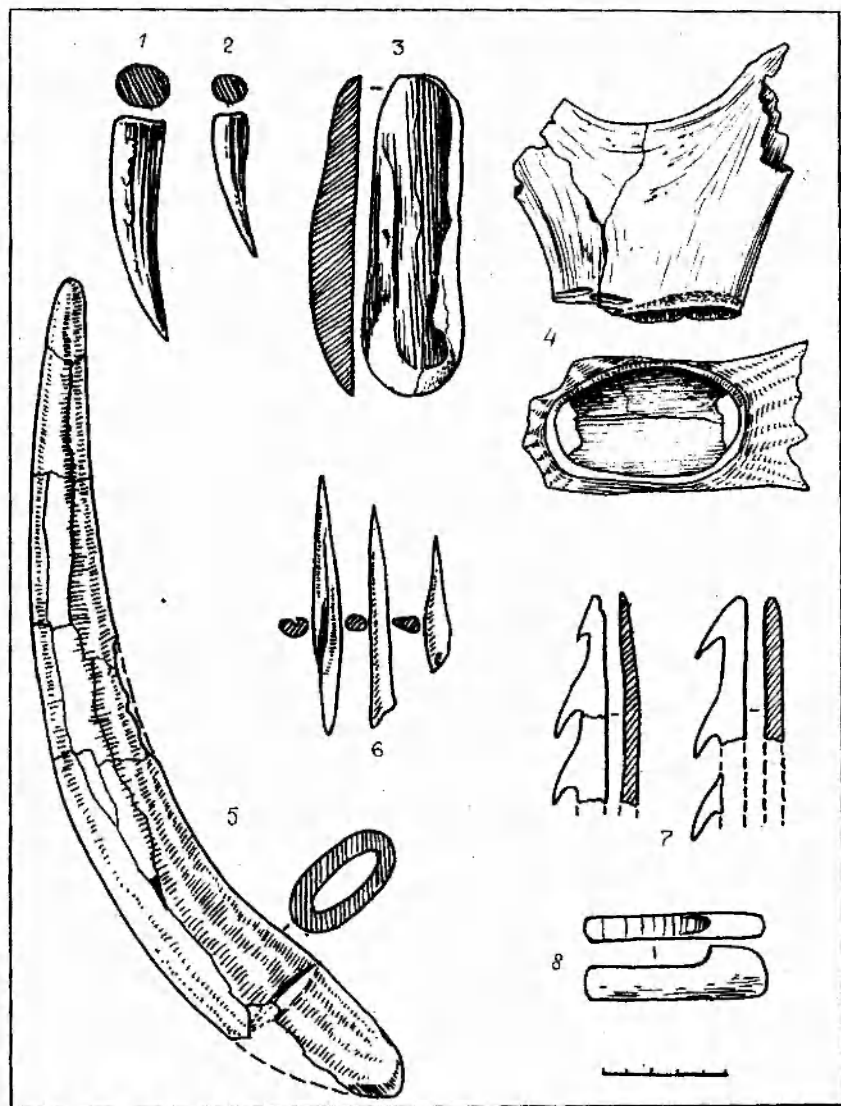

Рис. 32. Костянтинівське поселення.
Ізделия из рога и кости.

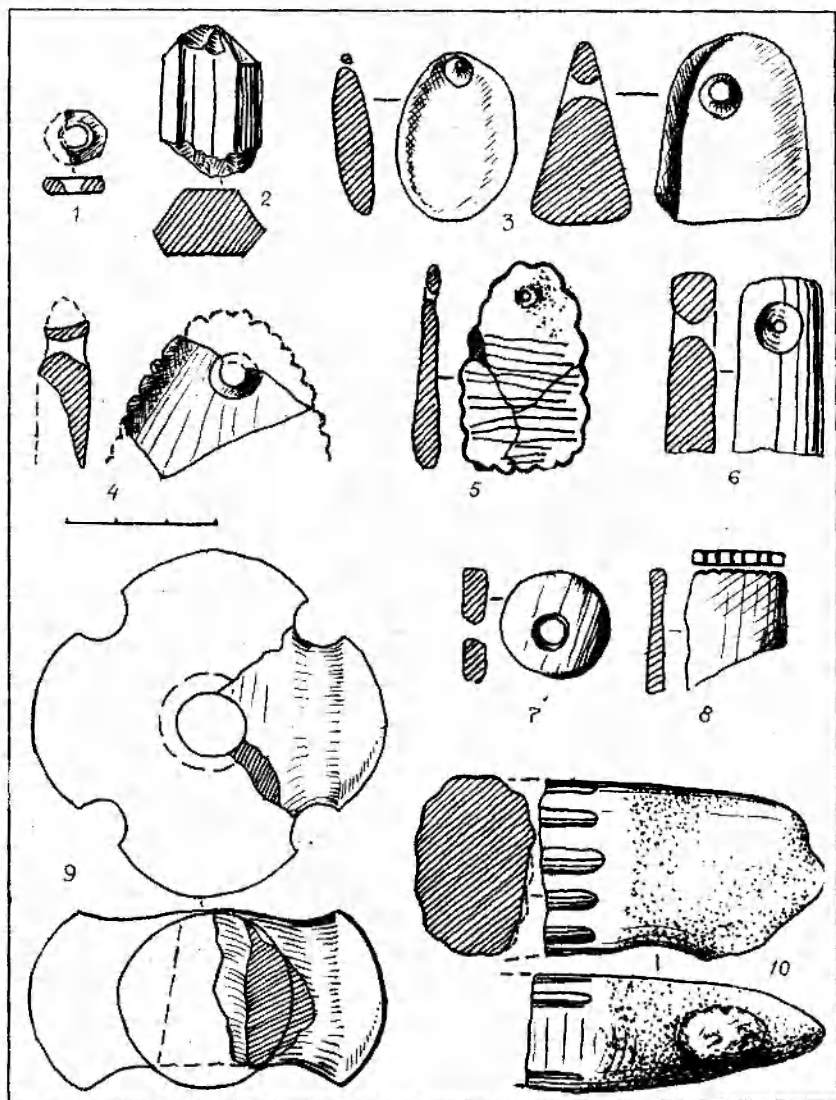

Рис. 33. Константиновское поселение.
Изделия из камня.

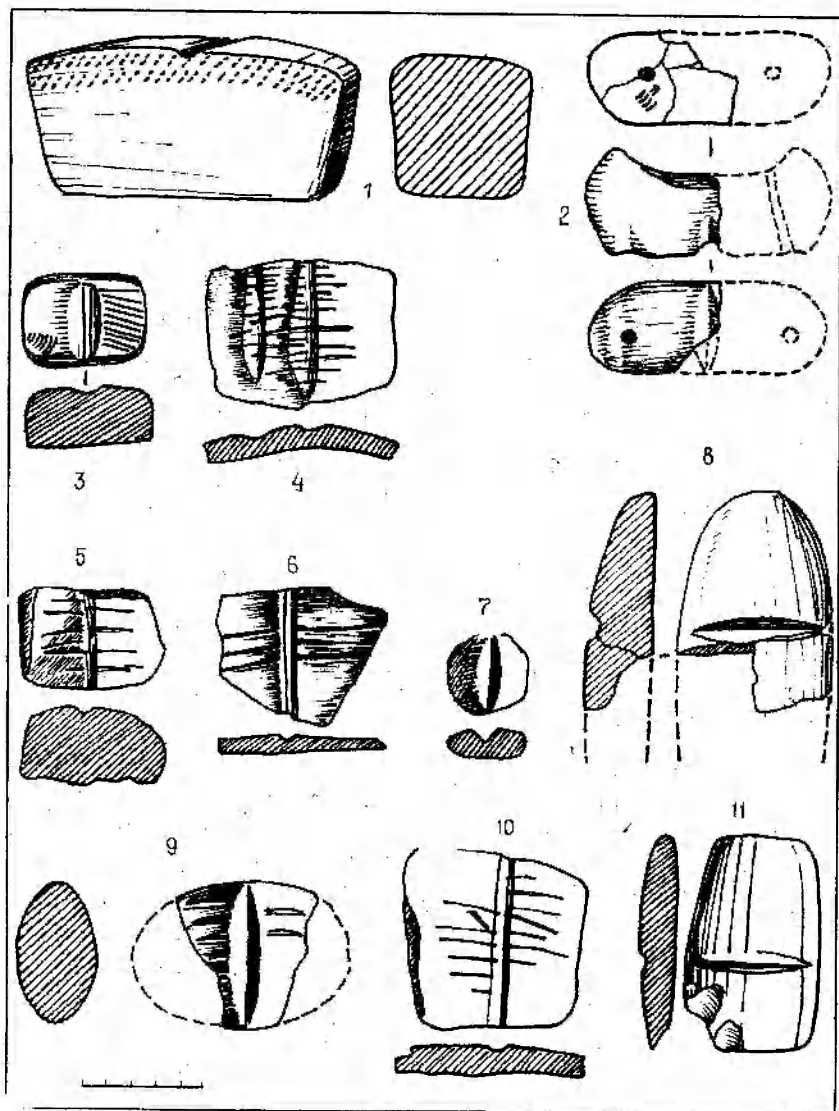

Рис. 34. Константиновское поселение.
Культовые изделия из глины и сланца.

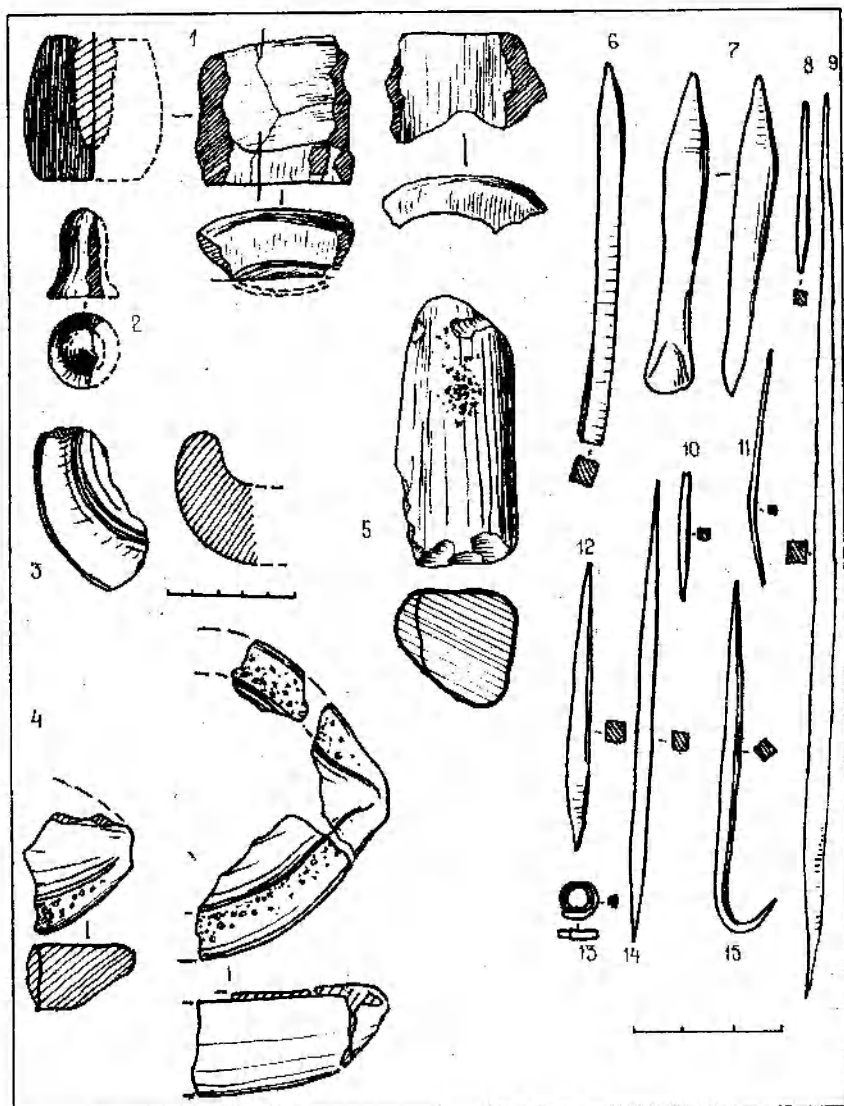

Рис. 35. Константиновское поселение.
Металлургия.

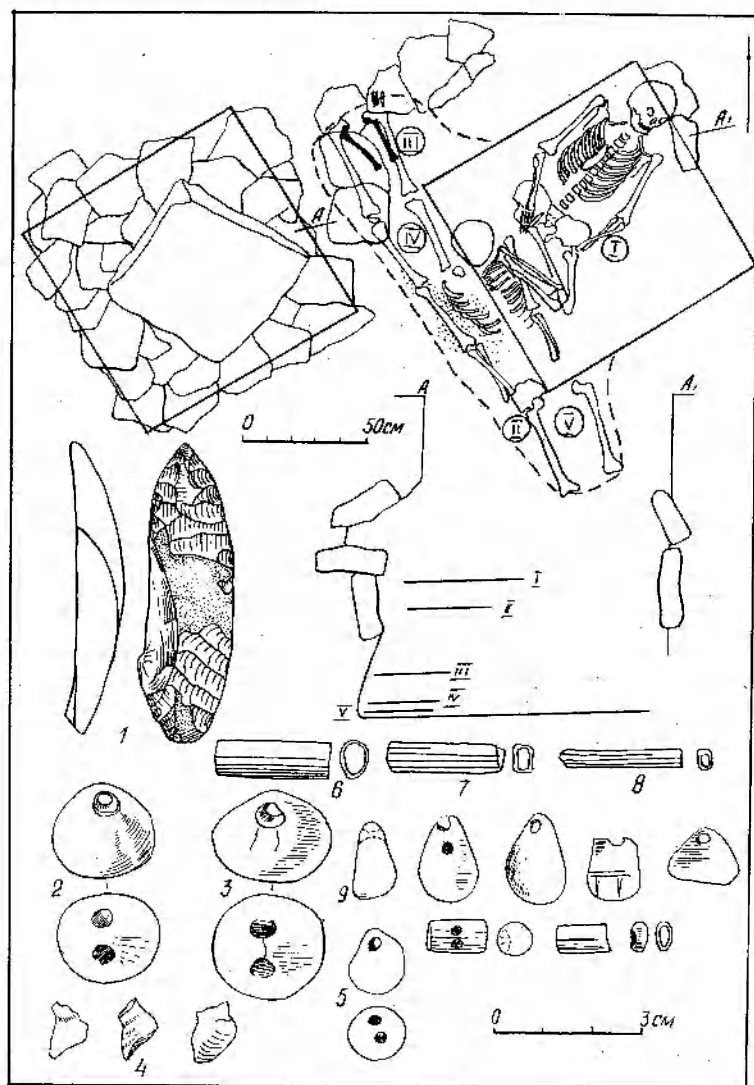

Рис. 36. Каратаевский могильник.

1, 6-9 — верхнее погребение, 2-5 — нижние вытянутые погребения.

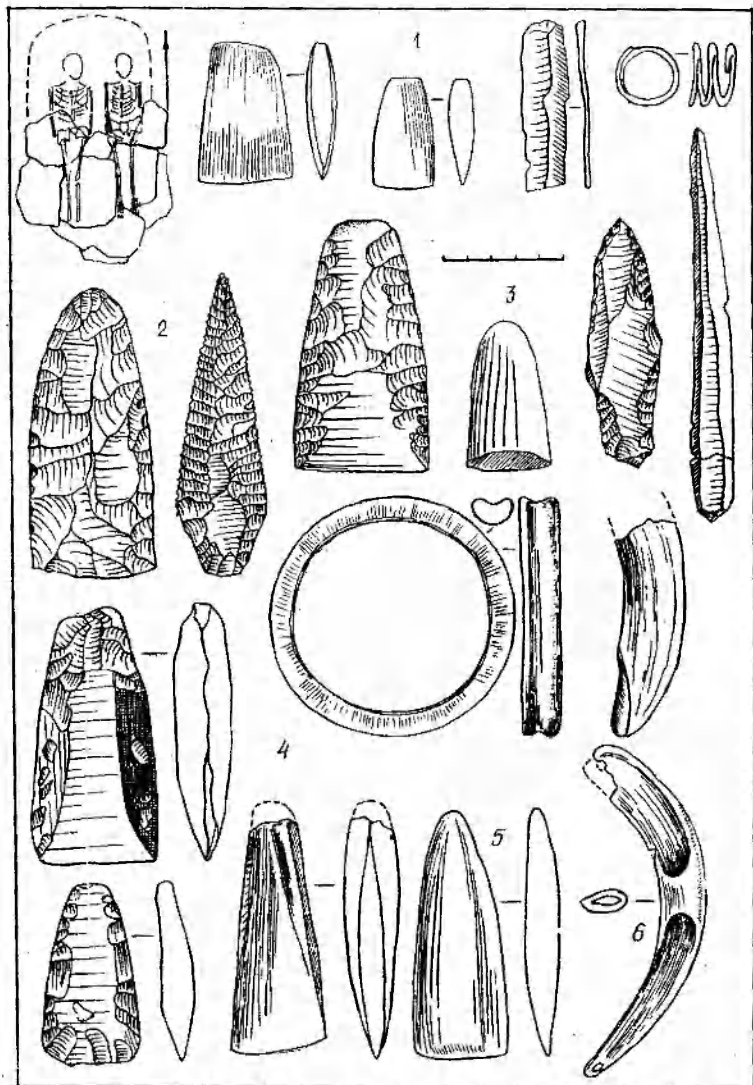

Рис. 37. Находки из одиночных грунтовых погребений на Нижнем Дому.
 1 — хутор Недвиговка, 3, 5-6 — Ливенцовка, Западная окраина г. Ростова, 4 — поселок Южный, Сальский район Ростовской области, 2 — хутор Лиховский.

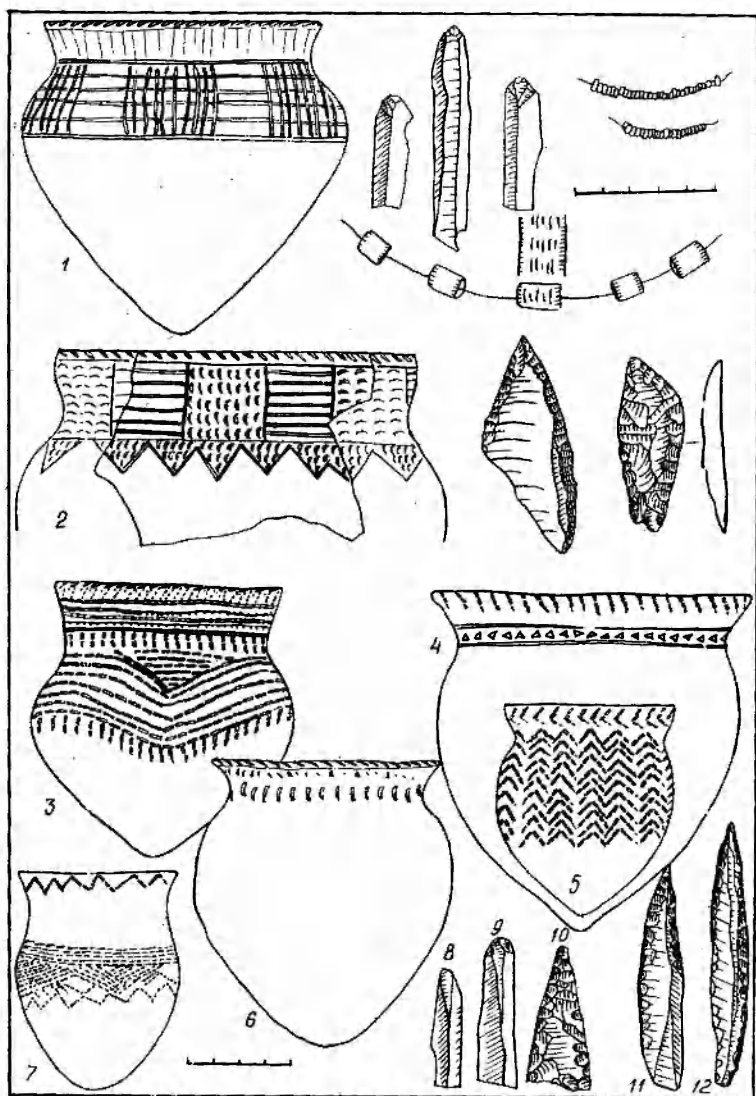

Рис. 38. Материал из погребений 1-й группы.

1 — хутор Попов, 2 — Мокрый Чалтырь, 3 — пос. Мухни.

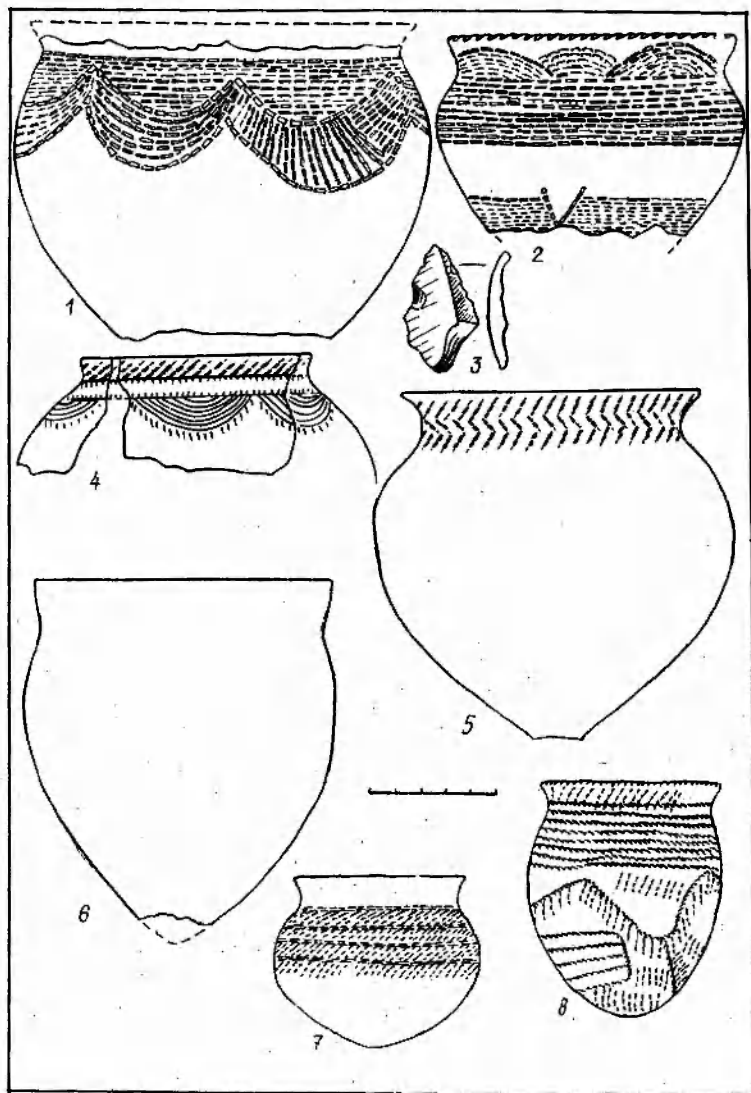

Рис. 39. Керамика из неолитических погребений Нижнего Дона.
 1-3 — хут. Семенкин, 5 — «Радутка» Азовский район, 6, 8 —
 Ливенцовка, 7 — Красногоровка. Раскопки П. А. Ларенок, В. Е.
 Максименко, Е. И. Беспалый, С. Н. Братченко.

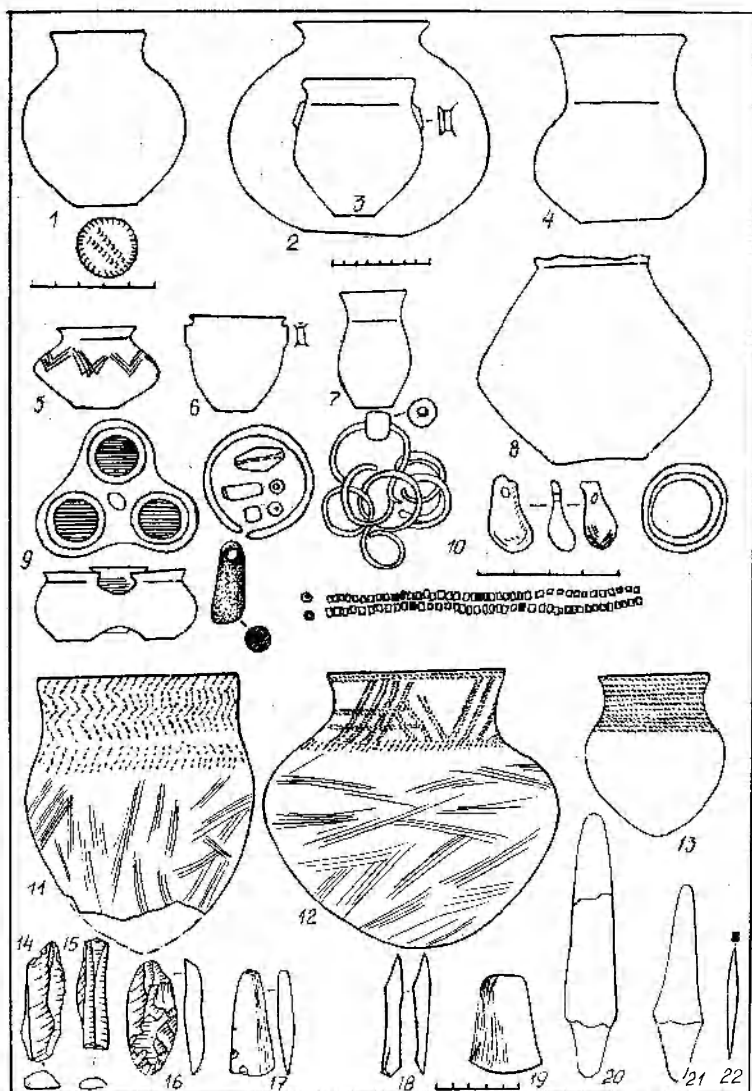

Рис. 40. Погребения 3-й группы.

Раскопки В. Г. Житникова, А. К. Гамаюнова, А. А. Горбенко, В. Е. Максименко, В. Я. Княшко, Е. И. Савченко, Е. И. Бесилого.

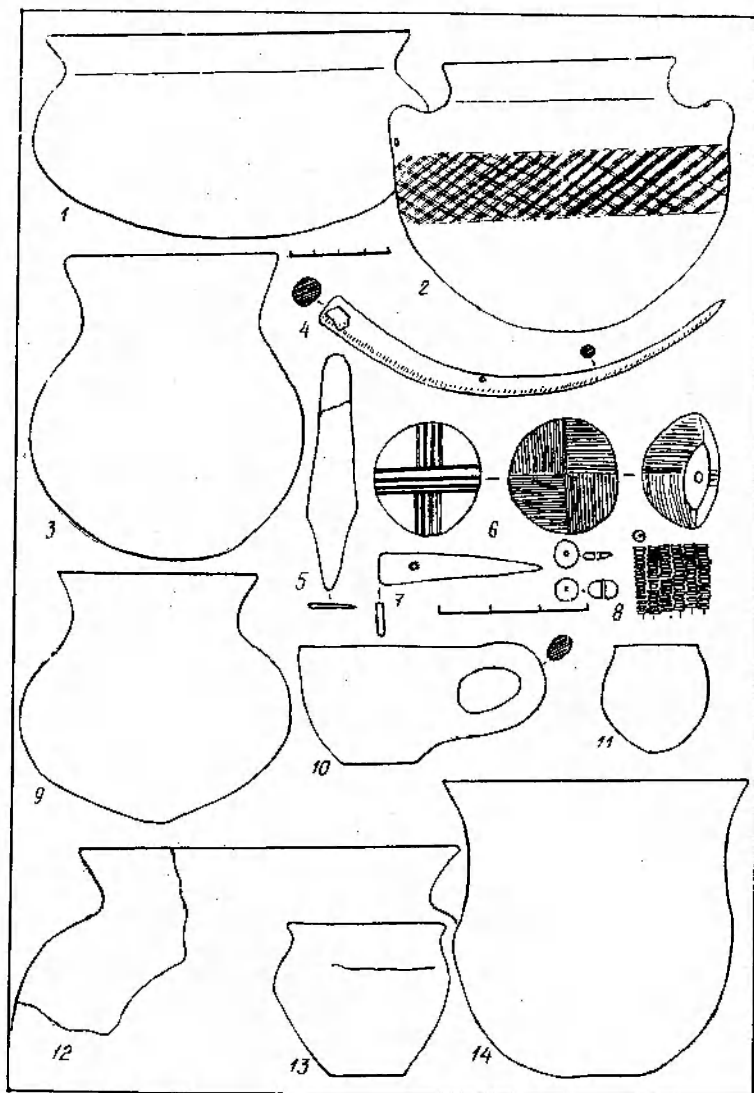

Рис. 41. Погребения 4-й группы.

Раскопки В. Е. Максименко, С. Н. Братченко, А. И. Демченко.

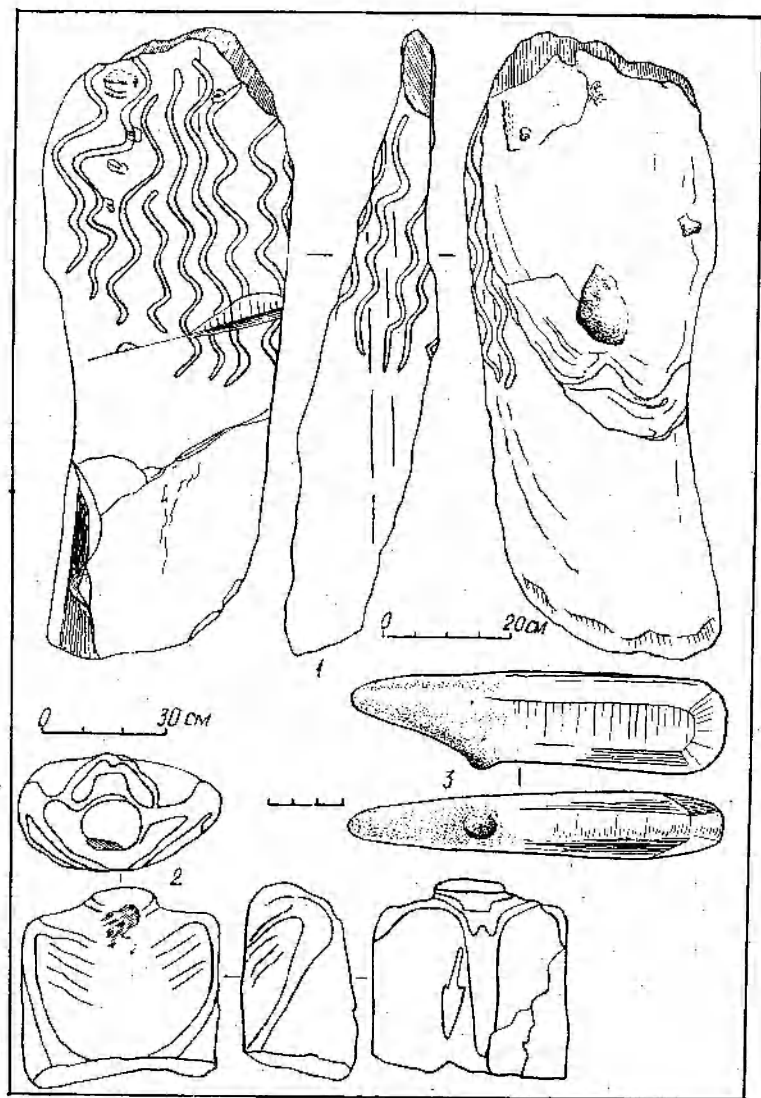

Рис. 42. Энеолит Нижнего Дона.

1 — стела из района г. Ровеньки. Разведка А. Р. Смоляк.
 2 — стела из Кашарского района Ростовской области (по
 Е. И. Козюменко). 3 — скипетр, Ростовский музей.

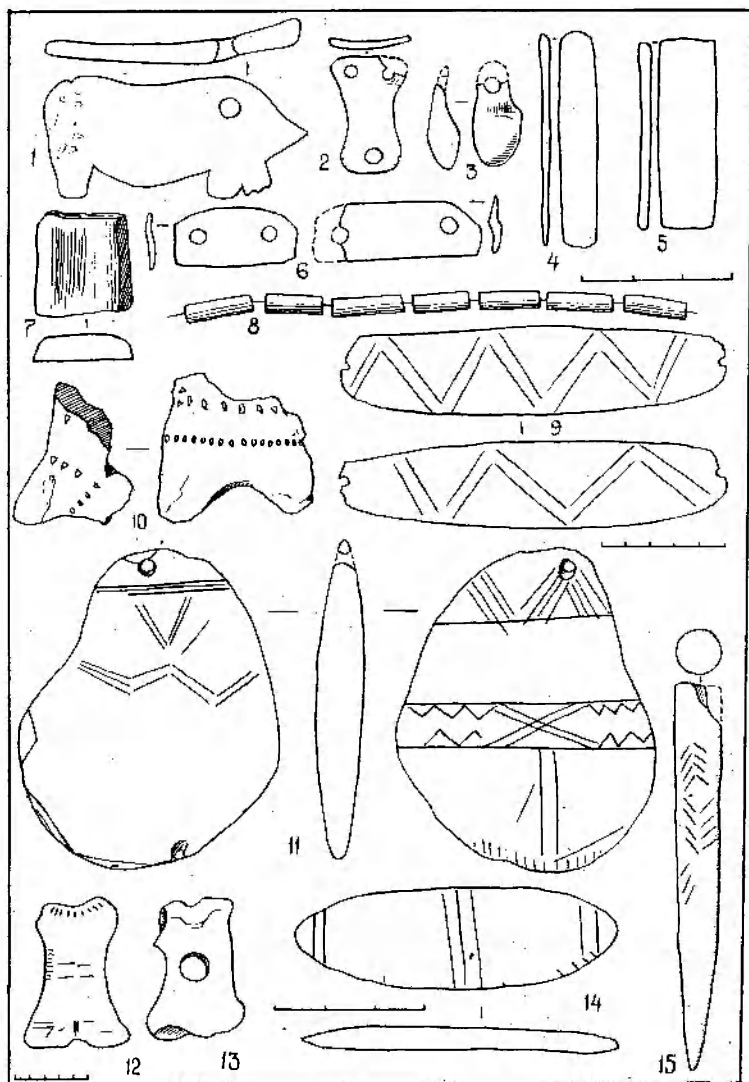

Рис. 43. Украшения и культовые изделия.

1-4 — Раздорское I, слой 2, 5, 7-8 — Раздорское I, слой 3,
6-7 — Раздорское I, слой 4, 10, 13 — Раздорское I, подъем-
ный материал, 9, 11-12, 14-15 — Ракушечный Яр.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия.
АС	— Археологический съезд.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ЗРАО	— Записки Российского археологического общества.
ЗСКОАИЭ	— Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории, этнографии.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии Наук СССР.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества.
ИГАИМК	— Известия Гос. Академии истории материальной культуры.
ИРОМК	— Известия Ростовского-на-Дону областного музея краеведения.
КСИА	— Краткие сообщения института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения института истории материальной культуры.
МИА	— Материалы и исследования по археологии.
ЛОИА	— Ленинградское отделение института археологии.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
РГУ	— Ростовский госуниверситет.
СА	— Советская археология.
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Изучение памятников медно-каменного века на Нижнем Дону	8
Глава II. Памятники позднего неолита и раннего энеолита на Нижнем Дону	21
Глава III. Константиновское поселение	33
Глава IV. Погребения эпохи раннего металла и общая характеристика энеолитических памятников Подонья	67
Иллюстрации	85
Список сокращений	130

ДОНСКИЕ ДРЕВНОСТИ. Вып. 3.

КНЯШКО
ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ

Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V—III тысячелетиях до н. э.).

Сдано в набор 30. 05. 94 г. Подписано в печать 15. 07. 94 г.

Формат а 5. Бумага типографская. Гарнитура литературная.

Печать высокая, офсетная. Усл печ. л. 8. Уч.- изд. л. 8. 152.

Тираж 999 экз. Цена договорная. Заказ 1749.

Азовский краеведческий музей.

346740, г. Азов, Ростовская обл.,

ул. Московская, 38/40.

ТОО «Азовский полиграфист».

346740, Азов, Ростовская область,

Петровский бульвар, 23.

